

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет

ЛИНГВИСТИКА

Бюллетень
Уральского лингвистического общества

ТОМ 12

Екатеринбург
2004

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Л.Г. БАБЕНКО

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Доктор филологических наук, профессор Н.Б.РУЖЕНЦЕВА

Ассистент ШИНКАРЕНКОВА М.Б.

Л 59 Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2004. Т. 12. 219 С.

ISBN 5-7186-0131-3

Бюллетень издается Уральским лингвистическим обществом. Основные задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики; обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Бюллетень предназначен для ученых-языковедов всех специальностей. Он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов, всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Том 12

Подписано в печать _____ Формат 60х84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. ____ Тираж 120 экз. Заказ 1084

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620219 Екатеринбург, ГСП – 135, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@diapup.uk.ru

ISBN 5-7186-0131-3

© Лингвистика, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

АЛЕКСЕЕВА Л.М.	Метафоры революции как средство категоризации в политической лингвистике (на материале работ Н.А.Бердяева)...5
АНДРЕЕВА К.А.	Художественные политические концепты в романе А.Мэрдок "Алое и зеленое".....13
АНТОНОВА С.М.	Когнитивные результаты системного динамического исследования лексико-семантической группы глаголов говорения.....22
КРАСИЛЬНИКОВА Н.А.	Метафорическое представление «своих» и «чужих» в дискурсе американского движения «Зеленых».....43
ЛАССАН Э.	Парадигмы текстов и дискурсные формации как объекты дискурсного анализа.....60
НАУМОВА И.О.	Английские источники политической лингвистики современного русского языка (на материале фразеологических калек с английского).....89
ПОПОВА Э.Ю.	Коммуникативной неудачи в телевизионном политическом ток-шоу.....107
СМУЛАКОВСКАЯ Р.Л.	Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе.....111
СОРОКИНА М.В.	Манипулятивный потенциал метафорической модели ВОЙНА В ИРАКЕ – это АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ.....120
СУЛИМОВ В.А., ФАДЕЕВА И.Е.	Символическое и знаковое в современном политическом дискурсе.....129
ЧЕРНЯК В.Д.	Концепт “Петербург” в современном политическом дискурсе.....139
ЧУДАКОВА Н.М.	«Неживая природа» как сфера-источник метафорической экспансии.....148

ШЕХТМАН Н.Г.	Метафорическая модель выборы – это спортивное состязание в российском и американском политическом дискурсе.....	156
--------------	---	-----

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

МУХИН Н.Ю.	Вводные слова и психологические особенности автора художественного текста.....	169
ХАБИБРАХМАНОВА Ю.Р.	Категория субъективной модальности в жанре очерка.....	177
ШИНКАРЕНКОВА М.Б.	Зооморфная метафора в рок-поэзии.....	183

РАЗДЕЛ 3. ЛЕКСИКОЛОГИЯ

КЛИМОВА Л. В.	Исторические изменения в зоне высокочастотных имен существительных (по данным лексикографии).....	193
ХАСАНШИНА Г.В.	Терминоэлемент в метаязыке лингвистики.....	203
МАКЕЕВА С.О.	Названия упражнений в обучении английскому языку: прагматический аспект.....	210

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ОПУБЛИКОВАННЫХ СТАТЕЙ.....	218
---	-----

РАЗДЕЛ 1:

АЛЕКСЕЕВА Л.М.

МЕТАФОРЫ РЕВОЛЮЦИИ

КАК СРЕДСТВО КАТЕГОРИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (на материале работ Н.А.Бердяева)

ЛИНГВИСТИКЕ (на материале работ Н.А.Бердяева)

Исторические тексты, входящие в содержание политической

Анализ исторических текстов показывает, что они таят множест-

делируемый по особым правилам, этот разрыв между телом знака и той концептуальной структурой, с которой он соотносен, не препятствует тождеству знака самому себе и своеобразному преодолению асимметрии означаемых и означающих знака» [Кубрякова 1997: 309-310]. В данном исследовании преследуется цель показать, что будучи средством номинации нового знания, метафоры сразу же включаются в интерпретационный процесс социальной реальности.

Материалом данного исследования послужили тексты исторических монографий Н.А.Бердяева: «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века», «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности», «Духовный кризис интеллигенции», «Философия свободы» и «Истоки и смысл русского коммунизма». Выбор материала мотивирован тем, что в данных монографиях, написанных в первой четверти XX века, очень широко и детально представлена категория РЕВОЛЮЦИИ. Данные произведения в полной мере передают атмосферу указанного исторического периода. Н.А.Бердяев писал о реально наблюдаемых им событиях, т.е. создавал у читателя впечатление соучастия в описываемых событиях, «проживания» их вместе с автором. Предметом исследования послужили метафоры РЕВОЛЮЦИИ как когнитивные модели, презентующие конкретный период истории. Полагаем, что данные метафоры являются «доминантными метафорами» (термин П.Рикера) исторических текстов рассматриваемого периода.

Целью изучения метафор РЕВОЛЮЦИИ является намерение на основе факторов внутренней логики развития понятия революции, а также конкретного временного пространства исследовать возможности метафоры как средства категоризации исторической действительности. Категория РЕВОЛЮЦИИ категоризовала различные этапы истории по-разному. Рабочим понятием категории в данном исследовании является его видение как наиболее общего универсального смыслового образования, в основе которого лежит некий признак или система признаков.

Выбор темы мотивирован тем, что в настоящее время смысл понятия революции стал в определенной степени парадоксальным, поскольку с одной стороны, данное понятие уже концептуализировалось и стало стереотипным (т.е. бессознательно, автоматически употребляемым), с другой стороны, данное понятие мотивировано первичным значением и до сих пор ассоциируется с ним. Изучение

категории РЕВОЛЮЦИИ и ее категориальных признаков в диахроническом аспекте позволяет считать данную категорию историографической. Эта установка дает возможность получить новое знание о данной категории, представляющее интерес для собственно политической лингвистики, оперирующей категориями подобного рода.

Понятие метафоры используется нами в широком смысле, как модель создания исторической действительности, основанная на познании, социальном опыте и культуре ее творца. Интерес к метафоре как средству категоризации мира возрос в постпозитивистскую эпоху, когда стали актуальными вопросы роста научного знания, его преемственности, динамики. Именно тогда метафоры стали называть «мостиками, соединяющими новые и старые теории» [Никитина 1987: 36]. Политическая лингвистика должна, по всей вероятности, основываться на том, что сила метафоры заключается в способности ломать существующую категоризацию для того, чтобы на развалинах старых логических границ строить новые [Рикер 1990]. При этом интересна роль человеческого фактора и его аспектов (мотивации, реальных ощущений, действий и др.), играющих огромную роль в процессе категоризации мира. Именно человеческий фактор вносит разнообразие и изменчивость в семантику исторических метафор. Попытаемся продемонстрировать отмеченные нами особенности на примере анализа метафор РЕВОЛЮЦИИ.

Метафору в качестве историографической категории исследует известный польский историк В.Вжосек (Wrzosek 1997). В своем исследовании он доказывает, что историографические метафоры разнообразны и со временем меняются в значении. В.Вжосек выступает против наивно-реалистической убежденности тех исследователей, которые считают, что изучение какого-либо исторического объекта или явления в течение достаточно продолжительного времени автоматически обеспечивает объективность его исследования. Он исходит из того, что исторические тексты не являются эпистемологически нейтральными, поскольку историческое описание по своей природе антропоморфично. Одним из признаков антропоморфизма является употребление метафор, которые создают свои собственные системы оценок. В этом смысле мы считаем возможным рассматривать метафоры РЕВОЛЮЦИИ в качестве историографических категорий, поскольку дискуссия исследователей истории о смысле революции по-существу сводится к дискуссии о смысле метафор, моделирую-

щих данное явление.

Анализ метафор РЕВОЛЮЦИИ в творчестве Н.А.Бердяева позволяет выявить их меняющуюся динамическую природу. Очевидно, что трактовки данной метафоры в различные исторические периоды отличаются друг от друга: они описывают разные типы устройства общества и предлагают разные модели социального развития. В самом общем виде процесс семантического варьирования метафоры РЕВОЛЮЦИИ можно сравнить с маятником: в ходе развития истории ее смысл несколько раз отклонялся от исходного и менялся на противоположный.

Известно, что первоначально термин РЕВОЛЮЦИЯ появился во французском языке в конце XII века со значением, восходящим к латинскому *revolutus* «*вновь вращаться*», или *revolutio* от *revolvere* «*катиться назад*». Префикс *re-* имеет следующее значение “*denoting motion backwards or away, withdrawal, reversal*” [Chambers 1996: 1156]. В связи с этим большой загадкой становится употребление данного термина в прямо противоположном значении: «*глубокое качественное изменение в развитии какого-либо явления природы, общества или познания*», «*коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего общественного и политического строя и передаче власти в руки передового класса*» [Ожегов 1989: 671]. Остается неясным, почему слово, исходно имеющее значение регресса, цикличности, в современном языке передает идею прогресса и движения вперед.

В английском языке слово РЕВОЛЮЦИЯ появилось в XIV веке (от лат. *revolvere* «*катиться назад*»). Современные толковые английские словари фиксируют следующие значения глагола “*to revolve*”: “1. *to move or turn, or make something move or turn, in a circle around a central point; to rotate*, 2. *to have it as a centre, focus or main point*, 3. *to occur in cycles or at regular intervals*, 4. *to consider or be considered in turn*” [Chambers 1996: 1198]. Словарь Chambers, изданный ранее, кроме указанных значений фиксирует еще одно устаревающее значение “*to roll back, to return*” [Chambers 1983: 1108].

Значение существительного “*revolution*” следующее: 1. *the overthrow or rejection of a government or political system by the governed, often, but not necessarily, involving violence*, 2. *in Marxism: a the class struggle ending with the working class taking control of the means of production and becoming the ruling class*, b *the transition from one system of*

production to another, the political changes brought about as a result of this, and ending with the establishment of Communism, 3 complete, drastic and usually far-reaching change in ideas, social habits, ways of doing things, 4 a the action of turning or moving round an axis, b one complete circle or turn round an axis, c the time taken to make such orbital movement, 6 a a cycle of events, b the time taken to go through such a cycle and return to the starting point” [Chambers 1996: 1198]. Изданный ранее словарь [Chambers 1983] не дает такой широкой палитры значения данного слова и ограничивается его традиционным смыслом: “the act or condition of revolving: movement in an orbit, as distinguished from rotation: less commonly, rotation: a complete turn by an object or figure, through four right angles, about an axis: a cycle of phenomena or of time: recurrence in cycles: turning over in the mind (arch.): mutation (Shak.): a great upheaval: a complete change, e.g. in outlook, social habits or circumstances: a radical change in government: a time of intensified change in the earth’s features (geol.)” [Chambers 1983: 1108].

В XIX веке данный термин под влиянием Французской революции обрел **прогрессивное** значение, связанное с социальной революцией, которая изменила исторический процесс путем перехода от феодализму к капитализму и подавления аристократической монархии. Этот термин стал означать героическую битву старого и нового, победу над старым порядком. В этом смысле данное понятие приобретает метафорический смысл. Авторы метафоры РЕВОЛЮЦИИ трактовали ее как столкновение трех сил: либеральной элиты, крестьянства и духовенства. В этой интерпретации термин революция утрачивает свое первоначальное значение непрерывности, цикличности и приобретает значение глобальной трансформации общества, несущей принципиально новую, прогрессивную идею.

В начале XX века, в эпоху новых революций, значение категории РЕВОЛЮЦИИ становится осложненным. В работах Н.А.Бердяева показана сложная природа русской революции, включающая добро и зло, правду и ложь. Вместе с тем Н.А.Бердяев отмечает категориальные признаки, близко стоящие к прямому значению РЕВОЛЮЦИИ: *порочный круг, меняют платья, прерывность, ступенчатость.*

Н.А.Бердяев определяет понятие революции как «честно формулированную ложь», «добросовестно обнаруженную гниль», «подведение итогов разложению». Таким образом, идея прогресса, отмеченная в семантике слова РЕВОЛЮЦИЯ в XIX веке, перерождается

у Н.А.Бердяева в понятие «внутреннего социального дефекта», «опасной болезни», «недуга», который нужно вскрывать и лечить.

В его представлении, модель метафоры РЕВОЛЮЦИИ состоит из трех блоков: 1) идеи, 2) воплощений идеи (классы и государство), 3) действия. Рассмотрим последовательно данные блоки. Понятие идеи революции у Н.Бердяева неоднозначное, противоречивое:

1. **Идея** – (позитивное начало) приподняла покров, обнаружила гниль, внутреннюю болезнь, моральный упадок, сорвала маски со сгнивших идолов, несет новый цикл мировой истории, протест против зла, якорь спасения (Герцен), позволяет избежать ужас капитализма (Герцен), скачок из царства необходимости в царство свободы;

(сокрушающее отрицательное начало) **опасная болезнь**: тяжелый недуг, скверная болезнь, заражает народную душу, отравляет трупным ядом народный организм, инфицирует атмосферу, вогнала болезнь вовнутрь, сыпь на теле России, **рецепт** – вскрывать, лечить, убийство, **беснование**: обезумевшая корыстолюбивая воля, одержимость, тотальность, озверение, мания разрушения, стихия хаоса и бесноватости, хаотическая стихия, сила стихии, кровавый образ, обе стороны дичают звереют, конец цивилизации, уродство, черный передел, пробуждение стихии дикого зверя, **разложение**: страшная язва, гнилостный процесс, гниение, гниль, итог разложения, **зло/ужас**: не добрая сила, смутная эпоха, судьба России страдальческая, засоряет головы, жестко сформулированная ложь, ложное направление, яд, тьма, служить богу насилия, надевают на человека кандалы, фетиши, идолопоклонство, оскудение святости, бессилие, не имеет вкуса к народовластию, подобна смерти, (модель **соблазнения**, поскольку РОССИЯ – вечно бабье: соблазн входит в сознание, преимущество девственной почвы, русская недооформленность, слабость форм, вторжение сил, более груба, чем французская революция, разорванная Россия, меняют платья, базарный крик, физиологический крик, физическое искажение лица), **возмездие**: божья кара за грех, бог умер, следствие греха, роковая ошибка, судьба и рок, проклятие греховности мира, вымолить чудо. 4 метафорических модели революции – болезнь, беснование, разложение, возмездие. Таким образом, категория РЕВОЛЮЦИИ на уровне идеи оказывается противоречивой, включающая как положительное, так и отрицательное начало.

2. **Воплотители идеи** – Н.А.Бердяев отвергает понятие революции, основанное на классах. Чаще всего он пользуется абстрактным понятием НАРОД:

невыраженность сил русского народа, поляризованный народ, немота русских лиц, востоко-запад, мука разочарования, человечество внутренне атомизировано, пленено злом, раб в душе, раздробленность народной воли, механистичность, остался сильный природный элемент, пейзаж русской души – безграничность, бесформенность, широта, устремленность в бесконечность, в народе проснулось подозрение, злая воля, народ – подземный слой, тайна, которую нужно разгадать, в тисках государства.

Конкретные воплощения идеи революции в виде классов описываются при помощи следующих метафор:

интеллигенция – *скиталец петербургского периода* (метафора Достоевского), *(великий скиталец русской земли), раскольники, беспочвенность, оторванность от почвы, стояла над бездной, нездоровая, болезненность, (душа моя страданиями уязвлена – Радищев), кающийся дворянин, лишние люди, гонимы, заражаются обывательским революционизмом, набрасываются на новые для них острые блюда, интеллигенция раздавлена между двумя силами – силой царской власти и силой народной стихии,*

тонкий слой дворянства

раскольники

помещики

крестьяне (*крестьяне в тисках крепостного права, месть ненависть*)

фабриканты

рабочие *опьяненные стихией, дичают, лишаются разума, святости,*

мужицкое царство *бесноватость*

государство – *вампир, ранило народную душу, насильнический характер.*

3. **Действие** (приемы) представляется при помощи следующих метафор: *эксперименты политической алхимии, уничтожить, вырезать с корнем, прием большевизма, насильничество, отравляет трупным ядом народный организм, породила что-то дикое, органическое перерождение, вогнало болезнь внутрь, инфицирует атмосферу, заражает народную душу.*

Таким образом, метафоры, лежащие в основе представления мира и человечества, основаны на различных образах. Объяснение изменчивости историографических метафор влияет на историческую мысль, соотносимую с образами мира. Новая трактовка Н.А.Бердяевым метафоры РЕВОЛЮЦИЯ противостоит классическому пониманию революции. Политическая лингвистика оказывается изначально ориентированной на открытие и происхождение метафор, составляющих интерпретационную инфраструктуру исторического знания. Политические метафоры ориентированы, с одной стороны, на такие факторы, как стереотипность и клишированность исторической мысли, соотносимые с ассоциациями с предшествующим знанием, с другой – на изменчивость и интерпретируемость как следствие природы меняющихся моделей мира. Метафоры политических текстов характеризуют специфику индивидуального мышления автора. Они также показывают, каким способом можно представить историческое знание в языке, т.е. одновременно выполняют функцию историографического описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.М. Метафора как репрезентативная историческая категория // Русский исторический вестник: история, цивилизация, культура, текст. М., 2000. С.276-281.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997.
4. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
5. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 1999.
6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М. 1997.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 126-170.
8. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.
10. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990. С. 416-434.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное

исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.

12. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

13. Chambers 20th Century Dictionary. Edinburgh, 1983.

14. Chambers 21st Century Dictionary. Edinburgh, 1996.

15. Wrzosek W. History – Culture – Metaphor. The Facets of Non-Classical Historiography. Poznań, 1977.

АНДРЕЕВА К.А. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В РОМАНЕ А.МЭРДОК "АЛОЕ И ЗЕЛЕНОЕ"

Политическая лингвистика – название исследований новой научной области. Ее объектом, очевидно, становится лингвистическое выражение идей, проблем, различные формы существования политики, т.е. деятельности, связанной с отношениями между различными социальными группами, с определением форм, задач и содержания деятельности государства как внутри страны, так и между нациями, этносами, государствами. Данная область имеет разные формы вербального представления. Основной единицей ее анализа будем считать *политический концепт*.

Дефиниция, содержание и форма *концепта* не получают сегодня однозначного определения в науке, что делает необходимым уточнение данного понятия. Расхождение в понимании концепта естественно объясняется тем, что данный термин применяется в различных дисциплинах, каждая из которых использует его для своих целей. Слово "концепт" не получает своего толкования в Словаре русского языка в 4-х томах под редакцией А.П.Евгеньевой. Здесь приводится лишь однокоренное слово "концепция", где второе значение, по существу, близко подходит к значению слова "концепт": "*основная мысль, идея произведения, сочинения и т.п.*" [Словарь русского языка 1986: 97. Выделено нами, К.А.]. Английские словари определяют слово "concept" аналогичным образом: "a thought, idea, or principle; *notion*" [Longman Dictionary of Contemporary English, Special Edition 1992: 208. Выделено нами, К.А.]. В данном определении *концепт* отождествляется с *понятием*. Ситуацию разъясняет Ю.С.Степанов в Словаре русской культуры, четко разграничивая последние: "*Концепт и понятие – термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики – в математической логике,*

а в последнее время закрепились также в науке о культуре, в культурологии..." [Степанов Ю.С. 2001: 43. Выделено нами, К.А.]. Ю.С.Степанов скрупулезно исследует внутреннюю структуру термина "концепт", его этимологию; последнее и объясняет его сближение с термином "понятие": "в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: *концепт* является калькой с латинского *conceptus* – "понятие", от глагола *concipere* "зачинать", т.е. значит буквально "поятие, зачатие"; *понятие* от глагола *поять*, древне-русское "схватить, взять в собственность, взять женщину в жены" буквально значит, в общем, то же самое" [Степанов Ю.С. 2001: 34].

У Е.С. Кубряковой толкование термина "концепт" несколько отличается, последний относится скорее к *структурам сознания, психическим процессам, картине мира*. Толкование концепта представлено в довольно объемной статье Словаря когнитивных терминов под редакцией Е.С. Кубряковой, где его исходное определение дано в следующем виде: "*Концепт (concept; konzept) – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких "квантов" знания*" [Кубрякова Е.С 1996: 90]. По мнению Е.С.Кубряковой, концепты представляют собой как бы *квинтэссенцию знаний*, являясь в то же время "строительными элементами концептуальной системы", выступая в виде категорий и классов. Разные ученые по разному представляют выражение этих концептов в языке: в *форме слова, в форме словосочетаний и предложений* (а); в *семантических признаках или маркерах*, обнаруженных в ходе компонентного анализа лексики (б); в небольшом числе "*примитивов*" (в) (исследования А.Вежбицкой).

Особый подход представлен во взглядах ученых, которые связывают часть концептуальной информации с *образами, картинками, схемами* [Кубрякова Е.С 1996: 90-91]. В семантике языка, продолжает Е.С.Кубрякова, *концепты* – "это скорее посредники между слова-

ми и экстралингвистической реальностью", являясь понятиями, соотносимыми со значением слова [Кубрякова Е.С 1996: 92]. Здесь присутствует расхождение с подходом Ю.С.Степанова (см. выше). Анализируя подход А.Вежицкой, Е.С.Кубрякова считает, что концепты, идеи независимы от языка, "только часть их находит языковую объективацию", "некие общечеловеческие (если и не универсальные) концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, фиксируются в разных значениях" [Кубрякова Е.С 1996: 92-93].

По Ю.С.Степанову, "*концепты* – это как бы сгустки культурной среды в сознании человека" [Степанов Ю.С. 2001: 42], они "не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, *симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт* – основная ячейка культуры в ментальном мире человека" [Степанов Ю.С. 2001: 43]. Концепт имеет сложную, слоистую структуру: "С одной стороны, к ней принадлежит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания, история; современные ассоциации; оценки" [Степанов Ю.С. 2001: 43].

По дефиниции О.Ю.Печенкиной *концепт* – "дискретная содержательная единица ментального лексикона, отражающая отношения к предметам и явлениям реального или идеального мира" [Печенкина О.Ю. 2001: 5]. Некоторые исследователи пытаются *классифицировать концепты*. Так, выделяют *культурные концепты*: время, пространство, причина, *социальные*: свобода, право, справедливость, богатство, собственность (А.Я.Гуревич), *категории национальной культуры*: воля, интеллигентность, соборность в русской культуре [Маслова В.А. 2001: 51]. Ю.Н.Кольцова, определяя *концепт* как "некую психическую субстанцию, возникшую в сознании художника и способную составить основу для порождения художественного текста, проявляясь в их структуре и поэтике", относит данный тип, вслед за С.А. Аскольдовым, к *художественным концептам*. В данной системе *концепты* подразделяются на *художественные и познавательные* и связываются с явлениями ассоциации, ассоциативности [Кольцова Ю.Н. 2001: 73]. Особенно важна попытка исследователя определить *методы концептуального анализа*, они основаны на ком-

понентном, семантическом, логическом и прагматическом подходах, а также полевом анализе.

Политические концепты, очевидно, отражают основные понятия политической лингвистики. Способы выражения *политических концептов* различны. Это могут быть слова, словосочетания, предложения (сентенции по И.Р.Гальперину), *особые стилистические приемы* (например, концептуальные метафоры), а также *фрагменты текста*. Особенно актуальны для выражения базовых политических концептов также специальные текстовые категории: *субъективная модальность, оценка, точка зрения*. Лингвистический механизм базовых политических концептов в политическом дискурсе особенно значим, т.к. выявляются одновременно позиции как адресата: эксплицируются "секреты" журналистского письма, "скрывающего" субъективные оценки, точки зрения; так и адресанта, помогая объяснить широкой аудитории как именно происходит манипулирование общественным мнением. Последствия этого воздействия носят уже далеко не лингвистический характер, нередко определяя судьбы всего мира.

Политический дискурс наиболее часто представлен в текстах газет, политических выступлений, официальных документов. *Одной из менее типичных форм* его выражения является *художественная литература*. Миропорождение художественного текста весьма специфично. Силой своего воображения автор создает особый мир, включающий как отражение реальных событий и ситуаций, так и вымышленную жизнь. В сюжетно-фабульную канву, в характеристику героев могут вплестаться фрагменты, описывающие реальные политические события. Именно такие события представлены в романе ирландской писательницы Айрис Мэрдок "Алое и Зеленое".

Текст романа Айрис Мэрдок (1954 г.), описывающий как политические события, так и события личной жизни, представляет собой захватывающий нарратив и производит глубокое эмоциональное впечатление. Повествование о трагедии Пасхального восстания ирландцев против британских завоевателей в апреле 1916 года в Дублине и об участии в нем и переживаниях главных героев: Пата Дюмэй, его брата Кэтела, Эндрю, Франсис помещается автором в последнюю (анализируемую нами) часть романа: главы 16-25. Единая денотативная ситуация: Подготовка и осуществление Пасхального восстания передана через призму восприятия отдельных героев и участников. Представлены различные точки зрения на происходя-

щее, звучат разные голоса (по М.Бахтину полифония). Базовые политические концепты мир (свобода), война (восстание) приобретают новые оттенки, новое звучание, окраску.

Действительно, уже в самом названии романа субстантивированные прилагательные алое и зеленое выступают символами с одной стороны крови, пролитой за Ирландию во время восстания, и, с другой стороны, извечной красоты, мира и покоя изумрудного Зеленого острова.

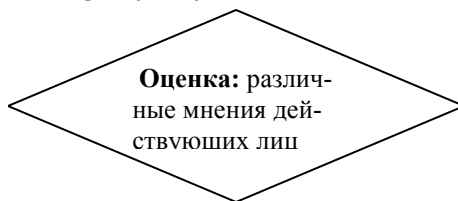
Прежде всего представим суперструктурную схему данного нарративного события, используя методику У.Лабова и Т.А. ван Дейка [Labov W., 1988].

Схема 1.

СТРУКТУРА НАРРАТИВА

Осложнение:

Восстание

Решение: Подавление восстания (представлено в подтексте)

Ориентация:

Ожидание восстания

Кода:
Послесловие

Суммирование

ситуации: Название романа

Основной смысл (символика романа) представлен в заглавии: Алое и Зеленое. Основное содержание передается *текстом-нарративом* от *третьего лица* (экзегетическое повествование) с фрагментами свободного косвенного дискурса (основа – несобственно-прямая речь), а также фрагментами диалогов, описаний. [См. о типах повествования: Падучева Е.В. 1996: 200, 206-207].

Прежде чем представить общий понятийный содержательный каркас последней части романа (его макроструктуру) обратимся к исходной основе строения политических концептов *мир* и *война* по данным словарей.

По данным 4-хтомного Словаря русского языка, под редакцией А.П.Евгеньевой, *Мир* имеет два основных значения: "1. Согласие, отсутствие разногласий, вражды или ссоры; 2. Отсутствие войны, вооруженных действий между государствами, *согласное существование государств, народов*" [Словарь русского языка 1986: 275].

На языке оригинала произведение *Peace* означает "1) a condition or period in which there is no war between two or more nations; 2) a state

of freedom from disorder within a country, with the citizens living according to the law" [Longman Dictionary of Contemporary English, Special Edition 1992]. Выявляется общая семантическая структура понятий в двух языках, особенно актуально в них второе значение: согласное существование народов, причем в английском языке появляется дополнительная сема: a state of freedom – состояние свободы.

Соответственно, приведем русские и английские дефиниции политических концептов *Война*, *Восстание* (как вариант войны) и английские *War*, *Rising*. В русском языке *Война* – "1. Организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами; 2. Перен. состояние вражды, борьба с кем-либо, чем-либо" [Словарь русского языка 1985: 203]. *Восстание* – "массовое вооруженное выступление для защиты своих классовых или национальных интересов" [Словарь русского языка 1985: 217].

В русском языке в понятиях война и восстание, как видно, совпадает ряд компонентов, выделенных в тексте: *вооруженная борьба, между классами*, что свидетельствует о частичном совпадении политических концептов.

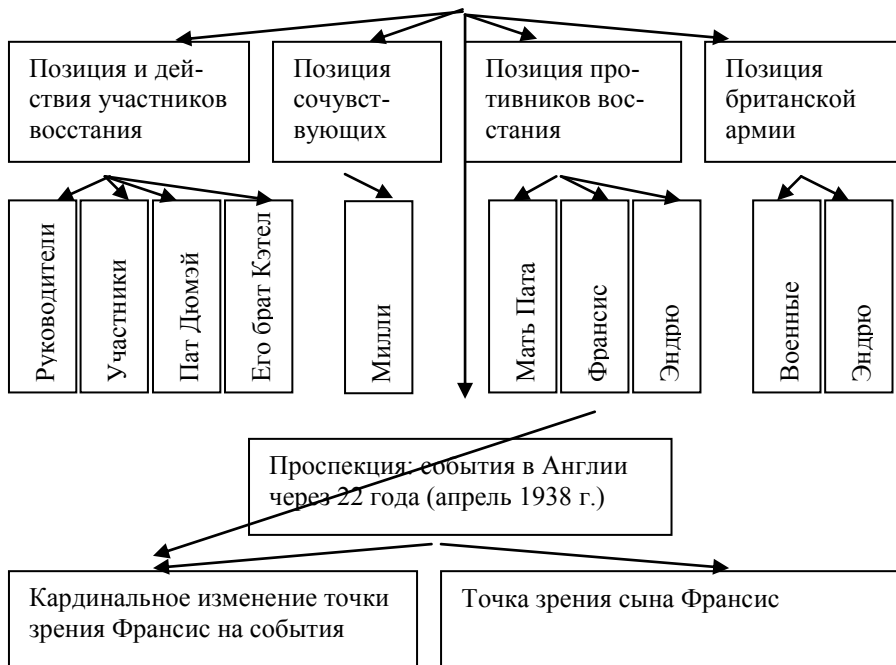
В языке оригинала наблюдается тождественная картина. Так, *War* – "1. *Armed fighting between nations*; 3. *A struggle between opposing forces or for a particular purpose* [Словарь русского языка 1985: 1185]. *Rising* – "also uprising – an occasion of sudden violent opposition to a government or ruler.." [Словарь русского языка 1985: 902]. Здесь также совпадают подчеркнутые семы: *armed* с *damaging physical force* и *fighting*, *struggle* с *violent opposition*. Частичное совпадение компонентов свидетельствует о существенном сближении политических концептов *War* и *Rising*, хотя, естественно, первый имеет более общее значение.

Чтобы дополнить общее понятийное содержание политических концептов *Мир*, *Восстание*, представить их "слоистую структуру", изобразим вначале общий понятийный текстовой смысловой каркас денотативной ситуации *Восстание в апреле 1916 года в Дублине*, а затем приведем лексические тематические ряды, отражающие отношение различных действующих лиц к этому событию.

Схема 2.

МАКРОСТРУКТУРА ДЕНОТАТИВНОГО СОБЫТИЯ

Макроконцепт: восстание ирландцев против английских завоевателей в апреле 1916 г.

Различные позиции действующих лиц по отношению к восстанию озвучиваются в романе разными голосами. Лексическая тематическая цепочка, выражающая *позицию Пата*, и передаваемая его непосредственно-прямой речью и голосом экзегетического повествования от 3 лица: "себя он готов был подставить под английские пули, *закаленный, обстрелянный ветеран*, бой, форменные куртки ИГА, волонтеры, походные сумки, винтовки, армейские ботинки всевозможных образцов, плакат "*Мы служим не королю и не кайзеру, но Ирландии*", боец ИГА, люди в зеленой форме, восстание отменили, рукоятка оружия, "Если мы сейчас не будем драться, нам остается только молить бога о землетрясении, чтобы оно поглотило Ирландию и наш позор" (Конноли), если не действовать сейчас, они вообще не смогут действовать, *должна была пролиться кровь мучеников*, восстание было назначено вторично, подробный план, *его честь*, и она-то всегда перетянет чашу весов на *сторону Ирландии*, Пат был в полной форме, при портупее и револьвере, *отчаянная жажда действия*,

может принять смерть для себя и для других – смерть за Ирландию, сила сверхчеловеческая, Ирландия должна сражаться, *Пат сгорал от нетерпения, его целью была свобода...*"

Позиция матери Пата озвучена ее голосом в прямой речи и направлена решительно против восстания: "*Умереть за Ирландию – это бессмыслица*", "*Я бы сделала все, что угодно, чтобы тебе помешать*", "*Я могла бы обо всем сообщить в Замок*", "*Ирландию не изменишь несколькими выстрелами*", "*Таким путем ничего нельзя добиться*", "*Против англичан у нас нет никаких шансов*".

Голос Кэтела, младшего брата Пата, дается в форме прямой речи: "*Я уже не маленький, и я смелый, значит, могу сражаться, и стрелять из винтовки я умею, завтра пойду сражаться*".

Позиция Эндрю, с одной стороны он член семьи Пата, с другой английский офицер – в форме и при оружии, выражена несобственно-прямой речью: "*Потеря чести, пружина в нем сдала, он не хочет сражаться с ирландцами*, они ему ничего не сделали, тут какая-то ошибка..."

Голос Франсис в 1916 году, обращенный к ее жениху Эндрю, английскому офицеру, звучит в прямой речи и *направлен против восстания и позиции Эндрю*: "*Ты бы должен застрелить его (Пата) как изменника! Ты предал короля и родину. Опозорил свой мундир!*"

Но через 22 года в 1938 году позиция Франсис по отношению к восстанию 1916 года кардинальным образом меняется: "*Те, другие (погибшие в борьбе – К.А.), были овеяны красотой, которую ничто не могло затмить, с которой ничто не могло сравниться. Они навсегда остались молодыми и прекрасными... Они умерли во всеоружии первой любви, и матери оплакали их... Они отдали жизнь за самое высокое – за справедливость, за свободу, за Ирландию*".

Таким образом, политические концепты Война (Восстание) и Мир в последней части романа Айрис Мэрдок "Алое и Зеленое", действительно имеют "слоистый характер" и реализуются не только в понятийной структуре, но и в тексте: в форме различных позиций, голосов, точек зрения, и основной политический концепт восстание может быть условно представлен в форме кардинально отличающихся моделей. С позиции сторонников восстания это модели М1: Восстание – необходимость; М2: Восстание – справедливость; М3: Восстание – освобождение Ирландии. С точки зрения оппозиции реализуются другие модели: М4: Восстание – горе; М5: Восстание – убий-

ство; М6: Восстание – ужас.

ЛИТЕРАТУРА

1.Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis' Oral Version of Personal Experience / Essays on the Verbal and Visual Arts. – Seattle: University of Washington Press. 2-nd printing, 1973; также Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1988.

2.Longman Dictionary of Contemporary English, Special Edition: В 2-х томах. – М.: Русский язык, 1992. – V. 1.

3.Longman Dictionary of Contemporary English, Special Edition: В 2-х томах. – М.: Русский язык, 1992, V. 2

4.Кольцова Ю.Н. Художественный концепт и художественный образ / Язык, культура и межкультурная коммуникация. Межвуз. сб. статей под ред. П.К.Гарбовского. – М.: МГУ, 2001.

5.Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

6.Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб.пособие для студентов высш. учебных заведений. – М.: Академия, 2001.

7.Падучева Е.В. Семантика нарратива // Падучева Е.В. Семантические исследования. – М., 1996.

8.Печенкина О.Ю. Содержание концептов бог и судьба в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И.Далем. Автореф.дис.... канд. филол. наук. – Орел, 2001.

9.Словарь русского языка: В 4-х томах / АН СССР, институт русского языка; под ред. А.П.Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т.2., 1986.

10. Словарь русского языка: В 4-х томах / АН СССР, институт русского языка; под ред. А.П.Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т. 1., 1985

11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2001.

Примеры извлечены из издания Айрис Мэрдок "Алое и Зеленое". Перевод с английского М.Лорие. М.: Прогресс, 1966.

АНТОНОВА С.М.

КОГНИТИВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СИСТЕМНОГО ДИНАМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ

Система языка существует и функционирует для обслуживания процесса коммуникации, а не процессов мышления. Языко-

вые единицы, вследствие сказанного, номинируют и актуализуют в речи только такие мыслительные концепты, которые в данной лингвокультурной общности являются релевантными для общения, обмена информацией.

И.А.Стернин.

Информема, прошедшая через семиозис, это именованная информема, или концепт. Становясь концептом, информема существенно изменяет свой статус: она является уже достоянием не только отдельного человека, но и соответствующего этнического языка...

В.В.Морковкин.

Модель – это интеллект, приплюсованный к предмету, и такой добавок имеет антропоцентрическую значимость в том смысле, что он оказывается самим человеком, его историей, его ситуацией, его свободой и даже тем сопротивлением, которое природа оказывает его разуму.

Р.Барт.

«Неотъемлемая часть ментально-лингвального комплекса человека», **сенсibiliити** позволяют носителю языка ощущать себя представителем своего этноса и воспринимать в непосредственных ощущениях «уникальность вербального отражения мира, предопределенную особенностями национального склада мышления и объективными составляющими пространственно-временного континуума этноса (вполне очевидными различиями природной среды и материальной культуры)» [Корнилов 1999: 150], являясь информационными целостностями, вполне соответствующими статусу информемы-концепта — базовой единицы ментально-лингвального комплекса человека. Именно концептам принадлежит роль тех прецедентных феноменов национального языкового сознания, которые формируют и определяют когнитивную базу национального языка в качестве основных структурообразующих элементов. Причем о концептосфере языка в этом качестве говорят как о такой «одежде» «национального мировоззрения (= мироощущения, мирочувствования, мироосмысления, мирооценки)» [Корнилов О.А. 1999: 139], которая детерминирует нюансы самоощущения и поведения каждого носителя этого языка, т.е. становится составляющей языковой картины мира. Несомненно, законодателями языковой моды, а затем и языкового образа мира являются прецедентные носители языка (личности, тексты). И изощренность творца языкового образа мира (= искушен-

ность + профессионализм + **видение** тенденций развития вкуса + воля влиятельности, т.е. практически все то, что со времен Н.С.Лескова в превосходной степени обозначается как *говорить* «с хитрым извитием слов» и «форсисто», а не только *понятно* для всякого члена языкового коллектива) здесь не менее значима, чем для модельера, чтобы стать законодателем моды. Однако не менее значима для языкового творчества и предметная область творения. Так, если судить по изощренности и нюансированности категоризаций и концептуализаций, на острие вкуса и моды в русской языковой картине мира и в области постоянного внимания (и в чем, возможно, его уникальность) всегда находилось речевое действие. И в этом – одно из объяснений высокой частотности глаголов говорения во всех функциональных вариантах русского языка (от диалектного до литературного со всеми его подсистемами и текстами), сложность их семантической структуры и системной организации (только в современном русском литературном языке их около 1500 лекс [Ничман 1980]). Однако, и, наиболее исследованные лингвистами, они все еще не постигнуты как подсистема лексико-семантической системы (ЛСС) русского языка [Кобозева 1985].

Мы видим в ЛСГ глаголов говорения **сенсibiliю рефлексии и верификации** эмпирического проживания всех видов речевого поведения: глагольная лексика говорения, являясь в семиотическом отношении пропозитивной, в когнитивном отношении является метаязыковой — категоризирующей и концептуализующей речевую деятельность и человека говорящего. Рожденные из информем языкового восприятия и отражения действительности речевого события, пройдя стадию концептуализации и приобщения к наименованию деятельности человека говорящего (каждая из номем говорения идентифицируется доминантой ЛСГ говорить), все единицы ЛСГ глаголов говорения, как и соответствующая им модель когнитивного осмысления и описания деятельности человека говорящего, прошли все этапы текстового и денотативно-когнитивного присвоения каждым из носителей русского этноса в пространстве и времени от древнерусской до великорусской народности и русской нации. Этот тысячелетний путь был отмечен для русского языкового сознания в целом и для каждого его носителя индивидуальным опытом вхождения в речемыслительное моделирование человека говорящего, что затем и вместили в себя как сенсibiliю и концептосферу лексико-

семантическая система русского языка и запечатленная в ней картина мира. Индивидуальные (личностные, авторские) и социальные (территориальные, профессиональные, социокультурные), уникальные и универсальные ментально-лингвальные результаты этих опытов — знаки-верификации — сформировали из них специализированную ЛСГ, которая сегодня и определяет законы языкового, концептуального, научного и художественного моделирования данного участка предсистемы.

Языковая модель мира (ЯММ) видится в каждом слове, именующем говорение. Большинство же глаголов говорения (если не все!) — это целые когнитивные программы: сценарии, скрипты, слоты и фреймы, вплоть до идеальных. Например, общерусские: *лстить, противоречить, клясться, процедить, чревоуещать, ехидничать, перемолвиться, ворковать, шелестеть, переброситься, усовещивать, изливаться, расточать, проповедовать, благовестить, договариваться*. Или диалектные: *замяркать, горлопанить, буробить, безголосить, садекать, тузоваться, турусить, плетухать, задачить, закартавливаться, охваливать, нашельмиться, похвастовать, журчать*. Не говоря уже о номенах-«ситуациях»: *мозги канифолиить, развязать язык, засыпать речами, баланду травить, балендрасы разводить*. Глагол говорения «ведет» за собой языковую личность всеми тропами сенсификации индивидуального ее опыта мыслеречедеятельности. Так, эмпирический компонент этого опыта буквально верифицирован уже в материи внутренней формы глагольного слова: в звуковой оболочке (*говорить, пришептывать, шушукаться, тараторить, дребезжать, мычать, ляскать, балаболить, трещать, стрекотать, шваркотать, брякать*), вещественном значении лексемы и в ее ассоциативном потенциале, эксплицируемом мотивационно, парадигматически и синтагматически — речь, слово, говорение воспринимаются всеми органами чувств как вещество физического мира, которое *льется, течет, (плавно, нескончаемым потоком, рекой, ручейком), замерзает (холодно, ледяным тоном, стеклянным голосом), замирает, всхлиывает, разгорается (жарко, горячо), тухнет, скользит (поверхностно, глубоко), несется, шуришит, дребезжит, тянется, мечется, свистит, шумит, привязывает (привязаться, навязчиво, неотвязно), ходит (неотступно), бьет, колет, режет, ранит*. Но даже такое яркое и образное видение «разоружает» при попытке постичь сущность языкового образа мира и увидеть

ЯММ как нечто целостное, а не простую совокупность слов отдельного языка, воссоздать картину мира как «удобообозримое» и адекватное своему объекту целое. Только системный подход к слову адекватен языковой картине мира (ЯКМ): введенная в научный обиход в качестве понятия, *ЯКМ*, как и ее модель, порождена одним **лингвистическим императивом** – необходимостью **концептуальной интерпретации** систематизированной лексики и результатов структурирования полей [Корнилов О.А. 1999: 90-132] – и отражает действительность языка и языкового сознания в категоризации, детерминированной семиологическим пониманием природы языка. И не только потому, что у языка как системы в силу его синтезирующей и отражательной природы сформированы элементы, способные представлять ЯММ – семантические поля. Системного подхода требует адекватная концептуализация всякого языка как системно-структурного образования, а иная вряд ли научна и вообще целесообразна, возможна в рамках как ментально-лингвальной и культурной целостности, а им (концептосфере и идеосфере) адекватна даже не семиотическая система языка – вся ее жизнь в дискурсе всех национально значимых текстов. И каждый глагол говорения в этом смысле – это моментальный и исторически (авторски и социально, интенционально и рецептивно, системно, текстуально и дискурсивно) сфокусированный и отрефлексируемый результат поиска слова-сенсibiliи, отмечающего становление национального тезауруса мыслеречедеятельности как опыта порождения, понимания, передачи, декодирования и интерпретирования высказывания.

Единица системности и ее концентрированное выражение [Блинова 1975], *лексико-семантическая группа* — **предельное воплощение человеческого фактора** (самый исследованный тип подсистем ЛСС) **не только в языке, но и в представлении его модели, т.е. еще и ярчайшее воплощение когнитивного «артефакта», философствования о языке: идеальная модель и ЛСС, и языковой системы в целом, и межуровневых отношений в ней** (Связь языка, внеязыковой действительности и мышления; структурные оси языка (парадигматическая, синтагматическая и эпидигматическая); взаимодействие единиц семантической структуры языка (семы, семемы, семантической структуры слова, ЛСГ, предложения); связь системной значимости слова его функционирования. [Уфимцева 1974]), **и всех их моделей** (научной, концептуальной, языковой во всех ее вариациях — национальной,

наивной, художественной, индивидуальной). **Глагольные** же ЛСГ, в силу знаковой спроецированности (сигнификативности, синтагматичности [Уфимцева 1974; Арутюнова 1976], текстообразующего потенциала, многовалентности, конституирующей роли в предложении) глагольного слова на высказывание, текст и дискурс, позволяют познать языковую систему и ЯКМ еще и в динамике — в соотнесенности дискретного и континуального компонентов — ЯКМ и языкового сознания этноса.

Носитель информации и источник знания о ЯКМ, когнитивный «артефакт», ЛСГ аккумулирует в своих единицах и системной организации: знание (научное и бытовое) действительности, отраженное в научных ее классификациях и связанных с ней языковых системах, в коллективном и индивидуальном практическом и речемыслительном опыте; знание основного ядра лексической системы языка как системы номинативных единиц (номем), используемых для обозначения элементов и отношений реальной действительности; знание результатов межуровневого синтезирования и способов языкового воплощения картины мира, отраженных в слове как единице ЛСС, зафиксированных в классификациях лексики и словарных дефинициях; знание законов, средств и способов развития, распространения и модуляции ЯКМ, полученной через отдельное слово, по трем осям структурной организации языка.

Следуя главной заповеди и программе (которая и стартовая, и очевидная, поскольку она естественная, но и главная, сколько бы и каких иных когнитологии ни открылось бы!) когнитивной науки, «когницию изучать в облике лингвистики» [Bever, Carrol, Miller, 1984, с. 12], а главный ее экспликатор-топик видеть в языке [Harman 1988], осознаешь стратегию когнитивного поиска: первичная программа, материал и средство познания, язык есть одновременно и главный и уникальный по богатству режиссерских и исполнительских возможностей сценарий когнитивной науки. И это не относится к ноосфере или к открытиям нашего, взорвавшего научную парадигмальность, века, а просто являет современное подтверждение древнейших восточных и античных философских и риторических аксиом и постулатов: мы и наш мир таковы, каковы наши мысли и наш язык. «Частично это происходит потому, – вчитаемся в аргументацию сегодняшних когнитологов, – что **язык отражает познание**, выступая **как основное средство выражения мысли** (Выделено нами. – С. Антонова), так что **изучение языка** — это косвенное **изучение по-**

знания. Возможно также, что **язык воздействует на познание**, ибо **влияет на** то, какие есть у неё или у него **понятия и какие мысли** «придут в голову ей или ему» [Harman 1988, с. 259]. Утверждение не столько шокирует идеалистичностью и абсолютизацией одного, хотя и сущностного источника, материала и объекта когнитивного исследования, сколько потрясает и вдохновляет интенцией признать язык еще и магистральной научной стратегией, методологией и технологией, а вместе с тем обнаружить объектность и ведомость субъекта когнитивного исследования. Образно говоря, **язык – это и режиссер, и сценарист, и сценарий, и главный продюсер, и актерский состав, и оператор, и исполнительский дискурс, и зритель, и критик исполненного, т.е. когнитивной драмы когнитивной мысли о когниции**. Говоря строго научно – материал и объект когнитивного изучения составляют, представляют и детерминируют (не просто определяют, а именно обуславливают, ставят в зависимость от себя) предмет (и его объем, и его существо, и его интерпретацию-верификацию) когнитивного знания. И, как концепт – языковой, культурный, научный – и его одновременная многоаспектная категоризация, **язык ведет, организует и моделирует собою языковую личность** (сознание – рефлексия и саморефлексию – в том числе) **всякого когнитолога и ее технологическую исследовательскую проекцию диапазоном своего онтологического (системно-структурного) и прагматического (коммуникативно-функционального) полифонизма**.

Ведомые и влекомые интенциональными силами языковой модели и своей языковой личности, дерзнем, вместе с тем, утверждать, что всей современной лингвистикой, как собственно и всем научным когнитивным фокусом **видения мира**, представляется и проецируется речевое событие (будь то речевой акт, речевая деятельность, речемыслительная и мыслеречевая деятельность) как такой феномен, адекватной языковой моделью которого может и должна быть не научная или риторическая картина мира, а исключительно – и именно только одна! – художественная модель мира. Оснований для такого утверждения мы насчитали более двадцати. Остановимся на тех основаниях нашего утверждения о доминантной роли речевого действия в концептуализации и категоризации современной картины мира, которые являются когнитивно значимыми.

Научно-философское основание для такого утверждения – в

условиях подлинного существования Мысли: полифонирующий Логос адекватен жизни Мысли только как Текст-Дискурс и как полифонирующее взаимодействие языкового сознания Автора и Читателя (Другого) (См. об этом подробнее, скажем, в [Морева 1991]). **Риторическое основание** – в том, что риторика есть не только наука о мыслеречедеятельности, но и философия управления обществом. Сознанием индивида, собственно образовательная технология и самый образ жизни, новая рациональность [Юнина, 1998]. **Когнитивное основание** – в том, что присвоение рационального и эмпирического опыта личности и социума осуществляется посредством языка, а хранителями слепков со всех постигнутых в результате связей действительности, чувственного опыта и языковых единиц в структуре языкового сознания личности (на всех четырех ее уровнях – мыслительном, языковом, речевом и коммуникативном) и в ментальной памяти социума являются прежде всего эстетически и этически выверенная (лучшая и даже идеальная) форма их существования – художественный текст-дискурс – и вертикальное поле дискретно-континуальных единиц, именующих речемыслительную деятельность человека говорящего. **Образовательное основание** – в поиске парадигмы знания о языковой личности, адекватной целостному развивающему образованию, гармонизирующему осознание мира в соответствии с гуманизирующим, гуманитаризирующим антропоцентризмом и креативностью.

Когнитивная модель как часть современной научной картины мира – это уже не просто предмет исследования, а модуль самого научного **видения** мира – «интеллект, приплюсованный к предмету». «Легализовав» субъектность и субъективность познания языка, модель превратила человеческое измерение из неизбежного сопутствующего фактора в знак современной научной эпохи и системообразующее его начало – **методологизм** («сверхсистемное прогнозирующее моделирование лингвального включения человека в материальную и идеальную реальность, последовательное изучение наблюдаемых языковых фактов как антропных проекций надсубъектных закономерностей», смысл которого – в поиске «методики-интерпретации уже известного лингвистического построения» [Бардина 1998, с. 73]). Вместе с тем, никаким субъективизмом интерпретаций знания и мира модель не грозит: «дом бытия человека [Хайдеггер] и духа [Степанов]» и «уникальное коллективное произведе-

ние искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [Корнилов 1999, с. 135], язык искони своих «жильцов» и «творцов» творит сам по праву главного «артефакта» (мысли, культуры и духа). И в своей самой творческой («артефактной», креативной, эстетической) ипостаси — художественном тексте и языковой личности его творца — языковая модель является достовернейшим и информативнейшим источником знания о картине мира и квинтэссенцией языкового сознания этноса.

Встраивая себя при этом как «наблюдателя, зависимого» (и от того, **что** видит и **что** видеть **хочет**; и от того, **как** смотреть и видеть **может, умеет** и **хочет**; и от того, **что** и **как можно** рассказывать о наблюдаемом, увиденном и интерпретируемом и **что** и **как может** и **хочет** рассказывать), «ведущего» (за собой, по своей исследовательской тропе), но и «ведомого» (объектом, предметом, матрицей-схемой-моделью восприятия и интерпретации объекта и предмета), уравновесим сознание собственного произвола пониманием того, что более произвольного субъекта картины мира, чем лингвист не может быть в принципе, поскольку **именно лингвист по положению своему относительно и мира, и языка зашорен, объектен и ведом**, а когнитивный лингвист должен бы еще быть и абсолютно безволен: в стремлении быть полностью свободным и увидеть моделирующий потенциал языка и работу языкового сознания ему остается только почувствовать свою зависимость от языка в восприятии и мира, и языка, и самого своего креативного начала, которое в идеале опять же должно быть просто репродуктивным, воспроизводящим то, что надиктовал когнитологу его собственный и иные языки. Так что опасность вторжения начала субъективного в объективацию моделирующей деятельности языкового сознания, так же велика, как и его желательность, и так же мизерна, как индивидуальная способность каждого из нас создать свой Мир по Образу и Подобию Творца, хотя каждый из нас, сотворенный именно таким образом и именно для такой миссии, каждый миг своей жизни ничего другого и не делает.

Наш исследовательский выбор и мера произвола — **осознание ведомости** исследователя **как блага свободы, интерпретаторства — как акта со-творения, авторства и креативной деятельности** языковой личности, сознания и языка, а самой **интерпретации** (текста и дискурса-интерпретации) — **как вербального воплощения ткани**

мысли творца в момент откровения ему ткани Мысли Творца. В этой формулировке своего выбора мы представляем два первых шага в алгоритме моделирования действительности и знания о ней (Всего в алгоритме моделирования пять шагов: «(1) установление (вне моделируемой системы) исходных постулатов, (2) формирование модели-метафоры, (3) создание модели-схемы, (4) создание модели-прогноза относительно реализации схемы в языковом сознании человека, (5) применение модели-интерпретации для объяснения наблюдаемых фактов» [Бардина 1998, с. 72]): модель-метафору – **дискурс живения творца, осознавшего себя ведомым.**

Модель, рожденная и апробируемая в рамках нашего исследования глаголов говорения (Разработанная при изучении функционирования глаголов говорения и смежных с ними ЛСГ в литературном языке и в диалекте, эта модель представлена в работах автора: [Антонова 1992; 1996; 1998а; 1998b; 1999; 2002], представляет понимание когнитивной природы языковой онтологии как **модели системного многоаспектного динамического подхода. Системный подход** – это всесторонний анализ функционирования слова, тщательное исследование всех проявлений, маркирующих смысловые и формальные различия его семем и сем в морфемной структуре, дериватах и лексико-грамматической сочетаемости. **Многоаспектность и синкретичность** видения языковых явлений в предлагаемой нами интерпретационной модели (познания, представления и описания) языковая картина мира — это рассмотрение ЛСГ **в жизни**, а не в остановленных мгновениях. Результат апробирования модели — возможность увидеть исследуемую ЛСГ как ядерную в лексико-семантической системе любого языка (она категоризует и концептуализует своими единицами тексто- и системоопределяющую и образующую **деятельность человека говорящего**) и утверждать **модель-прогноз** относительно реализации модели-схемы в языковом сознании — **ядро несет на себе все беспредельное знание о языковой системе как целом и о ее функциях и жизни.** Причем применительно к глаголам говорения осмысления требует не просто способность ЛСГ представлять системные характеристики, но свойства ее единиц моделировать когнитивную деятельность — **именовать действительность (номинативный аспект говорения), выражать мысль и слово о мире (манифестационный аспект), воплощать информацию (акустический аспект) и передавать ее собеседнику (информационный аспект), осуществлять речевое взаимодействие с миром (коммуникативный аспект речевой**

действия), интерпретировать ее, воздействуя (*императивный аспект говорения*) на адресата.

И, если развить известную метафору философа Мартина Хайдеггера «Язык — дом бытия человека» и принять не менее известное ее лингвокультурологическое продолжение («Каждый этнический язык — это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексия, самопознания и самовыражения национальной культуры» [Корнилов 1999: 135]), закономерной должна быть признана категоризация языка как главного творения мысли, культуры и духа народа. Таким образом, определение «артефакт» применительно к ЛСГ лишается всякой метафоричности и превращается в терминологическое, а художественный текст и языковая личность автора закономерно превращаются в квинтэссенцию языкового сознания этноса — в достовернейший и информативнейший источник знания о языковой картине мира, тем более при познании концептуализации и категоризации речемыслительной деятельности и человека говорящего.

Как носители информации и источник знания о ЯКМ ЛСГ аккумулируют в своих единицах и системной организации:

- знание (научное и бытовое) о действительности, отраженное в научных классификациях самой действительности и связанных с ней языковых систем, в коллективном и индивидуальном практическом и речемыслительном опыте;
- знание основного ядра лексической системы языка как системы номинативных единиц (номем), используемых для обозначения элементов и отношений реальной действительности;
- знание результатов межуровневого синтезирования и способов языкового воплощения картины мира, отраженных в слове как единице ЛСС, зафиксированных в классификациях лексики и словарных дефинициях;
- знание законов, средств и способов развития, распространения и модуляции ЯКМ, полученной через отдельное слово, по трем осям структурной организации языка.

Поскольку организующие глагольную ЛСГ связи и отношения актуализируются в реальном функционировании ее единиц в тексте, именно и только в нем, в тексте, в функционирующем слове в динамике предстает интеграция всех уровней языковой системы и их живое взаимодействие. На этом уровне происходит актуализация и па-

радикальных, и эпидигматических, и синтагматических свойств и отношений слова; происходит перевод их из системы потенциальных возможностей, которые охватывают идеальные формы реализации языка, в систему потенций, конкретно реализуемых и принятых данным коллективом; осуществляется связь языка, языковой картины мира и моделируемой ими действительности.

Когда для каждого когнитолога ясна одна программа (стартовая и очевидная, поскольку она же естественная и главная, сколько бы других когнитологии ни открылось!) когнитивной науки («когницию следует изучать в облике лингвистики» [Bever, Carroll, Miller, 1984: 12]), когда очевидно, что «язык – главный топик в когнитивной науке» [Harman 1988: 259], начинается осознание того факта, что первичная программа есть одновременно и основной, главный и уникальный по богатству режиссерских и исполнительских возможностей сценарий когнитивной науки. Причем эта очевидность не относится к числу открытий нашего взорвавшего научную парадигмальность века, а просто является современным подтверждением еще древнейших восточных и античных философских и риторических аксиом и постулатов: мы и наш мир таковы, каковы наши мысли и наш язык. «Частично это происходит потому, – вчитаемся в аргументацию сегодняшних когнитологов, – что **язык отражает познание**, выступая **как основное средство выражения мысли** (выделено нами – С.А. Антонова), так что **изучение языка** — это косвенное **изучение познания**. Возможно также, что **язык воздействует на познание**, ибо **влияет на** то, какие есть у нее или у него **понятия и** какие **мысли** «придут в голову ей или ему». Утверждение не столько шокирует идеалистичностью или абсолютизацией одного, хотя и сущностного источника, материала и объекта когнитивного исследования, сколько потрясает и вдохновляет интенцией признать язык еще и главной — магистральной — научной стратегией, методологией и технологией, а вместе с тем обнаружить объектность и ведомость субъекта когнитивного исследования. Образно говоря, язык — это и режиссер, и сценарист, и сценарий, и главный продюсер, и актерский состав, и оператор, и исполнительский дискурс, и зритель, и критик исполненного — когнитивной драмы когнитивной мысли о когниции. Говоря языком науки — материал, объект когнитивного изучения составляют, представляют и определяют (детерминируют, если уж строго научно говорить, потому что именно обуславливают,

ставят в зависимость от себя) предмет (и его объем, и его существо, и его интерпретацию-верификацию) когнитивного знания. И, как концепт – языковой, культурный, научный – и одновременная его многоаспектная категоризация, язык ведет, организует и моделирует собою языковую личность (сознание – рефлексию и саморефлексию – в том числе) всякого когнитолога и ее технологическую исследовательскую проекцию диапазоном своего онтологического (системно-структурного) и прагматического (коммуникативно-функционального) полифонизма.

Модель, апробируемая в рамках данного исследования, представляет понимание когнитивной природы языковой онтологии как такого отражения соответствующего участка действительности («предсистемы» языка), которое, будучи адекватным феноменологии, элементам предсистемы как «системе реалем», моделирует и методологические последствия взаимодействия языка и мышления (способы и средства диагностики системы языка и предсистемы), вне учета которых рождаются классификационные мифы, парадоксы и проблемы. Это **модель системного многоаспектного динамического подхода**. Именно **системный подход**, всесторонний анализ функционирования слова, тщательное исследование всех проявлений, маркирующих смысловые и формальные различия его семем и сем в морфемной структуре и дериватах, различия контекстуальные (лексическое, семантическое и синтаксическое окружение слова, способность его структур к деривации, трансформации, идентификации и т.д.), дают возможность адекватно и объективно выявить и описать внутренние структуры различных ЛСГ, взаимосвязи, взаимодействия и взаимоотношения их единиц на внутреннем и внешнем уровнях каждой из ЛСГ. **Многоаспектность и синкретичность видения языковых явлений** в предлагаемой нами интерпретационной модели (познания, представления и описания) функционирования – **жизни** – лексико-семантической группы, ядерной в ЛСС любого языка, которая категоризует и концептуализует своими единицами **деятельность** (тексто- и системоопределяющую и образующую) **человека говорящего**, позволяют обнаружить, раскрыть и описать грани этой жизни ЛСГ как грани динамики, а не остановленные (хотя, возможно, и прекрасные, но лишенные, вне динамики жизни, адекватности многомерному функционирующему объекту и, тем более, субъекту) мгновенья.

Слово, бывшее *всем* (Таковыми в нашей культуре Мысли-Слова затем были и остались — *наши все!* — М.В.Ломоносов, А.С.Пушкин. Е.Ф.Карский [Антонова, 2000]) в *Начале всего и Началом всему* в мире, остается таковым и в языковой системе, и в тексте, и в языковом сознании, и в любой из картин мира — единицей и центральной, и пронизанной межуровневыми отношениями, и калейдоскопически многогранной. Грани этой сущности слова — сложнейшая матрица отраженности в его элементах знаковой значимости и структуры всех граней языкового сознания: **эмпирический компонент**, вместивший в себя весь опыт чувственного «проживания» действительности (визуальный, осязательный, тактильный, акустический и обонятельный), и **рациональный**, включающий в качестве своих компонентов **денотативный, коннотативный, грамматический** и, наконец, **селективный**, самый «жизнеобеспечивающий» для функционирования словесного знака (ответственный за континуальную память и текстуальную корректность встраивания слова в текст и формирующий интертекстуальность каждого словесного знака, его ментальную память и изоморфность этих граней словесного мышления, действительности Мира, действительности Мысли, действительности языкового сознания и действительности языка) на каждом из уровней каждой из отраженных в этом словесном компоненте структур. И всеми этими компонентами языковая единица несет информацию о диктуме и модусе мысли и слова человека о мире (**манифестационный и информационный аспекты речевой деятельности**).

Информация концептуальной и совпадающей с ней ядерной части языковой картины мира, формируя универсальные понятийные категории и являясь инвариантной, независимой от того, на каком языке она выражена, требует для адекватности представления языковой картины мира учитывать не только ядро ее, но и периферию всех подсистем языка, явления пограничные и переходные, хотя сохраняет за ядерными структурами и единицами статус главных носителей информации о языковой и концептуальной моделях мира. В особенности актуально это требование при рассмотрении синсемантических единиц языковой системы, которые, выражая дискретное знание о Мире (родственное изначальному, открывшемуся Человеку вместе с осознанием своего Божественного предназначения **давать имя всему сущему (номинативный аспект речевой деятельности)**, делая каждый элемент Мира тем, чем он и должен быть на земле), являют-

ся одновременно слепками-единицами знания континуального, несут на себе память о континууме типовых прецедентных текстов. В противном случае — опять «паноптикум идей», созерцание «замерзшего океана» с поднятыми волнами. Именно эта философско-логическая (концептуальная) составляющая моделирования (языковым сознанием, языковой системой и каждой единицей глагольной ЛСГ) феноменологии речевой деятельности человека (превращения знаков мысли в знаки говорения) кладется в основание нашей модели-схемы ЛСГ глаголов говорения (взятой во всех гранях ее экзистенции) как воплощения динамики языкового моделирования действительности в целом.

В качестве *модели-прогноза относительно реализации схемы в языковом сознании человека*, соответствующей феноменологии «предсистемы» языковой картины мира, мы предлагаем такую: **ядро несет на себе все беспредельное знание о языковой системе как целом и о ее функциях и жизни**. Причем применительно к глаголам говорения осмысления требует не просто способность ЛСГ представлять системные характеристики ЛСС (статус единицы системности за ней уже признан), но свойства ее единиц (ядерных и периферийных) моделировать когнитивную деятельность — **ИМЕНОВАТЬ** действительность, **ВЫРАЖАТЬ** мысль и слово о мире, **ВОПЛОЩАТЬ ИНФОРМАЦИЮ** и **ПЕРЕДАВАТЬ** собеседнику (*коммуникативный аспект речевой деятельности*), **ИНТЕРПРЕТИРОВАТЬ** ее, **ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ** (*императивный аспект*) ею на собеседника и действительность, мысль и слово.

Так, ядерный глагол говорения своей текстовой реализацией представляет речевое действие, участвуя в декодирующей и порождающей деятельности языковой личности всеми гранями своего коммуникативного поведения. Во-первых, он моделирует речевое событие как шестиаспектное, актуализируя и в литературном языке, и в диалекте одни и те же аспекты: *акустический* ('произносить членораздельные звуки речи', 'пользоваться устной речью'), *информационный* ('сообщать', 'повествовать', 'рассказывать'), *манифестационный* ('выражать мысли'), *коммуникативный* ('разговаривать', 'договариваться'), *императивный* ('просить', 'велеть'), *номинативный* ('называть', 'употреблять в речи'). Во-вторых, все аспекты говорения, релевантные для языковой картины мира, актуализуются всеми гранями системных свойств ядерного глагола:

- семами — интегрирующими (*‘произносить’, ‘членораздельные звуки речи’, ‘выражать’*) и дифференцирующими (*‘оказать воздействие’, ‘назвать’*); лексическими (*‘звуки речи’*) и грамматическими (*‘побуждая к действию’, ‘друг с другом’, ‘кому-либо’*); денотативными (*‘обнаруживая мысли’, ‘чувства’, ‘в нормальном темпе’, ‘с нормальной степенью громкости’*), коннотативными (*‘правильно’, ‘спокойно’, ‘доброжелательно’*) и синтагматическими (*‘адресат’, ‘собеседник’, ‘что-либо’, ‘о чем-либо’, ‘кому-либо’, ‘с кем-либо’*); ядерными и периферийными; эксплицитными и имплицитными; системными иokkaзиональными; актуализованными и потенциальными (*‘вести себя’ ‘содержательно’, ‘подумав’*);

- семантическими признаками (*‘отчетливо’, ‘между собой’*);

- парадигматическими связями и отношениями — в пределах ЛСГ (гиперо-гипонимические *просить, приказывать, умолять, кричать, беседовать, рассказывать, называть, выражать, произносить, разговаривать*; антонимические *шептать, мямлить, тараторить, ворковать*) и вне ее (синонимические *влиять, вести себя, звучать, думать, петь*; антонимические *молчать, пилить, зудить, ныть, паясничать*);

- деривационными связями и отношениями (*говор, говорун, договор, сговор, приговор, поговорка, переговоры, оговорка, заговор, выговор, разговор, поговорка, отговорка; сказ, приказ, сказка, рассказ, сказитель; договорить, договориться, договариваться, выговорить, выговориться, выговариваться, заговорить, заговориться, заговариваться, наговорить, наговориться, наговаривать, наговариваться, оговорить, оговориться, оговаривать, оговариваться, отговорить, отговаривать, отговориться, отговариваться, понаговорить, переговорить, переговориваться, поговорить, приговорить, проговорить, проговаривать, проговориться, проговариваться, разговорить, разговаривать, разговориться, разговариваться, сговорить, сговаривать, сговориться, сговариваться, уговорить, уговориться, уговариваться*);

- валентностью на всех уровнях взаимодействия с другими единицами предложения и высказывания: внутренней (Внутренняя валентность понимается нами вслед за О.М.Соколовым [Соколов 1970]) и внешней: лексической — *говорить воркуя* (но не *курлыча*), *туманно, светло, мрачно* (но не *темно*), *быстро* (но не *стремглав, сломя голову*), *с радостью* (но не *с горем*), *во весь голос* (но не *во*

весь звук); семантической — *надоедливо, весело, долго, о погоде, правду, речь, с братом* (но не: *мокро, шероховато, со всех ног, стремглав*); морфологической — *говорить хриплым голосом* (но не *хрипlostью*), синтаксической *говорить русским языком* (но не *уговорить русским языком*).

Текстовое поведение глагольного слова вообще (и прежде всего сочетаемость глаголов одной ЛСГ) — это функциональная проекция его коммуникативно значимых характеристик, источник знания о моделируемой этой ЛСГ предсистеме, ее внутреннем устройстве, системных свойствах и законах функционирования ЛСГ.

Идеальным объектом для подобного исследования являются глаголы говорения, взятые в общенациональном масштабе во всем диапазоне их семантических, ономаσιологических и функциональных характеристик, с учетом всех имеющихся о них в науке сведений.

Сказанное подтверждает правомерность и целесообразность полевого подхода к ЛСГ: рассматривать системное устройство и функционирование ЛСГ необходимо «из центра», от доминанты, сквозь призму актуализации ее системных свойств в сочетаемости. Чтобы выявить моделирующие способности единиц группы представлять ситуацию говорения, вести анализ необходимо с учетом всего объема глаголов, соотносимых в тексте с процессом говорения: ядерных и функционально-текстовых, общерусских, стилистически отмеченных и нейтральных, диалектных и авторских. Чтобы установить инвариантное и специфическое в отражении концептуальной картины мира средствами общенациональной системы языка следует выявить структурную доминанту и периферию ЛСГ во всех функциональных разновидностях языка, семантическую структуру ЛСГ в целом: характер системной организации, микросистемы, входящие в ЛСГ, участки и формы взаимодействия этих подсистем внутри ЛСГ и вне ее пределов.

Таким образом, глаголы говорения представляют собою уникальную по отраженности в них явлений микросистему. Это центр всей глагольной лексико-семантической системы текстообразования, так как своей ономаσιологией, семасиологией, семантикой и самой феноменологией, как и онтологией, они задают механизмы кодирования и считывания информации о речевых действиях всех видов, о мыслеречедеятельности, риторике и когнитологии речевого события. Естественная среда обитания глаголов говорения и оптимальный ис-

точник динамического моделирования речевой деятельности, человека говорящего, языковой и концептуальной картин мира — художественный и диалектный текст-дискурс — в силу их (глаголов говорения, взятых в естественной среде обитания) изоморфности языковой личности на всех ее уровнях: 1) на уровне мышления как уровне бытия языка; 2) на уровне сущности языка и языковой личности; 3) на уровне репрезентации речи как явления языка и языковой личности; 4) на уровне действительности языка и языковой личности. Следовательно, именно через познание функционирования глаголов речевого действия в нарративе возможно вхождение в законы концептуализации и категоризации речевого события в языке, адекватное действительности языка, предсистемы и языкового моделирования.

Русский многозначный ядерный глагол говорения *говорить* (как и *сказать*) — минимальная идеальная динамическая модель языковой картины мира и идеальная ЛСГ, явленная во всей своей жизни через лексико-грамматическую сочетаемость глагола, взятую как полевая структура.

Текстовое поведение глагольного слова вообще (и прежде всего сочетаемость глаголов одной ЛСГ) — это функциональная проекция его коммуникативно значимых характеристик, источник знания о моделируемой этой ЛСГ предсистеме, ее внутреннем устройстве, системных свойствах и законах функционирования ЛСГ. Идеальным объектом для подобного исследования являются глаголы говорения, взятые в общенациональном масштабе во всем диапазоне их семантических, ономаσιологических и функциональных характеристик, с учетом всех имеющихся о них в науке сведений.

Сказанное подтверждает правомерность и целесообразность полевого подхода к ЛСГ: рассматривать системное устройство и функционирование ЛСГ необходимо «из центра», от доминанты, сквозь призму актуализации ее системных свойств в сочетаемости. Чтобы выявить моделирующие способности единиц группы представлять ситуацию говорения, вести анализ необходимо с учетом всего объема глаголов, соотносимых в тексте с процессом говорения: ядерных и функционально-текстовых, общерусских, стилистически отмеченных и нейтральных, диалектных и авторских. Чтобы установить инвариантное и специфическое в отражении концептуальной картины мира средствами общенациональной системы языка следует выявить

структурную доминанту и периферию ЛСГ всех функциональных разновидностей языка, семантическую структуру ЛСГ в целом: характер системной организации, микросистемы, входящие в ЛСГ, участки и формы взаимодействия этих подсистем внутри ЛСГ и вне ее пределов. Искать общее и специфическое функциональных разновидностей языка в представлении ситуации говорения следует и в текстах: именно они, как результаты индивидуального языкового творчества, воплощают «особое видение мира», сложившееся в данном языковом коллективе (ассоциативные ряды, традиционные способы метафоризации и образности вообще, косвенных наименований и др.).

Анализ функционирования и системной организации ЛСГ глаголов говорения «проявляет» общезыковую природу глагольной ЛСГ: это динамическая модель ЛСС, языковой картины мира и языка в целом, поскольку все ее элементы обнаруживают общность многоуровневого характера. **На уровне внеязыковой действительности** – моделируют единую систему реалем, сегментируя ее на коммуникативно значимые фрагменты глагольной лексемой — ономаσιологически, словообразовательной структурой, грамматической формой. **На уровне лексического значения** – обладают общим типом лексико-семантической структуры, который задается отражаемой предсистемой, концептуальной моделью мира и соответствует типу семантической структуры и характеру системной организации ЛСГ в целом. **На уровне сочетаемостного потенциала слова** – имеют единое поле сочетаемости: общие семантические классы, лексико-грамматические разряды и синтаксические формы слов, объединенных участием в погашении валентности единиц ЛСГ. **На уровне предложения** – моделируют единый тип конструкции – своеобразный синтаксический инвариант, варьирующийся в каждом конкретном случае в зависимости от ономаσιологического выбора предиката, от коммуникативного задания и от способа синтаксической деривации эталонного типа конструкции.

В концентрированном виде все свойства единиц ЛСГ воплощает ее доминанта. Эксплицируются тождество и различие элементов ЛСГ на каждом из уровней сочетаемостью слова-доминанты. Так, ЛСГ глаголов говорения предстает как функционально-семантическая, эпидигматическая и парадигматическая развертка доминанты ЛСГ многозначных глаголов *говорить* и *сказать*. Соот-

носимые своими лексико-семантическими вариантами и самой семантической структурой с шестью аспектами речевого действия (акустическим, манифестационным, коммуникативным, информационным, императивным и номинативным), эти глаголы не только задают тип семантической структуры каждого из глаголов говорения, выступают в роли функциональных эквивалентов, гиперонимов и идентификаторов всех единиц ЛСГ говорения, но и самой амплитудой своего текстового поведения и преобразования формируют концептуальное и функциональное (от номинативного до прагматического, от фатического до потенциального) предназначение каждого элемента этой макросистемы и правила взаимодействия этих элементов с актуализаторами их семантики и с элементами иных макросистем.

Семантический состав доминантных глаголов говорения эксплицируется эпидигматически – во внутренней их валентности. При этом каждый из их дериватов (а это 74 ЛСВ, деривационно соотносимых с *говорить*, и 52, производных от *сказать*) не выходит за пределы ЛСГ говорения ни номинативно, ни семантически, ни своими валентностными характеристиками. Все это раскрывает системообразующую функцию доминантных единиц в рамках ЛСГ как макросистемы.

Внешняя валентность доминантных глаголов речевого действия формирует функционально-семантическое поле их сочетаемости. В структуре этого поля доминантная роль в представлении содержания речи (манифестационного, информационного и прагматического компонентов семантики глагольной лексемы) должна быть признана за конструкцией прямой речи. Далее на шкале — от доминанты к периферии — в системе способов сочетаемостного представления содержания речи располагается косвенная речь, редуцирующая представление о звучании речи, затем — объект содержания речи, выраженный винительным беспредложным субстантива, а на периферии — объект темы (предмета) речи.

Универсальным средством представления субъекта речевого действия является именительный субстантива — антропонима, доминантным в представлении адресата — дательный антропонима.

Последнее место на шкале актуализаторов глагольной семантики и способов представления элементов предсистемы говорения занимают обстоятельственные распространители. Они соотносятся с аку-

стическим, манифестационным, императивным и номинативными аспектами речи. Самыми информативными в диагностировании семантики говорения являются распространители со значением акустико-физиологической характеристики.

Таким образом, все выявленные нами и проанализированные глаголы, соотносимые в литературном и диалектном тексте с процессом говорения (ядерных и функционально-текстовых, общерусских, стилистически отмеченных и нейтральных, диалектных и авторских), представляют собою языковое системное образование (континуум дискретных языковых единиц), природа которого соответствует лексико-семантической группе глаголов говорения. Континуальная природа глаголов говорения обнаруживается их сочетаемостью. Общее и специфическое функциональных разновидностей языка в представлении ситуации говорения обнаруживает текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации: Монография. – Гродно: ГрГУ, 2003.

2. Антонова С.М. Глаголы говорения как отражение модели речевого события и русского риторического идеала // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюл. – Красноярск: КГУ, 1998. № 3.

3. Антонова С.М. Говорение и мышление: языковое моделирование и источники его изучения // Вопросы функциональной грамматики. — Гродно: ГрГУ, 2002.

4. Антонова С.М. Глаголы говорения как часть художественной картины мира в новеллистике А.П. Чехова // Карский и современное языкознание. Материалы шестых научных чтений 25-26 января 1996г. — Гродно: ГрГУ, 1996.

5. Антонова С.М. Морфология речевого действия: ономазиологический и функциональный аспекты // Вопросы функциональной грамматики. — Гродно: ГрГУ, 1998.

6. Антонова С.М. Предсистема и сочетаемость глаголов говорения // Русский язык: межведомственный сборник. Вып. 12. — Мн.: БГУ, 1992.

7. Антонова С.М. Речевое поведение в зеркале современного дискурса: диалектное и художественное моделирование // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Меж-

дународной конференции 7-9 апреля 1999г. Минск. В 3-х ч. — Ч.2. — Минск: БГУ, 1999.

8. Антонова С.М. Языковая личность Творца: Попытка осмысления креативного вклада автора, читателя и интерпретатора в языковую модель мира // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гуманітарныя навукі. №3 (5), 2000. — Гродна, 2000.

9. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы). — М.: Наука, 1976.

10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999.

11. Бардина Н. Антропоцентризм как постулат и параметр языкового моделирования. // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: Матеріали VII міжнародних Карських читань. 13-14 травня 1998р. — Ніжин — Гродно: НДПІ, 1998.

12. Блинова О.И. Проблемы региональной лексикологии. Томск: ТГУ, 1975.

13. Кобозева И.М. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопр. языкозн. - 1985. - № 6.

14. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: МАЛП, 1999.

15. Лотман Ю.М. Риторика. // Риторика, специализированный проблемный журнал. — М., 1995. — №2.

16. Морева Л.М. Racio ad abstractum и конкретные коллизии философствования // Логос: Ленинградские международные чтения по философии культуры. Книга 1. Разум. Духовность. Традиции. — Л., 1991

17. Морковкин В.В., Морковкина. А.В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом №1-2, 1997.

18. Ничман З.В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск: ТГУ, 1980.

19. Соколов О.М. Вопросы префиксальной дивергенции // Вопросы языка и литературы. — Томск: ТГУ, 1970.

20. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М., 1997.

21. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати томах. Т.17. М., 1965.

22. Хайдеггер М. Бытие и время (Избранные параграфы) // Хай-

деггер М. Работы и размышления разных лет. – М., 1993.

23. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974.

24. Юнина Е.А. Современная риторика в философско-культурологическом измерении (проблема обоснования одного из вариантов современной риторики). – Пермь, 1998.

25. Bever Th. G., Carrol J.M., Miller L. Introduction // Talking minds: The study of language in cognitive science. — Cambridge (Mass.), 1984.

26. Harman G. Cognitive science? // The making of cognitive science: Essays in honour of George Miller. — Cambridge (Mass.), 1988.

КРАСИЛЬНИКОВА Н.А.

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
«СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ «ЗЕЛЕНых»**

В последние годы наблюдается взлет интереса исследователей к проблемам политической коммуникации (G.Lakoff, P.Serio, M.Turner, D.Watts, А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Н.А. Купина, П.Б. Паршин, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.). Многообразие взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества является предметом исследования новой области когнитивной науки – политической лингвистики [Чудинов А.П. 2003], одним из актуальных направлений которой является изучение концептуальных метафор в рамках политического дискурса.

Эффективность воздействия метафоры на интеллект, чувства и волю адресата определила ее ведущую роль в политическом дискурсе, основной функцией которого признана борьба за власть. Политическая коммуникация происходит на фоне постоянной борьбы за «производство здравого смысла», за «монополию легитимной номинации», в том числе, манипуляцию образами «своего» и «чужого» [Бурдые П. 1994]. С целью успешной манипуляции общественным сознанием политические соперники активно используют тактики дискредитации оппонентов и героизации своих сторонников, что неминуемо приводит к поляризации «своих» и «чужих», героев и преступников [Филинский А.А 2002].

Данная публикация посвящена когнитивно-дискурсивному ис-

следованию концептуальных метафор, представляющих оппозицию «свои» - «чужие» в рамках дискурса экологической партии США. Нам представляется важным рассмотрение системы метафорических номинаций, используемых в речи политических деятелей, чьи идеи направлены на сохранение естественной среды обитания человека. Кто входит в круг «своих» для защитников природы? Кого они видят «чужими»? Какие концепты используют для манипуляции народным сознанием? Какие специфические черты национального менталитета обнаруживают системы политических метафор «зеленых» в США?

Политические метафоры американских Зеленых, с одной стороны, имеют много общего с метафорами экологических партий в других странах, а с другой – тесно связаны с национальным характером американцев. Об особенностях этого характера хорошо пишет Геннадий Герасимов: «Америка – страна приезжих, тех, кто решил начать свою жизнь заново.... Для столь серьезного жизненного шага надо иметь мечту и определенные черты характера, включая: большой запас оптимизма, умение стойко переносить трудности и неудачи, готовность рисковать..., желание вкалывать, засучив рукава, и готовность принимать самостоятельные решения. Те, кто опасался ... крутых поворотов судьбы, сидели дома. А люди самостоятельные сделали в Америке людьми состоятельными, а саму страну сделали богатой и сильной» [Герасимов Г. 2000]. История нации и протестантская культура сформировали этику современных деловых и политических отношений в США, в основе которых утвердились позиции концептов свободы, равенства и соперничества. Даже родственные по языку британцы выделяют энтузиазм, деловую хватку и оперативность практического решения проблем как характерные черты предприимчивых американцев, сетуя на свою чрезмерную рассудительность [1]. Прагматичность и деловые качества американцев и их политические представления о государстве находят закономерное отражение в системе американских политических метафор.

Как показывает А.А.Каслова, в российском политическом дискурсе важное место занимает монархическая метафора, а в метафорическом видении американцев президент – это нанятый народом управляющий, отнюдь не монарх. Метафорическая модель ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – это ПОДБОР МЕНЕДЖЕРА очень продуктивна в американском политическом дискурсе [Герасимов Г. 2000]. Отно-

шение к структурам государственной власти как к составляющим модель бизнеса характерно для менталитета американцев. Причем ярко выраженная конкуренция ведет к отчетливой дифференциации на сильных и слабых, на «своих» и «чужих», на «мы» и «они». «Мы» – дискурс выражается в стратегиях интеграции с какой-либо социальной группой, которая тесно соотносится со стратегиями номинации [Wodak R., Seldak M. 2000]. Круг «своих» для Партии Зеленых США включает в себя три социальных объединения, ассоциируемые с «МЫ»: МЫ – ПАРТИЯ, МЫ – СТРАНА, МЫ – ПЛАНЕТА. Соответственно «чужие» для партии Зеленых – это забывающие о проблемах экологии политики, транснациональные корпорации и средства массовой информации. Рассмотрим специфику этих противопоставлений.

«Мы» - партия

Среди доминантных черт американского характера выделяют законопослушность, патриотизм и приоритет семейных ценностей. В стремлении создать положительный образ своей партии “зеленые” прибегают к приемам манипуляции сознанием избирателя через отождествление своих убеждений и общенациональных ценностей. Сторонники анархичных взглядов на жизнь (иными словами не уважающие закон граждане), неудачники (по западным меркам - люди либо безответственные, либо ленивые) и навязывающие свое мнение наставники (следовательно, нарушающие личное пространство других люди) безоговорочно получают негативную оценку “зеленых”. После краткого объяснения причин сортировки “аморальные” элементы причисляются к “чужим”, противопоставляемым “своим” – людям, защищающим американские традиции и ценности, подлинным патриотам своей страны:

The Greens are not malcontents or “hippies”, but rather a party poised to take the mantle of noble yet sadly discarded American tradition with plenty of history behind it («Зеленые» – не мятежники и не «хиппи», а скорее партия, готовая принять мантию благородной, но, к сожалению, отвергнутой американской традиции, имеющей богатую историю) [28].

И.А.Стернин отмечает, что американцу свойственно пренебрежение к неудачникам и любовь к победителям: “Протестантская религия учит, что Богу угодны трудолюбивые, много достигшие, удачливые, победители” [Стернин И.А. 2001:46]. Такая установка не

приемлет сожаления к тем, кто не может добиться успеха, и вызывает восхищение теми, кто самореализовался, т.е. богат и счастлив. Востребованными оказываются спортивная и милитарная метафора, которые в данном контексте несут положительную эмотивную оценку. Прагматический потенциал подобных метафорических переносов - закрепление идеи конкурентноспособности, энергичности, силы и активности партии в представлении избирателей.

...we are still here, still struggling for justice (...мы все еще здесь, все еще боремся за справедливость) [19].

...if we don't fight this battle for future health of the planet and the people who live on it at the ballot box, there will never be the needed transformation (...если мы не будем сражаться [в битве] за будущее здоровье планеты и людей, живущих на ней, на выборах [перед избирательной урной], необходимых изменений никогда не будет) [19].

Не менее распространены в качестве источников метафорической экспрессии с положительной коннотацией концепт “семьи”, подчеркивающий надежную и искреннюю поддержку народа со стороны партии, и концепт “защитника”, победителя всех сражений и спасителя всего живого. Образ всемогущего героя занимает важное место в мировосприятии нации и широко используется в массовой культуре США.

Alone among the candidates, Nader had the courage, becoming less the didactic instructor and more the dependable relative helping to put the family together again (Единственный из кандидатов, Нэйдер решил на роль не столько нравоучительного наставника, сколько надежного родственника, помогающего в деле воссоединения семьи) [24].

The GP... views the future as something to protect and improve rather than to exploit viciously or treat as a toy in an ultimately terminal game of ecological Russian roulette (Партия «зеленых» видит будущее, нуждающимся в защите и улучшении, а не в порочной эксплуатации или обращении как с игрушкой в неизбежно роковой игре экологической «Русской рулетки») [26].

Отметим, что в последнем примере противопоставление формируется по национальному признаку. Название телевизионной игры формирует отрицательный образ России как показательного примера того, “как не надо делать”. Мишень метафорической экспансии

“русские” воспринимаются как “разрушители”, “эксплуататоры”, играющие в “жесткие игры”. Дискредитацию русских посредством метафоры “игры” можно объяснить как минимум двумя причинами: отголосками противостояния периода “холодной войны” (идеологический уровень) или целью партии максимально консолидироваться со “своим” американским избирателем (программный уровень). Отметим, однако, что в целом антироссийские высказывания не очень характерны для американских экологов.

Метафорическое соотношение этапов развития социальной жизни в стране с принципами организации и ведения бизнеса формирует другой компонент картины мира жителей США – концепт «сделки» (“a deal”). “Sounds like a deal!” (Договорились! [Звучит как сделка!]) – восклицает подросток, достигнув соглашения с отцом. “Good deal!” (Выгодная сделка!) – знаменитый лозунг сети продуктовых супермаркетов Winn-Dixie. Любой материальный аспект жизни в Соединенных Штатах оценивается через призму “a good deal”, что объясняет и появление финансовых терминов “bargain”, “trade”, “sell short”, “short term gain”, метафорически использованных в политическом контексте. Опуская проекцию на коммерческую сферу деятельности человека, Партия Зеленых США имплицитно рисует в сознании избирателя свой образ как «дорогого и качественного товара», достойного предпочтения среди другой продукции.

Greens tend to take their beliefs seriously and not as bargaining chips to be traded for short-term gain («Зеленые» склонны относиться к своим убеждениям серьезно, а не как к козырю, который можно обменять на краткосрочную прибыль.) [26].

We can't sell ourselves short (Мы не можем подрывать свой авторитет [играть на понижение (коммерч.)]) [26].

Рассматриваемые метафорические модели («Партия Зеленых – это Патриоты», «Партия Зеленых – это Сила», «Партия Зеленых – это Герои-Защитники», «Партия Зеленых – это Семья», «Партия Зеленых – это Ценный Товар») обладают позитивной коннотацией и несут сильный эмоциональный заряд. Прагматический потенциал их употребления в условиях борьбы за власть – завоевание уважения и доверия избирателя, подсознательное внушение последнему, что «свои» – серьезные, надежные, сильные, честные политические деятели партии – стоят на защите его национальных и личных интересов.

«Мы» – страна

Отождествление “мы” – Америка играет значительную роль в политическом дискурсе американских Зеленых. Патриотичные американцы часто представляют свою страну в виде *homo sapiens*. Америка представляется как человек, личность со своими мыслями, ощущениями, эмоциями. Ср.:

As the campaign went on America slowly began rediscovering itself, feeling better about itself and being less angry with others. It was no longer obsessed with hidden dangers but began thinking about long concealed possibilities. It could even think of the future and smile (По мере продолжения кампании Америка медленно начала открывать себя заново, лучше ощущать себя и меньше злиться на других. Она более не была одержима скрытыми опасностями, а стала думать о давно скрытых возможностях. Она даже смогла думать о будущем и улы- баться) [24].

...our country has been hijacked by radical neo-conservatives and war-profiteering corporations. (...на нашу страну напали и ограбили радикальные нео-консерваторы и корпорации, обогащающиеся за счет войны) [17].

Метафорическая модель «Америка – это Живой Организм» часто используется в американском политическом дискурсе и служит основой создания тактик интеграции партии со своими избирателями. Прием персонификации кажется идеальным средством выражения глубокой привязанности американцев к своей земле, неисчерпаемой гордости за нее. Нельзя обделит вниманием и концептообразующее понятие американской «улыбки», как символа успеха, возрождения и счастья нации. Улыбка в знак проявления вежливости, внимания к собеседнику и радости за его успех, улыбка как способ поделиться положительными эмоциями и поднять настроение окружающих – неотъемлемая часть американской культуры.

По мнению В. Новодворской, «Америка видит себя настырным прогрессором. Такая она и есть... Свободная. Полная гражданского достоинства. Несущая свободу всем в мире, даже вопреки их воле» [Новодворская 2000]. Не будет преувеличением сказать, что в последнее время США действительно является самым часто упоминаемым агрессором в средствах массовой информации всего мира. Вероятно, метафора «*hijacked*», использованная в страдательном залоге, указывает на определенную дистанцию, отделяющую мнение

простых людей от решений представителей власти, и на то, как напуганы и недовольны первые ситуацией, сложившейся в результате внешней политики США. Метафора *нападения*, истоки которой видятся в военной метафоре, выбрана как средство обозначения спонтанности, несправедливости и агрессии, от которых пострадал не только народ восточного государства, но и население США.

Актуализация метафорических моделей «Страна – это Живой Организм», «Население – это Жертвы» позволяет разглядеть за обилием информации СМИ различных стран образ современных американцев как глубоко патриотичных людей, которые не поддерживают насилие и, соответственно, разочарованы сегодняшним правительством.

«Мы» – Планета

В публикациях американских Зеленых встречаются высказывания, в которых поднимаются глобальные проблемы, даются оценки положения на всей нашей планете:

Medea has not said yes. Yet if we with a great voice all together ask her to run for the nomination in this dark hour of our country and the planet, how can she refuse (Мидея пока не согласилась. Все же, если мы все вместе в полный голос попросим ее выставить свою кандидатуру [на президентских выборах] в это тяжелое для нашей страны и всей планеты время [в этот темный час], как она сможет отказаться.) [23].

...today, with our government in control of mad men, the country on the cusp of economic crisis, and the world lurching towards violent chaos, no one knows for sure what the situation will be in 2004. It seems a poor time for the Greens to drop out of the race. (...сегодня, когда наше правительство возглавляют сумасшедшие, страна находится на грани экономического кризиса, а мир склоняется к жестокому беспорядку, никто не знает наверняка, какой будет ситуация в 2004 году. Кажется, это неподходящее время для выхода «зеленых» из гонки [за президентскую власть]) [16].

Нужно отметить, что в обоих примерах планета выступает частью логически восходящей цепи, в которой Америка является главным звеном, «сердцем», центральной точкой системы. Такой подход к первоочередным проблемам мирового сообщества является характерным для национальной картины мира американцев. Следует согласиться с В.В.Веселовой в том, что поскольку «США создавалась

и развивалась на протяжении двухстолетней истории, руководствуясь идеей прогресса как приоритетным аксиологическим ориентиром... сформировался менталитет американской нации с мессианской направленностью – уверенность в своем особом предназначении в мире...» [Веселова В.В. 1999].

Особое отношение американцев к глобальным проблемам объясняется особенностями истории страны и ее культуры. По справедливому замечанию О.А.Леонтович «многонациональный состав России и США обуславливает высокую степень готовности жителей обеих стран к внутригосударственному межкультурному общению». Однако, как отмечает исследователь, вследствие географического положения России на перекрестке культур русские столь же охотно участвуют и в межкультурных контактах, в отличие от американцев, которым свойствен изоляционизм и самодостаточность [Леонтович О.А. 2003:93].

Репрезентация «зелеными» ситуации на планете проводится с помощью слов «*run*», «*race*», «*violent chaos*», «*fight*», «*battle*», которые представляют такие модели метафорической экспансии как “Взаимоотношения в современном мире – это Соревнование”, “Взаимоотношения в современном мире – это Война”. Дискурс борьбы прагматически агрессивен и динамичен [Проскуряков М.Р. 1999], что определяет значимость военной и спортивной метафоры в сфере политического манипулирования. Представление мира как арены для спортивного состязания или территории военных действий полностью отвечает целям непримиримой борьбы, консолидации «своих», дискредитации конкурентов и столкновения мнений в политическом дискурсе. Прагматическое значение рассматриваемых метафор обнаруживает сильное напряжение, агрессию, насилие, концентрацию усилий, игру по установленным правилам и без них – жесткие условия борьбы, к которой готова Партия Зеленых в «самый тяжелый час» хаоса, экономического кризиса и власти сумасшедших людей.

Значительный интерес представляет и обозначение сил противника в дискурсе американских зеленых. «Чужие» для участников экологического движения – это прежде всего политики из враждебных партий, промышленники, готовые ради наживы пойти на любые преступления, и корыстные СМИ.

«Они» – Политики

Метафорическое отчуждение политических лидеров, чьи взгляды противоречат точке зрения Партии Зеленых США, образует самую продуктивную модель в масштабах семантической оппозиции «свои» – «чужие». Этот прием преследует конкретную цель – умаление достоинства соперника, дискредитация его моральных качеств, интеллектуальных способностей и политических взглядов. Свидетельством тому могут послужить многочисленные примеры:

...the dangerous reality of what can only be described as 21st century corporate warmongers and fascists in positions of power (...опасная реальность того, что можно описать только как корпорацию поджигателей войны и фашистов 21-го века на постах власти) [18]. *...right-wing cabal that has taken over the country* (группа заговорщиков правого крыла, которые приняли на себя управление страной) [25].

Never has there been a better time to be an oil baron...the White House cozies up to oil executives declaring war on Iraq (Никогда еще не было лучшего времени для нефтяных магнатов [баронов] ... объявляя войну Ираку, Белый Дом подлизывается к нефтяникам, занимающим руководящие посты в структурах исполнительной власти). *...corporate prison called the White House* (...корпоративная тюрьма под названием Белый Дом) [25].

...liberals rest on the political landscape...like a range of exhausted volcanoes (...либералы покоятся на фоне политического пейзажа, как цепь потухших вулканов) [27].

...both parties have sold the people and the government to the highest bidder (...обе партии продали людей и правительство тем, кто предложил самую высокую цену) [16]. *...with our government in control of mad men...*(...когда наше правительство возглавляют сумасшедшие...) [16].

The dominant parties ...becoming fund raising machines devoid of any meaning..., lips firmly planted on corporate butts in hope of raking in money so they can sling mud on TV. But people always hunger for meaning and real connections (Доминирующие партии ...превращаются в

машины для сбора денег, лишённые какого-либо смысла..., губы крепко целуют корпоративные зад...ы в надежде загрести денег для того, чтобы они могли поливать других грязью на телевидении. Однако, люди всегда жаждут смысла и настоящих взаимоотношений) [19].

Данный обзор сводит большую политику к общему знаменателю преступления, наживы и извращения. В качестве одного из источников метафорической экспансии используется представления об устройстве механизма, предназначенного для сбора денег, что лишает противника какого-либо здравого смысла и человечности. Механистическая метафора, направленная на формирование образа общественного деятеля, обладает большой властью над эмоциями и оценками реципиентов и способна оказать существенное влияние на сознание адресата. Как один из компонентов метафоры механизма А.П. Чудинов выделяет фрейм «Управление механизмом», в рамках которого политическая коммуникация метафорически изображается как технологический процесс. Так, метафорическая модель «Политический деятель – это Автомат для сбора денег» создает в сознании реципиента прагматические эмотивные смыслы, связанные с восприятием субъектов политической деятельности как «мощной бездушной силы, пренебрегающей интересами отдельной личности» [Чудинов А.П. 2001:165]. Надо заметить, что правительству «зеленые» отказывают не только в душе, но и в интеллекте, обращая читателя к метафорической модели «Члены правительства – это Сумасшедшие». Метафора болезни в данном частном случае употребления несет концептуальный вектор непонимания, несогласия, принципиальной непримиримости с правительственной политикой в стране.

Механистическая метафора обретает еще большую силу в зоне общего действия с криминальной метафорой. Модель «Правительство – это Корпоративная тюрьма» несет концептуальный вектор противоестественности, нарушения сущности американской жизни, основанной на правосудии и справедливости. Получается, что свободлюбивым народом Америки управляют преступники, осужденные и находящиеся в местах лишения свободы. Попрание философских постулатов, на которых строится национальная картина мира, вызывает бунт в душе каждого, кто с гордостью называет себя американцем. Отрицание сложившейся коррумпированной системы власти, негодование, осознание необходимости принятия нового курса для

развития страны находятся в центре эмоциональных состояний, на формирование которых направлен прагматический потенциал криминальной метафоры в политическом дискурсе Партии Зеленых США.

Метафорический образ «Политики – это Потухшие вулканы» отражает мощь и огромную власть, которые отличали деятельность лидеров политической гонки дня вчерашнего и слабость, изношенность и бесполезность участников «забега» нового дня. Императивный смысл метафоры увядшей природы, полученной в зоне соприкосновения морбиальной метафоры и метафоры стихии – заставить реципиента отказаться от старого, изношенного, не способного к действию и внушить необходимость изменений, движения вперед и поиска нового источника прогресса.

Представляется важным отметить отсутствие явных ограничений на применение сексуальной метафоры в политическом дискурсе США. По наблюдению А. П. Чудинова использование подобных метафор активизируется в периоды кризиса. Благодаря своей способности формировать эмотивные значения, ответственные за агрессию, чувство опасности, насилия над нравственными нормами и устоями сексуальная метафора становится особенно востребованной во время обострения общественных отношений [Чудинов А.П. 2001]. Здесь хочется оговорить специфику американской культуры. В монографии «Очерк американского коммуникативного поведения» И.А.Стернин приходит к выводу, что для американцев не существует такого понятия, как пошлость [Стернин И.А. 2001:163]. Эмоциональные, раскрепощенные, открытые американцы, поддерживающие стремительный темп жизни, испытывают постоянный стресс, как дома, так и на работе. Стресс надо снимать, рассуждают они, и вербальный выплеск чувств наружу воспринимается как объяснимый выход раздражения, на которое не надо обижаться. Врожденная любовь американца к юмору помогает выйти из сложной ситуации.

«Они» – Корпоративные капиталисты

В соответствии с представлениями многих экологов экспансия глобализма превратила мультинациональные корпорации и межнациональные организации в мирового диктатора, не учитывающего национальные интересы отдельных народов. Международные компании, решающие экономическую судьбу всего мира, стали главной мишенью для критики многих движений, защищающих

права человека. Активное участие в движении антиглобалистов принимает Партия Зеленых США. Обратимся к конкретным метафорам.

А *'raw lust to control'* ... *motivates the globalists and their corporate backers* (Необузданное [сырое] вожделение власти ... мотивирует глобалистов и их корпоративных спонсоров) [29].

...they may offer pretty rationalization of their predatory behavior or make some cosmetic changes in their practices but... they are isolated from their own employers, communities, nations, the wider world and the natural environment... Their whole worldview boils down to "me first" (.. они могут дать достаточно рационалистическое обоснование своему хищническому поведению или произвести некоторые косметические изменения в своей деятельности, но ... они изолированы от собственных работников, сообществ, наций, более широкого мира и естественной среды... Все их мировоззрение сводится к «сначала мне») [21].

Яркие, выразительные образы, задействованные в игре метафорических моделей «Глобалисты – это Вожделяющие власть», «Корпоративные капиталисты – это Хищники» подтверждают те предположения, что в демократическом американском обществе экспрессивная манера изъясняться не испытывает особых ограничений со стороны общества, а скорее является распространенным средством эмпазы осуждения и презрения к чьим либо суждениям, поведению, действиям.

Кроме того, приведенные примеры позволяют сделать вывод, что в американском обществе благотворительность и щедрость занимают высокую ступень в ранге добродетелей. Церковь учит, что в своем стремлении к законному успеху надо всегда быть готовым к помощи нуждающемуся. Открытые, честные и добросовестные американцы с глубоким недоверием относятся к проявлениям неестественного и эгоистического. Такое поведение осуждается. Приоритет «отдавать» и «делиться», бережно воспитанный в национальном сознании заповедями Христа, объясняет отрицание жизненной позиции «сначала мне» и как таковую *изоляция* отдельного человека в американском обществе. Большинство людей в США не скупятся на пожертвования, стараются посещать службы каждое воскресенье и обязательно берут Библию с собой в путешествия. Знание таких национальных особенностей напрямую способствует развитию международных отношений. В частности, когда, приглашающая сторона в

знак особого гостеприимства и уважения к чужой культуре хранит том Библии той конфессии, которую исповедует иностранный гость, в комнате, предназначенной для отдыха последнего. Такое внимание не останется незамеченным, особенно в непонятной стране медведей, вечного снега и безразмерных матрешек.

Обращение к метафоре «косметические изменения» с целью унижения соперника в определенном смысле объясняет причину большой популярности подлинной американской продукции по всему миру. Одежда, спортивные принадлежности, техническое оборудование, информационные носители, автомобили и пр. высоко востребованы во многих странах, представляя собой гарант качества и соответствия цены. Определенную сложность представляет уже сам перевод на английский слова «халтура». Голливудские фильмы – другой пример педантичного и качественного подхода к работе над изображением, звуком, спецэффектами, игрой актеров, что неизменно приводит к мировому успеху американской кинопродукции.

«Они» - СМИ

Обособление средств массовой информации в категорию «чужих» - специфическая черта политического дискурса американских Зеленых. Активисты экологического движения резко высказываются в адрес СМИ, которые не поддерживают движение за сохранение окружающей среды. На взгляд М.Ю.Кочкина особое место СМИ в лингвокультуре США обусловлено повышенной эмоциогенностью и драматичностью американского политического и новостийного дискурсов. «...Структура коммуникативного пространства США построена на скандале как на наиболее популярном и продаваемом виде новостей. В условиях рыночной экономики на информационном рынке действует принцип естественного отбора: побеждает наиболее шокирующая, не оставляющая аудиторию равнодушной информация» [Кочкин М.Ю. 2002].

В условиях борьбы за выживание, обостряющейся на страницах печатных изданий и в эфире теле- и радиопередач, заметна экспансия криминальной, сексуальной и зооморфной метафоры. Активно используются метафорические модели «СМИ – это убийцы», «СМИ – это Чудовища», «СМИ – это Порнография» и «СМИ – это Дикие Животные»:

...the reporter couldn't find the source of this politically suicidal statement... NPR's hatchet job was much slicker... John Sugg called the

NPR's free-form of editing one of the most egregious cases of journalistic malfeasance he'd seen in years (... репортер не смог найти источник этого самоубийственного для политика высказывания... Атака [работа топором] Национального Государственного Радио (NPR) была еще большим мошенничеством... Джон Сагт назвал свободную форму редактирования на NPR одним из самых вопиющих случаев журналистского преступления из всех, что он наблюдал за последние годы) [22].

Writing about Cynthia McKinney is like a blind date with Godzilla. You don't really know what you are in for until you've walked through the door... The baying of wolves followed my simply noting that the former Congresswoman's political career was utterly destroyed by bald statement (Писать о Синтии МакКинни все равно, что (собираться на) свидание «вслепую» с Годзиллой. В действительности, неизвестно, что тебя ожидает, пока не переступишь порог [войдешь в дверь]... Лай волков начался, стоило мне только заметить, что политическая карьера бывшей представительницы Конгресса была основательно разрушена смелым высказыванием) [22].

... a false consensus created by the pornography of propaganda (...ложный консенсус, созданный порнографией пропаганды) [27].

Политические метафоры при описании средств массовой информации обладают негативной коннотацией, эти метафоры оскорбляют достоинство «чужих» для Партии Зеленых. Однозначная пейоративность оценки СМИ заставляет читателя проникнуться недоверием и отвращением к скандальным посредникам политической коммуникации. Например, изображение СМИ как лающих волков вызывает тревогу и раздражение читателя в адрес журналистов, их жестокого, грубого и бесчувственного поведения. Различные толкования можно дать частному фрейму театральной метафоры «Действия СМИ – это Кино». С одной стороны, такое представление управляющих информационным пространством обнаруживает прагматический потенциал неестественности, запрограммированности и наигранности их действий, обусловленных желанием манипулировать сознанием избирателя. Для каждого кинофильма создается свой сценарий, расписываются роли, где указывается каждая реплика, каждая эмоция актера. Образы должны быть яркими, неординарными, запоминающимися. Фильм, в свою очередь, наполняется спецэффектами, скандальными кадрами, захватывающими воображение сценами с целью

глубокого и продолжительного воздействия на подсознание зрителя.

С другой стороны, распространенность метафоры фильма в политическом дискурсе США отражает особое отношение к киноиндустрии в Америке. В своем диссертационном исследовании А.А.Каслова приходит к выводу, что метафора кино является высокочастотной и продуктивной в американском политическом дискурсе, в то время как для российских агитационно-политических источников более актуальна метафора цирка, а метафора кино используется значительно реже [Каслова А.А. 2003].

Таким образом, общий вид оппозиции «свои» - «чужие» в политическом сознании американских Зеленых может представить следующая схема:

Предложенная схема дифференциации «своих» - «чужих» в политическом дискурсе «Зеленых» США отражает сбалансированную позицию, занимаемую партией на политической арене государства. С одной стороны, три социально значимых объединения объединяются в категорию «мы», с другой стороны, три социально влиятельных группы обозначаются как «они» - оппоненты экологической партии. Проведенный когнитивно-дискурсивный анализ позволяет заключить, что для характеристики семантической оппозиции «свои» - «чужие» в политическом дискурсе экологической партии США чаще всего используются метафорические модели со сферами-источниками «Человеческий организм», «Семья», «Болезнь», «Война», «Спорт», «Криминал», «Механизм» и др. Эти метафоры представляют партию Зеленых как защитников родной страны, патриотов Америки, заботящихся о природе во всем мире. Экологи и честные граждане страны – это одна семья, стремящаяся к сохранению фундаментальных ценностей и страдающая от бесчестных политиков и жадных корпораций, идеи партии Зеленых - это ценный товар. Современное состояние мира – это спортивное соревнование и даже война. Враждебные экологистам политики метафорически представлены как убийцы, дикие животные и чудовища. Все это

позволяет констатировать активное обращение экологов к субсферам «Человек», «Социум», «Природа» и «Артефакты» для метафорического осмысления политической ситуации внутри государства и формирования необходимой картины мира в сознании участников политической коммуникации. Обращает на себя внимание тот факт, что фитоморфная и домашняя метафора практически исключены из презентации оппозиции «свои» - «чужие» в корпусе рассмотренных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://old.vesti.ru/pressa/2000/01/27/americans>
2. Wodak R., Seldak M. 'We demand that Foreigners Adapt to our Life-Style': Political Discourse on Immigration Laws in Austria and the United Kingdom // Combating Racial Discrimination. – Oxford, 2000.
3. Бурдые П. Начала. – М., 1994.
4. Веселова В.В. Менталитет американского общества и гуманистическая парадигма образования и воспитания // Педагогика. 1999. №8.
5. Герасимов Г. Америкайф // Новое время. 2000. №50.
6. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
7. Кочкин М.Ю. Национально-культурная специфика реакции на политический скандал в Российский и Американской культурах // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж, 2002.
8. Леонтович О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, 2003.
9. Новодворская В. Мечта пленительного счастья // Новое время. 2000. №50.
10. Очерк американского коммуникативного поведения. П./р. Стернина И.А., Стерниной М.А. Воронеж, 2001.
11. Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) // Вестник Московского Университета. Сер.9. Филология. 1999. №1.
12. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 – 2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.
13. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). - Екатеринбург, 2003.

14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Источники:

15. Big Oil Pushes the White House for a War with Iraq // www.greenpeace.org/features/details?item_id=114595 27/12/2003.

16. Dugger R. Greens and Democrats // <http://prorev.com/greenpages2.htm>

17. Fletcher Ed. Green Party Activist Goes after Matsui // Sacramento Bee. 12/11/2003.

18. Glick T. A Green Party "Safe States" Strategy // www.zmag.org/sustainers/content/2003-07/01glick.cfm

19. Greg Gerritt speaks to the Maine Greens // <http://prorev.com/greenpages2.htm>

20. Jacks K. Vote Green // <http://www.greenparty.org.uk>

21. Leftcoast L. Who Are the Real Globalists? // www.democraticunderground.com/article/02/02/p/12_globalists.html 12/12/2002

22. Palast Greg. Re-Lynching Cynthia McKinney // <http://prorev.com/greenpages2.htm>

23. Resenbrink J. Time for Medea // <http://prorev.com/greenpages2.htm>

24. Smith S. How Nader won // <http://prorev.com/greenpages2.htm>

25. Silfry H. L. Ralph Redux? // www.thenation.com/issue.mhtml?i=20031124 06/11/2003.

26. Smith S. Greening the Golden Triangle // <http://prorev.com/greenpages2.htm>

27. Smith S. Losing It // <http://prorev.com/greenpages2.htm>

28. Startin W. L. Confessional // <http://prorev.com/greenpages2.htm>

29. The Battle of Seattle // www.atherzine.com/1999/raim120399.html 03/12/1999.

ЛАССАН Э.

ПАРАДИГМЫ ТЕКСТОВ И ДИСКУРСНЫЕ ФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТЫ ДИСКУРСНОГО АНАЛИЗА

1. От парадигмы текстов – к дискурсной формации

Понятие парадигмы, применявшееся вначале только в грамматике к системе форм изменения слова, в XX в. непомерно расширилось,

став одним из ключевых в науке и философии второй половины ушедшего века. После книги Т. Куна «Структура научных революций» (1962 г.) под парадигмой в науке понимают *совокупность методов, приемов, способов конструирования объекта, принятых научным сообществом на определенном этапе истории науки*. При этом исходное значение слова *парадигма* в языке-источнике – «образец», «пример» - можно считать сохранившимся: научное сообщество задает образец, «схему» решения возникающих проблем. Понятие парадигмы используется сегодня и при характеристике целостных мировоззренческих подходов к миру и объектам искусства, причем само слово «парадигма» может вступать в самые неожиданные сочетания. Так, Ал. Генис, анализируя мировоззренческие системы советского и постсоветского периода, говорит о парадигме «лука и капусты» [Генис 1994: 195]. К парадигме «капусты» автор относит мировоззрение, занятое поисками сакрального центра, обнаружением истинной сущности бытия человека, скрытой за «ширмой» внешних форм – событий, слов, поведения: «Снимая лист за листом слои ложного бытия, мы добираемся до кочерыжки смысла». Такой системой взглядов, по мнению Гениса, была советская метафизика, построенная на непрестанном поиске истинных слов и мотивов, на срывании масок и раскрытии личин. В иной парадигме – «лука» - сердцевину не ищут, заведомо сознавая, что там – пустота. Искусство, строящееся на понимании этой пустоты, создает свой мир из ничего – из пустоты существования, из человеческих слабостей.

При столь широком использовании понятия «парадигма» возникает вопрос о том, насколько сохраняются его первичные содержательные признаки, как-то: 1) закрытость системы, именуемой парадигмой; 2) наличие исходных форм, подвергающихся изменению по заданным параметрам и продолжающих оставаться тождественными самим себе в рамках этой системы. В случае признания нового объекта лингвистических исследований – «парадигмы текстов» - дискурсной (языковой?) реальностью сохраняется ли определение, даваемое парадигме как совокупности вариантов некоего инварианта, противопоставленных своими различиями и объединенных его тождеством? Что считать инвариантом текстов, относимых к одной парадигме, например, текстов из парадигмы «капусты»? Каковы возможные варианты изменения текстов, вернее, где граница, позволяющая очертить одну общность текстов и отделить ее от другой?

Вопрос о границах парадигмы текстов является, на мой взгляд, не менее, если не более сложным, чем вопрос об установлении смысловых инвариантов. Интуитивно мы ощущаем парадигму текстов как некоторую целостность, формирующуюся в таковую только при наличии другой целостности, противостоящей ей по ряду признаков. В таком случае парадигма соотносима с «единой волей, единой творческой позицией, на которую диалогически реагирует другая позиция...» [Бахтин 1979: 21]. Но если парадигма текстов – определенная позиция, то как она может быть описана в лингвистических (достаточно строгих) формах? Думается, ответ на поставленный вопрос легче найти, если от понятия текста перейти к понятию дискурса даже в самом простом его определении как речи, присвоенной говорящим. В таком случае мы устремляем свой взгляд на субъект говорения и обращаемся к условиям производства текста. В данной работе автор следует за Гербертом Маркузе, полагающим, что любая речь, «газетная статья, сообщение частного лица изготавливаются индивидом, который является рупором (независимо от того, уполномочен он на эту роль или нет) отдельной группы <...>. У такой группы всегда есть свои ценности, свои коды мышления и поведения, которые <...> оказывают влияние на индивидуальную коммуникацию» [цит. по: Эко 1998: 163]. Ценности определенной социальной группы, к которой принадлежит индивид, «системы его психологических ожиданий, <...> интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» Умберто Эко подвел под понятие идеологии [там же], которая, согласно и ему, и французской школе психоанализа (Альтюссер), носит всегда бессознательный характер.

Признание того, что за любым текстом стоит идеология говорящего как представителя определенной группы, позволяет говорить о надындивидуальном характере коммуникации, что, в свою очередь, объясняет сложившийся во второй половине XX в. подход к исследованию текстовых явлений, при котором объектом анализа становится не отдельный текст или множество текстов одного автора, а целый корпус текстов, являющих надындивидуальные установки их (часто весьма различных) субъектов. В это же время оформляется ставшая сегодня трюизмом мысль о связи риторики и идеологии – риторика понимается как «система кодов» (У. Эко), соединяющаяся с выражением определенной идеологии и идентифицирующая ее, а потому позволяющая на основе достаточно эксплицитных признаков

объединить тексты в некую общность.

Если принять мысль о том, что парадигма текстов – это некоторая совокупность текстов, объединенных на основе общей позиции их авторов, отражающейся в «обширном арсенале формул» (Эко), то понятие «парадигмы текстов» можно сопоставить с иными видами парадигм в лингвистике и применить те же подходы к ее изучению. Действительно, если лексико-семантическая парадигма (синонимический/антонимический ряд) образуется некоторым тождеством семного набора, общего для всех членов парадигмы, при противопоставленности других сем в структуре значения ее членов, а морфологическая парадигма (напр., глагола) – тождеством некоторого набора грамматических категорий при противопоставленности конкретных грамматических значений членов этой парадигмы, то парадигма текстов может устанавливаться на основе тождества смысловых единиц, лежащих в основе текстов, при вариативности риторических способов их передачи. В [Лассан 1995] эти смысловые единицы были соотнесены с базовыми символическими структурами, которыми оперирует интеллект при производстве текстов. Как формируются эти базовые структуры? Автор, говоря о сознании, не участвует здесь в обсуждении вопроса о «телесности» сознания или «бессознательности» разума, т.е. его подвластности «опыту тела». Автор придерживается позиции о своеобразной алгоритмической работе интеллекта как механизма, способного к переработке информации и производству новой, позиции о постепенном переходе от одного этапа порождения текста к другому по определенным правилам. Речь идет о производстве «нормального» текста, удовлетворяющего принципам кооперации, т.е. говорящий хочет быть достаточно точно понят слушающим, так как рассчитывает на определенную реакцию со стороны последнего. Участие же в каждом из этапов порождения текста бессознательных структур психики, являющихся ее полноправными слагаемыми и потому влияющих на характер символических структур (смысловых единиц), лежащих в основе порождения текста, у автора сомнения не вызывает. Бесспорным является и участие в порождении текста прагматического оператора, ибо «каждый из говорящих на языке действует исключительно в рамках своей когнитивной области, где любая предельная истина зависит от опыта личных переживаний» [Матурана 1995: 40].

Возвращаясь к вопросу о смысловых единицах, участвующих в

порождении текста, отмечу, что они рассматриваются как составляющие некоторый глубинный уровень текста – соответственно, в текстах, «близких по смыслу», они должны совпадать. Задача лингвистов – в лингвистических терминах представить смысловой инвариант для некоторой парадигмы текстов и описать способ его установления. При таком подходе создается возможность 1) установить системные отношения между текстами и границы того, что названо «парадигмой текстов»; 2) в целом описывать господствующие на данном временном и общественном этапе парадигмы текстов через их смысловой инвариант; 3) описать тождество и модификации этого смыслового инварианта в синхроническом и диахроническом аспекте.

Понятие парадигмы текстов, или парадигмы знания, оформляется, как уже было сказано, когда ощущается противопоставленность одной общности текстов другой. История русской общественной мысли второй половины XX в. позволила сопоставить две речевые практики, удовлетворяющие понятию парадигмы в названном смысле: 1) каждая из них с позиций сегодняшнего дня представляла замкнутую систему, составленную из текстов, возможных быть исчисленными; 2) тексты, принадлежащие к каждой из речевых практик, обладали определенной смысловой общностью (инвариантом) при явных различиях в способах передачи смысла (вариативность). В [Лассан 1995] были рассмотрены тексты власти в отношении свободы писательского творчества в период судебного преследования в конце 60-х годов двух писателей – Даниэля и Синявского – и противопоставленные им по отношению к этому вопросу тексты относительно небольшой группы людей, получивших чуть позднее имя «советских инакомыслящих». Анализ этих совокупностей текстов позволил предложить модель порождения текстов, которая могла бы объяснить в целом работу идеологизированного сознания, т.е. сознания, строящегося на следовании определенным ориентациям – в отношении Авторитета как объекта подражания и Чужого как объекта преодоления. Эта модель может быть сведена, как уже неоднократно отмечалось автором, к определенным этапам текстопроизводства. Так, прежде всего следует отметить, что идеологическое сознание подходит к миру с позиций противопоставленных ценностей (Авторитет – Чужой): напр., средневековое сознание опиралось на такие оппозиции понятий, как **Бытие – Небытие, Мощь – Нemoшь**, соз-

нение нового времени – на **Альтруизм – Эгоизм, Равенство – Неравенство, Индивидуализм – Коллективизм** и т.д. Определенный тип сознания советского и постсоветского периода, осмысливающего соотношение сил в мире, строился и строится на оппозиции **Россия – Запад** и метонимических заместителей этих членов оппозиции, что будет показано ниже.

На первом этапе порождения текста активизируется оппозитивный фрейм, устанавливающий отношения между двумя ценностно противопоставленными понятиями. Задача исследователя, анализирующего подобные тексты, – отыскать в них на основе определенной и в общем-то несложной методики противопоставление идей-ценностей. Проиллюстрируем эту методику на основе анализа фрагмента текста «Союз нерушимый», относящегося к одной из речевых практик конца 90-х годов: «Скатывание страны от федерации к конфедерации – главный риск и главная угроза объединительного процесса: риск легализации внутри СНГ «контрсоюзов», риск превращения интеграционного процесса в дезинтеграционный» (Ю. Бялый. «Слово», № 11). В тексте наличествует оппозиция *интеграция – дезинтеграция*, на основе логической метонимии замещающая оппозицию *Союз – не-Союз* (см. название). Показателем существования такой ценностной оппозиции является трижды повторенное слово «риск» в сочетании с выражениями «превращение в дезинтеграцию», «сползание к конфедерации». Оно подчеркивает, что явления, соотносящиеся с данными выражениями, обладают негативной ценностью для говорящего. Анализ текстов власти 60-х годов, совокупность которых в силу названных выше причин мы берем в качестве парадигматического образца, показал, что они строились на основе оппозиций *коммунизм – антикоммунизм* (эта оппозиция была метонимическим замещением оппозиции *СССР – Запад*), *патриотизм – антипатриотизм*, *коллективизм – индивидуализм*, *гуманизм истинный – гуманизм ложный*. Приведенный выше фрагмент текста 90-х годов не обнаруживает общности с текстами 60-х на уровне ценностных оппозиций понятий, хотя наличие одной общей позитивной ценности можно все-таки констатировать: эта ценность – *Союз (СССР)*, точнее, *существование Союза*, противопоставляемая антиценности *распад Союза*. Приведем фрагмент еще одного текста, появившегося вскоре после 11 сентября 2002-ого года – даты, на время изменившей представление о традиционном противостоянии России и Запада.

Но... тем не менее: «Национальный нигилизм и антигосударственные настроения западнической интеллигенции часто использовали в неблагоприятных целях те или иные, в том числе **внешние силы** (выд. Э.Л.). Например, с целью ослабления потенциала России, дискредитации тех или иных ее шагов, направленных на защиту национальных интересов, ради вытеснения ее из зон традиционного влияния и даже отторжения от нее отдельных регионов в ходе разграбления ее экономического потенциала и т.д.» (А. Киво. «Парламентская газета», № 193).

Как могут быть в сознании читателя идентифицированы «внешние силы»? Естественно, что непосредственный военный противник этого периода – чеченские боевики – не осознаются как силы, способные *ослабить потенциал России, вытеснить ее из зон традиционного влияния или отторгнуть отдельные регионы в ходе экономического разграбления*. Сильная Россия может иметь только сильного антагониста, коим в обыденном сознании всегда выступали США и Запад в целом. Выражение «западническая интеллигенция», соотносимое с референтом, испытывающим «антигосударственные настроения», индуцирует в сознании оппозицию, первым членом которой является *Россия*, а вторым – *Запад*, олицетворяющий негативную ценность в силу предпринимаемых им, согласно автору текста, «неблагоприятных» шагов.

Оппозиция России и Запада предстает увековеченной во времени, олицетворяющей образ неизбывной вражды. Возможно, здесь срабатывают бессознательные структуры психики, подвергшейся в течение многих десятилетий атаке со стороны постоянно воспроизводимой в публичных дискурсах ситуации противостояния этих геополитических структур. О бессознательном характере распределения ценностей в оппозиции *Россия – Запад* может свидетельствовать и следующее обстоятельство. Если *Союз (СССР)* выступал носителем определенных свойств, оцениваемых говорящим позитивно на основе определенной системы доказательств преимущества СССР перед Западом (напр., превосходство идеи коммунизма над идеями иных общественных устройств считалось научно доказанным), то понятие *Россия* обладает менее отрефлексированными ценностными характеристиками. Это понятие обладает позитивной ценностью как соотносимое со страной, ценной для говорящего не в силу каких-либо рациональных причин, а потому что это – *свое пространство*. Каждый

человек, будучи членом общности, - писал Леви-Строс, - «ощущает и действует так, как ему позволяется и предписывается. Обычаи даны человеку как внешние нормы до возникновения внутренних чувств, и эти вневещные нормы детерминируют индивидуальные чувства...» [Леви-Строс 1994: 85]. Вековые обычаи предписывают приписывать ценность *своему* пространству и структурировать мир в терминах угрозы своему пространству со стороны чужого. Так рождается патриотизм. Негативные явления, происходящие в своем пространстве, принято в определенном корпусе текстов объяснять влиянием внешних сил. Подобный детерминизм, видимо, также имеет давнюю традицию – его можно сравнить с магическим детерминизмом племенных народов: «Поднимет ли человека на рога буйвол, сломается ли чердак, опоры которого подточены термитами..., азанде станут утверждать, что буйвол, чердак или болезнь – это причины, соединяющиеся с колдовством, чтобы убить человека. <...> Чердак бы обвалился во всех случаях, но именно из-за колдовства он упал в данный момент...» [там же: 122]. Сказанное выше позволяет понять, как формируются исходные смысловые единицы текста – оппозиции понятий, возникающие под влиянием присущей человеческому сознанию антитетичности как принципа структурирования мира, и мыслительных навыков, формируемых обычаями. Можно сказать, что в сознательно идеологическом мышлении, т.е. в мышлении, сознающем себя как таковое, оппозиции ценностей носят отрефлексированный характер (присущая сознанию антитетичность конкретных ценностей обосновывается), в мышлении же, не осознающем себя как таковое, оппозиции и их мотивировка механически воспроизводятся.

Второй глубинной структурой, осуществляющей переход непосредственно к поверхностному уровню текста, являются концептуальные и метафоры, о которых написано столь много, что повтор был бы трюизмом. Тем не менее хотелось бы привести слова Стивена Гринблата, известного культуролога, в связях с когнитивной лингвистикой, сделавшей концептуальные метафоры едва ли не основным своим объектом, до сих пор не замеченного: «Я попытался заняться более культурологической или более «антропологической» критикой, если «антропологический» понимать в духе аналитических исследований культуры Гирца, Джеймса, Буна, Мери Дуглас, Пола Рабинова, Жана Дювинта, Виктора Тернера и др.

Эти исследования объединяет убеждение <...>, что и отдельные

культуры и их наблюдатели неизбежно вынуждены обращаться к метафорическому пониманию реальности, что антропологический анализ должен заниматься не столько механикой обычаев и институтов, сколько интерпретирующими конструкциями, которые члены данного социума прилагают к своему опыту» [Гринблат 1999: 35-37]

В предлагаемой концепции порождения текста концептуальные метафоры сопоставляются с архаическими мифами, которые, по Леви-Стросу, представляли собой синтагматическую разработку фундаментальных оппозиций культуры, цель которой – дать логическую модель для разрешения противоречий. В применении к концептуальным метафорам идеологизированных текстов уместна также их характеристика как источников исторической памяти, «дрейфующих формул типа «религия – опиум для народа» или «классовая борьба – движущая сила истории» [Куртин 1999: 101]. Сейчас же представляется важным напомнить, что для текстов власти 60-х годов были характерны концептуальные метафоры «Мир – фронт борьбы между коммунизмом и антикоммунизмом» (разрабатывающая отношения ценностей в оппозиции *коммунизм - антикоммунизм*), «Родина – мать» (в оппозиции *патриотизм - антипатриотизм*), «Единица – ноль» (в оппозиции *индивидуализм - коллективизм*) и «Непримиримость – обратная сторона гуманизма» (в оппозиции *истинный гуманизм - ложный гуманизм*). В текстах инакомыслия существовали иные метафоры: «Родина больна. Врач – гласность», «Гуманизм – милость к падшим». Если подходить к подобным концептуальным метафорам как к мифам, в предельно лапидарной форме объясняющим мир, то можно применить к ним мысль Леви-Строса о том, что современные мифы, в противоположность архаическим, стремящимся разрешить противоречия, служат не их разрешению, не их изживанию, а их натурализации, заклинанию, оправдыванию. «Мифы» власти утверждали непреходящность противоречий в силу того, что содержали антитезу ценностных понятий, постоянно воспроизводимых в общественной речевой практике, - общество, согласно таким мифам выживет, если будет стремиться к уничтожению негативной ценности. «Мифы» инакомыслия содержали понятия, соотносимые с такими реалиями, которые в ходе общественного развития должны были остаться, но приобрести иное, требуемое, качество: Россия – «выздороветь», «падшие» - измениться духом, т.е. занять место в обществе и т.п. Очевидно, можно говорить о том, что «мифы» ина-

комыслия в меньшей мере способствовали натурализации некоего противоречия: при изменении свойств явления исчезает его негативная оценка и, соответственно, исчезает полярность ценностей: «выздоровевшая» Россия (т.е. обретшая «гласность») перестанет противопоставляться России «больной», «безгласной», хотя и останется как страна тождественной самой себе.

Концептуальные метафоры, как и оппозиции понятий, модифицируются во времени, отражая историческую память и мыслительные навыки человеческого сообщества. Так, метафора «мир – фронт борьбы между коммунизмом и антикоммунизмом», в сущности, являлась трансформацией метафоры извечно разделенного мира «мир – поле битвы между Богом и Дьяволом», существующей в религиозном сознании. Ж. Куртин описал процессы изменения таких формул, показав, например, что формула «классовая борьба – движущая сила истории» приобрела под влиянием времени вид «социальная борьба – движущая сила прогресса» [Куртин 1999: 99].

Хотелось бы указать на то, что ставшая общим местом когнитивной лингвистики идея концептуальных метафор, определяющих понятийную систему, тем не менее, на мой взгляд, не в полной мере используется при анализе политических дискурсов. Я имею в виду то, что концептуальная метафора может служить индикатором общности сознаний, стоящих за разными текстами, которые, на первый взгляд, могут принадлежать представителям разных направлений мысли и отстоять друг от друга во времени. Так, если языковая личность советской эпохи, мыслящая в терминах власти, скорее всего осознавала оппозиции ценностей, лежащие в основе ее идеологии (идеология внедрялась как эксплицитно выраженная система ценностей, как наука – научный коммунизм), то языковая личность постсоветской эпохи может не осознавать себя носителем оппозитивной системы ценностей, противопоставляющей по разным признакам Россию и Запад. Но то, что метафора военного противостояния двух традиционно противопоставляемых лагерей существует в сознании современной языковой личности, становясь стержнем развертывания текста, явствует хотя бы из текста с таким названием: «Северный полюс – центр будущих схваток России и НАТО» («Новые известия», 2001 № 137). Начинается текст со следующей фразы: «На норвежско-российской границе полным ходом идет разоружение». Однако далее: «... Вместо сухопутных сражений можно ожидать морских схва-

ток во льдах в районе Шпицбергена». Сама номинализованная конструкция схватка, как показал Адамец [Адамец 1973], может иметь значение фактографическое (реальная модальность): схватка произойдет) и идеографическое (любая модальность, т.е. и гипотетическая: схватка может произойти). Очевидно, что в названии утверждается реальность схватки – в такую модальность облекать высказывание может лишь тот, кому дано точное знание или способность ясновидения. В иных случаях высказывание должно носить характер прогнозирующего речевого акта и иметь гипотетическую модальность (... *может стать центром будущих схваток*). Почему все-таки происходит подмена одной модальности другой, и мир предстает ареной неизбежных военных схваток? Очевидно, потому, что прочно укоренившаяся в сознании автора текста метафора войны обуславливает видение любых конфликтов (в данном случае конфликтов интересов в области использования рыбных, газовых, нефтяных ресурсов) как неизбежно переходящих в военное сражение: «Доводы норвежских экспертов о будущих сражениях во льдах подкрепляют российские специалисты», - пишет автор. Персонажами текста являются силы НАТО, вице-адмиралы, «российская сторона ведет в этом районе ежегодно разведку боем» и проигрывает «бои местного значения». Заканчивается текст следующим пассажем: «Можно сказать, что вскоре корабли норвежской береговой охраны встретят российские траулеры, идущие в спорную точку в сопровождении кораблей Северного флота». Не хотелось бы моделировать интенции автора данного текста и общий эффект, производимый им на среднего читателя, но в целом думается, что сознание, порождающее подобные тексты, уместно обозначить как параноидальное, где любое событие, понижающее статус субъекта, мыслится как ЧП, требующее постоянной бдительности и готовности. Для такого типа сознания, все время живущего в ожидании опасности, реализовавшаяся угроза становится свидетельством правоты его жизненной позиции – и в этом случае концовка текста, обещающая именно подтверждение предсказаний, вполне сопоставима с финальной частью текстов предыдущей эпохи, содержащей выражение уверенности в победе над буквальным или метафорическим противником. В данном тексте нет победителей, победитель – сознание, утверждающее военное противостояние как единственно возможное состояние мира. Весь же проанализированный текст может быть сведен к конденса-

рованному смыслу, передаваемому метафорой «Северный полюс – фронт борьбы между Россией и Норвегией», являющейся модификацией метафоры **мир – фронт борьбы...**, где валентность субъектов борьбы заполняется применительно к ситуации. Вообще концептуальной метафоре можно приписать роль глубинного предиката текста, который распределяет роли для участников действия, заставляет их эти роли проигрывать и таким образом инициирует порождение определенных фрагментов текста, описывающих эту игру. Начинается третий этап порождения текста – номинация лиц (исполняемые роли), их действий, обстоятельств действий и т.п. – то, что в предлагаемой концепции называется риторическим обеспечением текста [Лассан 1995]. Сам текст включает в себя содержательные фрагменты – риторические элементы, – нацеленные на интерпретацию читателем смысла в заданном ключе, а словесная ткань текста организуется так, чтобы эффективнейшим образом способствовать внедрению идеи в сознание реципиента, с помощью риторических приемов.. Тщательное исследование риторической системы как идеологического кода является непременным условием диагностирования близости текстов, их принадлежности к одной или разным текстовым совокупностям.

Так, тексты власти в 60-ые годы XX в. в ходе общественного диалога по поводу писательского творчества демонстрировали единство номинаций, приписываемых писателям – «враг», «предатель», активизировали фрейм «убийца», «шпион», в качестве риторических элементов вербализовали фрейм «отечественная война», побуждая интерпретировать деятельность писателей в духе предательства на войне за Отечество, а также такой заключительный элемент текста как выражение уверенности в том, что зло будет наказано. Общими риторическими приемами были: эксплуатация эмотивной стороны слова, «эффект расчеловечивания» («противник» уподоблялся животным – «лягушке», «собаке» и т.д.), поляризация эпитетов (*свой* описывается с использованием эпитетов, называющих позитивные качества объектов, часто в превосходной степени, *чужой* – с использованием негативных, часто резко негативных эпитетов), нанизывание оценочных смыслов.

Возникает вопрос: если тексты демонстрируют частичную близость в области названных структур, относятся ли они к одной парадигме? Так, тексты конца 90-х могут содержать в качестве глубинно-

го предиката усеченную метафору «Мир – фронт борьбы»: напр., «Лебедь выполнил роль добросовестного **разведчика** путчистов», или «На первом этапе губернаторские блоки постараются **проникнуть**, а то и возглавить, пусть не формально, но по существу, в наиболее сильные политические партии. Цель – **внедрить** в избирательные блоки как можно больше своих людей» (В. Гущин. «Независимая газета». № 95). Мир осознается авторами данных строк как противостояние военных лагерей, засылающих друг к другу шпионов. Имя же у военных противников может быть самым разным, поэтому участники «борьбы» являются переменной величиной. Постоянным остается одно – конфронтационное мышление. Можно ли на основе данного факта констатировать отнесенность подобных текстов к той же парадигме, что и тексты власти 60-х, или отсутствие общности основных элементов на каждом из трех уровней должно удерживать от такого решения? Иногда современные тексты публичной коммуникации содержат глубинные смысловые единицы текстов предшествующей эпохи, но не эксплицитно, а завуалировано, как например, текст В. Гушина «Верная твердыня православия» из «Независимой газеты» (№ 238), рассказывающий об истории Исаакиевского собора. Обозначение Исаакиевского собора, ни разу в своей истории не выполнявшего роль военной крепости, именем, отсылающим к фрейму «война», название одного из разделов «Французский коллаборационизм», характеризующее градостроительную деятельность в России XIX в. архитектора Монферана, и ряд других фрагментов текста говорят о сознании автора, проникнутого метафорой разделенного мира и того чувства патриотизма, которое заставляет усматривать превосходство своего государства перед другими в самых разных ситуациях действительности. Следует отметить, что для указанного текста характерен и риторический прием нанизывания слов, создающих значение предельной степени качества (параметр Magn в модели «Смысл – Текст»), что было характерно для дискурса предшествующей эпохи: напр., там: «бездна нравственного распада» - здесь: «несгибаемая мощь православия». Так, относится ли данный текст к парадигме текстов власти 60-х?

Думается, что можно предложить такое решение вопроса, которое, наряду с понятием парадигмы, допускало бы существование и иной рамочной структуры, более пространной, нежели первая. Тексты относятся к одной парадигме, если, являя общность на всех трех

указанных уровнях, они осознаются как противостоящие другой общности текстов, соотносясь с последней по предмету обсуждения. Обычно противостоящие общности – парадигмы – относятся к одному хронотопу. В этом смысле можно говорить о «парадигме капусты», противостоящей «парадигме лука» с точки зрения отношения мировоззренческих субъектов к явлениям действительности, их осмыслению и изображению в художественном творчестве и философии определенной эпохи. «Парадигма капусты» строится в таком случае на оппозиции *видимое – суть* с позитивным вторым членом, а способ разрешения противоречия между членами оппозиции может быть описан формулой Б. Пастернака «Во всем мне хочется дойти до самой сути». «Парадигма лука» деконструирует эту оппозицию, уравнивая видимость и сущность. Возможно, установка сторонников подобного мироощущения и мировоззрения была выражена некогда в Екклесиасте: «все суета» или «чего нет, того нельзя считать», или «что человек не может постигнуть дело, которое делается под этим солнцем» [Екклесиаст 8: 17]

Более широким, чем понятие парадигмы текстов, является заимствованное из французской школы анализа дискурса (Фуко, Серио, Орланди) понятие дискурсной формации, которое включает всю совокупность высказываний, порождаемых субъектом, стоящим на определенных позициях [Куртин 1999: 211]. Введение понятия дискурсной формации, более широкого по объему, нежели понятие парадигмы текстов, и, соответственно, расширяющего корпус объединяемых речевых произведений, может быть мотивировано, как представляется, двумя причинами. Первая связана с тем, что субъект, стоящий на определенных мировоззренческих позициях, может быть одновременно автором разных по жанру текстов – бытовых высказываний, политических статей, художественных текстов и т.п. Одна и та же позиция будет проглядывать в разных типах речей как основа языковой личности – через содержательное наполнение текста, метафорику, номинации и другие элементы риторического уровня текста, но текстовое воплощение этой позиции будет варьироваться в зависимости от жанра. Так, определенным индикатором того, что субъект мыслит в рамках «дискурсной формации капусты», является, как представляется автору данной статьи, выражение *на самом деле*, которое в конце прошлого века использовалось чаще теми, кто, отождествляя себя с либеральным мировоззрением, утверждал данное

ему нетривиальное знание (напр., Маша Арбатова, Г. Явлинский, молодые «акулы пера» из одноименной телепередачи), а в начале нового века широко распространилось в самых разных речевых практиках: «Многие уверены, что мед – разовое лекарство. *На самом деле* пользу от него можно почувствовать, если принимать систематически» (Лужков). «С точки зрения носителя русской культуры этот скрипт может показаться вполне естественным <...> и может даже казаться, что такой скрипт существует во всех других культурах. *На самом деле* это не так» (Вежицкая). «Глаголы *бежать*, *веле*ть в прошедшем времени тяготеют к осмыслению в форме совершенного вида. *На самом деле* в е л е т ь и другие названные глаголы могут употребляться в форме прошедшего несовершенного...» (Апресян).

В каждом из приведенных фрагментов говорящий противопоставляет информацию, к а ж у щ у ю с я достоверной, и подлинно достоверную, обладателем которой он является. *На самом деле* выступает одновременно как маркер более высокого эпистемического статуса говорящего и как маркер его противопоставленности тем, кто подлинными знаниями не обладает. В некоторых же случаях *на самом деле* начинает употребляться там, где подобные параметры речевого акта как будто бы нерелевантны: «Вы ведь недавно приехали из Америки, - спрашивает ведущий программы «Утро на НТВ» журналистку этой же телекомпании. – *На с а м о м д е л е* я приехала из Америки несколько дней назад», - отвечает она. Знания ведущего и тележурналистки не находятся в состоянии противоречия: время *недавно* вполне соотносится со временем *несколько дней назад*. Видимо, срабатывает бессознательный импульс к противостоянию, своеобразной конфронтации с миром, проявляющийся в понижении эпистемического статуса «других» по сравнению со статусом его. Во всех приведенных выше высказываниях, относящихся к научному жанру или к жанру официального интервью, или к бытовому обмену репликами, задается оппозиция *видимого/явного (для других)* и *скрытого/неизвестного (другим)*. В «формации капусты» все говоримое не-его подвергается тестированию на глубину и достоверность сказанного.

К формации «капусты» можно отнести и политические речевые практики, где говорящий пытается вскрыть непременно существующие потаенные мотивы высказываний, осуществленных Другим. В риторике такой прием называется «чтением в сердцах» и относится к

числу «непозволительных уловок». Приведу пример подобного «чтения в сердцах» или текста из формации «капусты»: «Задумаемся над другим. Что побудило талантливого телеведущего Познера прибегнуть к теме патриотизма в таком негативном смысле?» - спрашивает политолог А. Кива по поводу телепередачи, в которой обсуждалось, точнее, осуждалось вводимое правительством России увеличение пошлин на ввоз в страну старых «иномарок». Возмущаясь позицией В. Познера, сказавшего об ущемлении прав потребителей, А. Кива опосредованно связал В. Познера с действием сил, разоривших Россию и подорвавших ее экономику.

Вторая причина расширения парадигмы до рамок дискурсной формации заключается в том, что общество на протяжении своей истории склонно возвращаться к обсуждению тех или иных вопросов, называемых «вечными». В определенный период времени могут порождаться тексты, являющие определенную общность на всех уровнях с текстами-предками. Но время влияет на «источники исторической памяти» - концептуальные метафоры: «мир – фронт борьбы между коммунизмом и антикоммунизмом» превращается в метафору «мир – фронт борьбы между Россией и Западом». Меняются в определенной степени и риторические приемы: так, советское обвинительное письмо ослабляет свой эмфатический характер и вместо «бешеных псов, которых нужно посадить на цепь» появляются «грабители-реформаторы, которые лицемерно умалчивали...» – исчезает «эффект расчеловечивания» своих оппонентов. Иногда в тексте существует нечто неуловимое, «неуловимая структура дискурса», как писал Р. Барт, создающая ощущение узнаваемого, знакомого, но трудно определимого. Например, такой финал публицистического текста: «Здесь этим не играют. И такой игры не прощают и не простят» («Слово». 1999. № 11). В политической публицистике прошлого использовался, как уже упоминалось, риторический прием «оптимистического конца» - выражалась уверенность в том, что Зло будет наказано. Ж. Куртин, анализируя коммунистический дискурс (так он его называет), выделил «дискурсный ритуал непрерывности», который, перекраивая время, вносит значение линейной непрерывности движения какой-то идеи из прошлого в настоящее и далее в будущее, упрощая подлинную сложность общественного бытия. Достигается это, в частности, повторением одного и того же глагола. «Ритуал непрерывности» создает ощущение неизбежного поражения Чужо-

го/Другого, ибо его поражение – закон, действующий в Вечности. Думается, что формула Куртина применима и к анализу приведенного фрагмента. Сходство риторических элементов текстов, отстоящих во времени, побуждает искать общие элементы иных уровней: оппозиции ценностных понятий, метафоры-установки, указывающие способ разрешения противоречий между ценностями. Если такое сходство обнаруживается (как уже говорилось, время неизбежно вносит модификации в характер базовых символических структур, обуславливающих порождение текста), то мы можем говорить о вхождении текста в ту или иную дискурсную формацию. Ниже будет рассмотрен корпус текстов современной публичной коммуникации (2002 – 2003 гг.), который, с одной стороны, составляет парадигму, названную нами «национально-православной», базирующуюся на оппозиции ценностных понятий *Россия (+) / Запад (-)* и противопоставляющую себя на этом основании «либеральной» парадигме текстов, эту оппозицию деконструирующей, а с другой – этот корпус входит в более широкую текстовую структуру: дискурсную формацию конфронтативного мышления.

2. Современная политическая речь-агрессия как модификация парадигмы «текстов власти» советского периода.

В современном русском текстовом универсуме существует значительное количество текстов, которые можно было бы назвать речью-агрессией или дискурсом конфронтации. Понятие речевой агрессии достаточно распространено в современных исследованиях политического дискурса, где рассматриваются гневная и инструментальная агрессия, определенность/неопределенность объекта агрессии, его представленность/непредставленность в акте коммуникации. Е.И. Шейгал усматривает интенцию субъекта политического дискурса, осуществляющего вербальную агрессию, в ниспровержении оппонента как политического противника: «сказать нечто, что могло бы ухудшить его публичный имидж, повредить репутации и, тем самым, уменьшить его шансы политического выживания». [Шейгал 2000: 248] В данной работе речь-агрессия рассматривается несколько в ином ключе – не столько как речевой аналог неречевых действий – нападения «одного государства на другое...» (МАС), сколько как собственно речевой акт побуждения к применению силы одной стороной против другой. Речь-агрессия является производной от общего конфронтативного мышления речевого субъекта – характерной чер-

той такого мышления является трактовка взаимодействия сил в социуме в терминах противостояния, обычно военного. Именно так, как уже говорилось, мыслит речевой субъект советского политического дискурса: первый член оппозиции *мы – они (СССР – Запад / коммунизм – антикоммунизм)* наделялся абсолютно позитивной ценностью, второй – абсолютно негативной, в силу чего его референт должен был быть побежден в метафорических битвах на метафорических полях сражений между *мы* и *они*.

Начало века, как представляется, позволяет говорить о модификации такого типа дискурсов и о появлении дискурса, в котором метафорическое видение мира как поля битвы сменяется неметафорическим взглядом на мир, *д о л ж н ы й*, по мнению речемыслительного субъекта, пребывать в состоянии подлинного силового противостояния. Прежде чем назвать отличительные особенности такого дискурса, приведу несколько соответствующих текстовых фрагментов:

«По Шеварднадзе – осколочными, бегло – огонь!»

<...> Бомбить его штурмовиками, дальней авиацией, ракетами «земля-земля», «Москитами», «Ураганами», «Гвоздиками», «Гиа-цинтами» – засунуть ему в задницу этот чудесный осенний букет». Перед нами – отрывок из статьи А. Проханова («Завтра» № 38.). Синтаксис текста создает ощущение бурно прорвавшейся ненависти – инфинитивное предложение «бомбить...», соотносимое с модальностью побуждения и желания, нанизывание однородных членов со значением орудий уничтожения, краткие команды в названии, возбуждающие представление об атмосфере боя, призваны побудить не к метафорическому, а прямому уничтожению объекта, рассматриваемого как непосредственный военный противник.

Приведу еще пример текста с побудительной модальностью, автор которого выступает представителем интересов радикального православия: *«Воинский дух и еще не исчерпанная наступательная энергия русского народа могут начать искать выход в том уповании, которое окажется под рукой. К сожалению, опять же радикальное, полное воинского духа Православие у нас не в чести. Но оно обязательно придет – сильное своей преданностью церкви, учению Святых отцов, готовое встретить в бою любую чуждую духовность или чуждую бездуховность»* («Спецназ России»).

Представленные фрагменты текста дышат тем, что называется

воинским духом, побуждающим к неметафорическому бою (как это сделано в последнем фрагменте – там нет контекста, позволяющего думать, что выражение *встретить в бою* употреблено метафорически). И дело не в том (или не только в том), что эти тексты принадлежат авторам из «радикальных кругов»: смею думать, что в современном русском текстовом универсуме существует значительное количество текстов – будь то собственно политических, публицистических, философских и даже научно-популярных, создающих особый дискурс военной конфронтации, который входит в дискурсную формуацию конфронтативного мышления. Вывод, или инференция, которую должен сделать потребитель таких текстов, – это вывод о необходимости наступательной войны как ценностной модели поведения. Первая черта, которая объединяет все эти тексты, состоит в том, что их субъект, говоря словами Лакана, идентифицирует себя с Большим Другим, некоей символической структурой, будь то государство, церковь, этнос. Развивая идеи Лакана, Рената Салецл, известный философ из Любляны, пишет: «Субъект постоянно ищет в символической вселенной точку, из которой он мог бы понравиться себе <...>, каждое предложение, которое произносит субъект, конструирует Большого Другого, чтобы он мог слышать субъекта и наделять его идентичностью, т.е. утверждать его в качестве говорящего существа. Говорящий в таком случае делает себя инструментом Другого» [Салецл 1999: 128] – в нашем случае, защитником интересов русского народа, православной духовности и т.д.

Обратимся к текстам, которые на данном этапе можно наделить следующими чертами: 1) говорящий выступает как защитник интересов Большого Другого; 2) в текстах практически отсутствует модус мнения: слова *на мой взгляд, мне кажется, я думаю* выражают позицию индивидуального говорящего, выступающий же от имени Большого Другого не обладает личным мнением – ему дано надличностное знание; 3) в прямой или завуалированной форме выражается побуждение к военной конфронтации.

Если говорить о глубинном устройстве текстов анализируемого дискурса конфронтации, то следует сказать, что центральной оппозицией, лежащей в их основе, является оппозиция с негативным членом *западная цивилизация*. При этом западная цивилизация предстает как этическая структура – *носитель антиценностей* (Я.К.Якимович отмечает, что со времен Геродота конфликты среди

человеческих сообществ мифологизировались по одной схеме: *свои* представляли носителями человеческих ценностей, *чужие* – как «зверообразные нелюди». Во время Первой мировой войны «французы воодушевились идеей борьбы за цивилизацию, против германского варварства, а немцы – идеей борьбы против французского свинства. Конфликт запада и СССР описывался и с той и с другой стороны как борьба цивилизации с варварством (разложением, бесчеловечностью)» [Якимович 2003: 48]), – так и военная структура – *носитель неограниченной мощи*.

Рассмотрим первую из этих оппозиций – оппозицию **этических ценностей**. Носителю антиценностей должен быть противопоставлен носитель *ценностей* (им может быть Россия, а в некоторых текстах – ислам). Наиболее нейтрально оппозицию ценностей формулирует К. Степанян в «Заметках неpolitкорректного» (Знамя. 2002. № 11): «<...> основополагающий для Запада культ безальтернативной ценности человеческой жизни <...>, прагматическое и нередко гедонистическое отношение к действительности и наш приоритет духовных ценностей (не обязательно, увы, благих) даже над жизнью как таковой, готовность к самопожертвованию – или саморазрушению <...> – эти две системы ценностей на сегодняшний день не сопоставимы». На этом основании автор статьи делает вывод о том, что Россия долго будет еще для Запада врагом (на подсознательном уровне), отношение же России к Западу не обозначено, в силу чего может создаться впечатление, что Россия готова принять западные ценности. Оппозиция, представленная К. Степаняном, носит как будто бы эквиполентный характер – ни один член не является ценностно маркированным. Вместе с тем для русского уха прилагательные *прагматический* и *гедонистический* несут все-таки неодобрительную оценку соответствующих свойств (ср. у Дм. Быкова: «прагматизм – иное название цинизма»), русское же «саморазрушение», являющееся логическим следствием «самопожертвования», не осознается как общественно опасное деяние, ибо направлено против себя (философия удовольствия, гедонизма чужда России, в то время как *страдание* есть воспетая культурой ценность). Вообще, *жертвенность* в русском дискурсе принято относить к высоким духовным ценностям: «Россия – колоссальная страна с самым жертвенным и очень талантливым народом». (О. Назаров. «ЛГ». 2003. № 12) Интересно, что на пути утверждения *самопожертвования* как ценности могут соеди-

няться тексты, принадлежащие православным и исламским авторам. Так, страстный пропагандист коранических ценностей Хож-Ахмед Нушаев, отвергая «бездущные, прагматические ценности полностью секуляризованного запада» («алчность» и «честолюбие»), полагает возможным объединение России и Чечни на основе религиозных ценностей. Общим же для России и Чечни является, по мнению Нушаева, цель, ради которой человек **готов жертвовать собой**: «ради духовных ценностей жертвовать не только материальными благами, но и жизнью». («Знамя». 2002. № 11) Таким образом, основная декларируемая ценность цивилизации, противопоставляемой западной, - **готовность жертвовать собой**. Слова *жертвенный, самопожертвование, жертвовать собой* достаточно часто используются в дискурсе публичной коммуникации для обозначения ценностной модели поведения: «Люди, шедшие на фронт в 14-ом и 41-ом были уверены, что это не напрасно. Способность жертвовать собой неодолима в их душе <...> Француз или немец понимает, за что он готов умереть, Почему же страна со столь жертвенной историей начинает это терять?». (О.Назаров. «ЛГ». 2003. № 12) То, что автор статьи «Где же российский Рузвельт» называет «жертвенной историей», автор другой статьи называет «уникальным опытом антигуманизма». (Ю. Гинзбург. «Знамя». 2002. № 11) Перед нами игра словами-прагмемами, позволяющая создать определенную картину мира в тексте, призванном воздействовать на адресата. Смееу заметить, что выражение из первой статьи «способность жертвовать собой неодолима в их душе» (некорректное в силу того, что в душе локализуются не *способности*, а *потребности*) создает ощущение врожденного инстинкта смерти, свойственного русскому народу в большей степени, чем другим. А выражение «жертвенная история», где *жертвенный* является обозначением позитивного признака, затемняет некоторые стороны этой истории. Дело в том, что сама ситуация *самопожертвования, жертвенности* предполагает наличие альтернативной ситуации, которую мог бы избрать ж е р т в у ю щ и й с о б о й, но не избрал. Отказ от ситуации самосохранения или удовлетворения собственных интересов и обозначается выражением ж е р т в о в а т ь с о б о й. Российская история практически не предоставляла своему народу права свободного выбора, - не столько народ жертвовал собой, сколько е г о п р и н о с и л и в ж е р т в у. Выражение «жертвенная история», обозначающее позитивную ценность, скорее

заставляет думать о свободном самоотречении народа от жизни и благ, нежели о народе – жертве исторических коллизий.

Наряду с жертвенностью в анализируемых дискурсах в качестве позитивной ценности утверждаются и другие модели поведения, связанные с самоотречением и на этом основании противопоставляемые антиценностям Запада, западной цивилизации: *«Это программа достижительности, а не самоотверженности, успеха, а не долготерпения, индивидуальной притязательности, а не аскезы»*. (А. Панарин. «Москва». 2002. окт.) Отмечу именование позитивных ценностей лексикой, использующейся в религиозном дискурсе, а также тот момент, что утверждаемые модели повседневного поведения связаны с постоянным самоотречением: *аскеза, самоотверженность* – не исключительные ситуации, а постоянный образ жизни, должный противостоять западному гедонизму. Но если «антиценности» западного общества имеют совершенно реальный характер – человек Запада живет в соответствии с ними, то противопоставляемые им ценности – ж е р т в е н н о с т и или а с к е з ы – носят характер ушедших в прошлое или подлежащих утверждению в будущем. Современное состояние России – эпоха этического безвременья. [Ср. замечание Ю. Гинзбург о современном состоянии России: «Страна, для граждан которой все нравственные ценности в отрезанном прошлом – не может развиваться вообще...», или Дм. Быкова о фильме Луцикова и Семирядова: «Это очень советская вера в то, что *где-то* есть настоящий народ и настоящие люди. Они условны, как всякие сказочные персонажи» (Дм. Быков. «Новый мир». 2003. № 3).] Те же, кто исповедует ценности Запада, получают следующие характеристики: *«С одной стороны, современный массовый тип все более являет нам черты промышленного дезертира, <.> норовящего сбегать с трудового фронта в гедонистику досуга <...> (выд. Э.Л.) Ясно, что дезертир, обуреваемый жаждой потреблять, неминуемо кончает тем, что становится мародером. (выд. Э.Л.) Вот она, главная антропологическая тайна эпохи: общества наводняются мародерами»* (А. Панарин. «Москва». 2002. окт.) Автор этих строк, известный философ А. Панарин, использует необыкновенно жесткую метафору: в сферу моделей повседневного поведения переносятся номинации околофронтальной полосы. Этический дискурс приобретает военную окраску. «Дезертиры» и «мародеры» подобны «предателям» и «врагам» советских обвинительных дискурсов времен кампаний

против Пастернака и Солженицына – в классификации Ноуэлл-Смита они могут быть приравнены к словам, которые, как и слово «сорняк», побуждают поступать с их референтами соответствующим образом – устранять [Ноуэлл-Смит 1985: 164 - 165]. На мой взгляд, здесь можно говорить именно о речи-ненависти: говорящий стремится «травмировать» объект, используя резко негативные обозначения и выступая от имени Большого Другого (А. Панарин, как будет показано ниже – от имени русского народа). А. Панарин обогащает список советских обвинительных ярлыков, приписывание которых их носителям предвзяло соответствующие обвинительные процессы (основные: *враг, предатель, преступник, убийца*). Советские обвинения также звучат в анализируемом дискурсе, видимо, с той же целью, - побудить к устранению лиц, которым эти обвинения инкриминированы: *«Добрые Ельцин и Горбачев, разрушившие нашу оборонную промышленность, предавшие наших союзников, разоружившие нашу страну в обмен на две-три улыбки «друга Коля», вторично убили людей, убитых при Сталине (! – Э.Л.), сделали бессмысленной их великую жертву»* (выд. Э.Л.), - пишет Н. Калягин в статье, которая называется «Чтения о русской поэзии» (!) («Москва», окт. 2002)

Одно из отличий данных текстов от советских антизападных дискурсов заключается в том, что западная цивилизация здесь отвергается целиком, начиная с ее истоков (тексты строятся на основе развития риторических топосов времени и причины) – авторитетные в советском дискурсе имена здесь попадают в опалу. Так, кандидат наук М. Жутиков, выступая против аналитического мышления как источника всех бед XX в., иронически отзываясь о Платоне (*«открыл вещь преловкую»*), Галилее (*«вот, собственно, и вся наука. Не верите? И то сказать, фокус уж больно прост: да на мудреца довольно простоты»*) и особенно жестко – о Н. Копернике: *«Подобно тому, как России предстоит еще долго «выхаркивать» простоту ленинизма, познанию еще долго предстоит «выхаркивать» простоту Коперника»*. (!) Иронические оценки, лексика из области именования физиологических и явно антиэстетичных отправления организма, используемые при характеристике европейской науки, не просто призваны понизить ее статус – здесь канд. наук М. Жутиков повышает свой собственный эпистемический статус, становясь не вровень, а выше нее. Указать травмируемому свое значимое место –

в этом, по Р. Салецл, «одна из главных целей речи-ненависти». Думается, здесь мы имеем этот показатель речи-ненависти. Но что же противопоставляет а н а л и т и ч е с к о м у м ы ш л е н и ю М. Жутиков? «Блаженство кротких», обращенных к Создателю. Соединение в одном тексте слов, в той или иной мере связанных с запредельным миром (*Посланник, Творец, Создатель, Вера, небеса*), с иронией по поводу всего пути европейской науки заставляет вспомнить речевые практики Третьего рейха, где самым частым знаком препинания были иронические кавычки, а «совокупность выражений и оборотов, связанных с запредельным миром, образовывала целую сеть». [Клемперер 1998: 153]

Дальнейшее развитие анализируемого дискурса происходит через обращение к пропагандистам западных ценностей внутри России. Негативный член оппозиции – *западник*. Дается исторический аспект: «*своих западник Петр вешал*» (Н. Калягин), характеризуются его антиценности: «*Русский западник – простое существо. Во-первых, он по-западному относится к России: не ценит ее, не понимает, не переживает ее скорби и радости... Во-вторых, он имеет великую страсть (к удобствам западной жизни...) и великую цель (обставить по-западному свое жилище). Ничего третьего, более сложного или хотя бы более западного в русском западнике нет*». (Н. Калягин). Отметим и здесь ироническую тональность и ту модель поведения, которая приписывается авторитетному историческому лицу – Петру I – по отношению к западникам. (Истинность суждения мы здесь не устанавливаем.) Риторический эффект от такого якобы исторического прецедента может заключаться в создании у слушателей определенной инференции – *западников следует уничтожать*.

Имя *западник* является гиперонимом по отношению к гипонимическим именам *светские круги* (противопоставляемые *православному народу*), *правящая элита* (противопоставляемая *народу*), *либералы* (противопоставляемые большинству населения). Все эти выражения в рамках анализируемых дискурсов практически кореферентны. Их референтам преддицируются следующие признаки: *раскованный индивидуализм, либеральный фашизм (!), либеральная безответственность, антинациональная сила, лишенная национальной привязки и ответственности, предательство национальных интересов* («компрадоры, получающие деньги за предательство национальных интересов») и т.п.

Не могу не удержаться от цитирования одного фрагмента из анализируемого дискурса: *«Они [светские круги] являются кругами атеистическими, враждебными не просто религии, а прежде всего враждебными РПЦ»* (А. Ципко). РПЦ – русская православная церковь. Трудно не увидеть чужеродность аббревиатуры в статье, написанной в защиту православия в России. Автор этой статьи – известный философ А. Ципко, бывший работник Ц К В Л К С М, использует, видимо, привычные ему способы обозначений, уравнивая церковь со светскими организациями, именуемыми в советском дискурсе КПСС, ВЦСПС, КГБ и т.д., явно внеположенными церквями.

Что же является позитивным членом оппозиции, где негативным выступает *западник* и его гипонимы? Хранителем традиционных непрагматических ценностей выступает русский этнос [видимо, не народ России, поскольку в статье А. Панарина речь идет о миллионах, «составляющих основу всех теневых практик», и «несущих в себе готовность «преступить»]: *«Стратегически это [страх Запада перед Россией – Э.Л.] объясняется приписываемой русским непредсказуемостью, связанной с их способностью делать все то, что противоречит требованиям рассудочности: встать на сторону слабых – перед лицом сильных, на сторону бедных – перед лицом богатых, на сторону непризнанных перед лицом всемирно признанных»*. Отмечу, с одной стороны, приписываемый рассудку конформизм, который принято оценивать обычно как нарушение моральных норм (ибо выбор позиции на стороне сильного и благополучного входит в противоречие с установками, некогда провозглашенными Иисусом: «блаженны плачущие и изгнанные за правду»). «Непредсказуемым» русским отводится роль героя-заступника, так как тот, кто сознательно рискует собой перед лицом силы, т.е. в трудных условиях совершает общественно значимый поступок, и есть, согласно словарному определению, – герой. Фрейм *герой* включает в себя знания о ситуации, обычно военной, требующей определенных поступков. Можно сказать, что фрейм *герой* и фрейм *война* имеют общие терминалы: «тяжелые условия протекания событий». Поэтому упоминание о героизме вызывает ассоциативно представление о войне. Фрейм *война* регулярно воспроизводится в дискурсе конфронтации в разных типах речевых актов:

1) речевой акт прогноза. Война видится как закономерное развитие событий, выгодное Западу: *«Мы нужны Западу как плацдарм для*

возможной битвы с Китаем, на случай, если наступивший век ознаменуется войной с азиатским коммунизмом» (А. Зиновьев); «Если <...> момент окончательного передела мира в пользу «лучших» наступит прежде того, как носители «плохой наследственности» вымрут в России, - их придется уничтожить в ходе войны – настоящей мировой войны, в которой пленных не берут» (А. Панарин). Естественный вывод слушателя – **Запад готовит войну против России;**

2) речевой акт угрозы. Здесь война перефразистически заменяется выражением «русский этнический протест». «Если светские круги действительно озабочены сохранением гражданского мира, то я бы на их месте очень серьезно отнесся ко всем актам гражданского протеста, ко всем проявлениям русского этнического протеста» (А. Ципко). Вывод слушателя – **зреют условия для гражданской войны;**

3) речевой акт рассуждения с одновременным побуждением (директивом). Здесь война предстает как ценностная модель жизни. Интересно, что в текстах разных авторов в рамках избранной ими стратегии пропаганды ценностей актуализируется фрейм *Сталинград*: «Национальная революция направлена против тех, кто полагает, что победы духа под Сталинградом не было, а была лишь победа страха перед заградительными отрядами» (А. Ципко); «Да, Россия не в первый раз оказывается в тяжелейшей ситуации, из которой прежде удавалось выйти. Удивительным чудом был Сталинград. России нужна идеология, мобилизация.» (О. Назаров). Если учесть, что в очень многих текстах речь идет о проигранной Советским Союзом идеологической битве с Западом, о том, что «наш народ капитулировал», «психология победителей вытравлена в русских людях» (А. Зиновьев), то апелляцию к фрейму *Сталинград* можно рассматривать как исторический пример, цель которого – в побуждении к определенной модели поведения: созданию перелома в битве между исконно русской Россией и всем, что ею не является, то есть проявлениями западной цивилизации.

Таким образом, в рассмотренном дискурсе конфронтации прева-лирует идея неметафорического уничтожения негативной ценности – *западной цивилизации* в ее разнообразных проявлениях. Способы побуждения к конфронтации, точнее способы приведения читателя к определенной инференции, можно систематизировать следующим

образом:

1) через оппозицию этических ценностей. Носители «гедонизма» и «индивидуализма», противопоставляемые сторонникам «жертвенности» и «аскезы», объявляются «мародерами и «дезертирами» - используются метафорические номинации, возбуждающие представление об определенной модели поведения в отношении их референтов (обычно суд военного трибунала, карающий смертью);

2) через оппозицию способов познания мира: «*кротость*» (вера) как позитивный член оппозиции противопоставляется *аналитическому мышлению* западной культуры. Способ взаимодействия ценностей обозначается метафорически: выражение «выхаркивать простоту Коперника» нацеливает на освобождение от аналитического мышления;

3) через оппозицию сил внутри социума: *русский народ* противопоставлен *носителям либеральной идеологии*. Здесь конфликт ценностей разрешается через речевой акт угрозы, провоцирующий реципиента к гражданскому русскому этническому протесту против «либеральных фашистов», «предателей», «врагов»;

4) через оппозицию геополитических сил. Члены оппозиции: *Россия – Запад*. Использование фрейма *Сталинград* осуществляется косвенный речевой акт побуждения к военному отпору.

Очевидно, в силу сказанного лингвист может свидетельствовать о том, что анализируемый дискурс содержит побуждение к смене государственного строя и государственной внешней политики. Таков современный вариант дискурса конфронтации, где речь-ненависть – оскорбительные именованья оппонента, производимые говорящим, который представляется инструментом Большого Другого, – совмещается с побуждением Большого Другого к военной конфронтации.

Говоря о степени близости проанализированного корпуса текстов текстам советской эпохи, исследователь должен констатировать не тождество, но сходство базовых структур: 1) близость оппозиций, лежащих в основе текстов: оппозиция *СССР – Запад* модифицируется в оппозицию *Россия – Запад* (замещение имени на основе пространственного тождества обозначаемого этими именами пространства); 2) метафора военного противостояния замещается в дискурсе 2002 – 2003 года прямой установкой на военное противостояние. Тем не менее частные оппозиции (гипонимические по отношению к оппозиции-гиперониму *Россия – Запад*) строятся с участием метафоры

фронта или иного метафорического способа уничтожения негативной ценности («отхаркивать»); 3) в области риторических приемов наблюдается определенное сходство: используются номинации, порожденные военной метафорой (их список обогащается), происходит индуцирование фрейма *Великая отечественная война*. Говоря словами М. Фуко, «весь представленный дискурс скрыто располагается в том, что уже сказано». [Фуко 1996: 27] Сказанное позволяет постулировать вхождение проанализированного дискурса прямой конфронтации (речи-ненависти) в дискурсную формацию конфронтативного мышления.

Отменяет ли введение понятия «дискурсной формации» само понятие парадигмы текстов? Думается, не только не отменяет, но опирается на него. Е.С. Кубрякова, анализируя понятие парадигмы знания, выделяет три звена, упорядочивающих объединение ее составляющих: 1) установочно-предпосылочное, 2) предметно-познавательное, 3) процедурное, или «техническое». [Кубрякова 1995: 167] Применительно к понятию «парадигмы текстов» эти звенья получают свое «телесное» воплощение: первое звено соотносится с ценностными оппозициями и базовыми метафорами; второе – с непосредственной референциальной ситуацией, к которой прилагается соответствующая сетка ценностных понятий первого звена, т.е. с предметом обсуждения; третье звено соотносится с риторическими кодами, посредством которых и осуществляется перевод референциальной ситуации, интерпретируемой через заданную сетку понятий, в текст. Парадигма текстов опирается на все три звена и осознается как общность текстов именно тогда, когда противостоит другой общности – текстов (другой парадигме) по первому и третьему критерию, но совпадает по второму – предмету обсуждения. Именно в ходе такого диалога-полемики четко формулируются идеологические установки говорящего, предстающие как сознательные, рефлекслируемые мировоззренческие положения. Возвещать о начале новой парадигмы могут также политические или эстетические манифесты, объявляющие свою программу мышления и деятельности, антитетичную прошлым установкам.

Дискурсная формация, в отличие от парадигмы, опирается при объединении текстов только на два звена, названных Е.С. Кубряковой, – установочно-предпосылочное и «техническое», или риторические коды, – оба звена могут определенным образом модифициро-

ваться под влиянием «духа времени», но эти модификации должны найти свое объяснение. На мой взгляд, дискурсная формация является производной от понятия парадигмы текстов, во всяком случае, там, где речь идет об идеологическом мышлении: вначале существуют противостоящие общности текстов, защищающие определенный взгляд на определенный предмет, затем вербализованные в парадигмах текстов установки пропитывают мышление членов социума, сквозя во множестве самых разнообразных высказываний, производимых ими. Предмет обсуждения при этом не является релевантным для общности текстов, подводимых под понятие формации – стоящая за ней говорящая личность являет очень высокий уровень абстрактной личности, пребывающей в едином большом хронотопе.

В заключение автор полагает необходимым отметить, что предложенное им решение о соотношении дискурсной формации и парадигмы текстов, если признать их объектами дискурсного анализа, не представляется ему бесспорным. Оно, безусловно, нуждается в дальнейшем уточнении и обсуждении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамец П.О. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Филологические науки. 1973. № 4
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979
3. Генис Александр. «Лук и капуста» // Знамя. 1994. № 8
4. Гринблат Стивен. Формирование «Я» в эпоху Ренессанса от Мора до Шекспира // Новое литературное обозрение № 35 / 1 (1999)
5. Клемперер Виктор. Язык Третьего рейха. М., 1998
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука XX в. М., 1995
7. Куртин Ж.Ж. Шапка Клеменсиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999
8. Лассан Элеонора. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995
9. Леви-Стросс Клод. Первобытное мышление. М., 1994
10. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995
11. Ноуэл-Смит П.Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985

12. Салецл Рената. Извращения любви и ненависти. М., 1999
13. Фуко Мишель. Археология знаний. Киев. 1996
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва – Волгоград, 2000
15. Эко Умберто. Отсутствующая структура. М., 1998
16. Якимович А.К. «Свой – чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2003. № 4

НАУМОВА И.О.

АНГЛИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

(на материале фразеологических калек с английского)

Политическая лингвистика, безусловно, представляет один из самых действенных языковых инструментов убеждения и влияния на сознание масс. Для вскрытия истинных интенций использования языкового материала приходит на помощь анализ современного политического дискурса как через призму его прагматической направленности, так и метафорического анализа, который в ряде случаев позволяет обнажить скрытую идеологию. Если в начале XIX века философ Дестутт де Трейси создал термин “*идеология*” для описания науки об идеях, которые были призваны выявить такие *бессознательные* свойства разума, как предрассудки и классовая сознательность, то К. Маркс и К. Маннхайм ввели этот термин в социологический дискурс. Это понятие стало обозначать ‘социальное воспроизводство идей для народа (все так же на бессознательном уровне, ср. *political unconscious, horizons of expectations, Weltanschauungen, authority, political agenda, politics identity, politics interpretation, etc.*).’ [Robert J. Belton 2002]. Клиффорд Герц использует этот термин с меньшей политической нагрузкой, подразумевая под словом *идеология* ‘определенную семиотическую систему со своими кодами расшифровки, ср. *искусство, религия*’ и т.д.

Декодирование политических терминов, являющихся переводными заимствованиями из других языков, осложнено дополнительными трудностями. Отсутствие фоновых знаний затрудняет осознание истинного значения того или иного политического термина как в языке-источнике, так и, естественно, в родном языке. Нередко в первоначальном виде данный термин уже является носителем ложной информации [Burnam T. 1975], сознательно затушевывая истинный

смысл высказываний. Ассимиляция подобных терминов вуалирует и их происхождение, маскируя данные переводные единицы в исконно-русских “одеждах”, что дезориентирует читателя, скрывая как их подлинные истоки (этимон, первообраз), так и современный смысл указанных политических терминов. Переводной характер подобных единиц помогает им мимикрировать, участвуя в карнавале личин и словесных прикрытий политических героев нашего времени. Установление истории возникновения того или иного политического термина, заимствованного из другого языка, позволяет корректно его использовать в современном русском языке.

В данной статье предпринимается попытка проследить за хронологией проникновения фразеологических калек английского происхождения в политическую терминологию современного русского языка.

По мнению Л. Гальди, возникновение политической терминологии современного русского языка трудно понять без учета влияния именно английского языка [Гальди Л. 1968: 75], который является и в настоящее время, бесспорно, ведущим источником фразеологических калек политической лингвистики на уровне газетно-публицистических стилей речи русского языка [Шанский Н.М. 1985: 103]. Лексикографические источники Великобритании и Америки [Bales J. D. 1964: 12] позволяют определить паспортные данные многих вербальных граждан политической лингвистики, которая благодаря тщательному изучению своего корпуса, фиксирует автора и время появления рассматриваемых единиц в политическом дискурсе. Именно политическая лингвистика располагает относительно точными сведениями о первой фиксации возникновения терминов, слов и выражений в *речевом потоке*, приводя документированные свидетельства о первоисточнике употребления фразы или слова, впоследствии ставших крылатыми во многих языках мира. Цитаты из *речи* популярных политических деятелей становятся нередко и фокусом, и фреймом подобных политических метафор [Блэк М. 1990] .

Начало формирования общественно-политической терминологии русского языка принято относить к началу XIX века. Как отмечает В.Г. Белинский, в 20-30 годы XIX века ощущался значительный пробел среди терминов логически устойчивых слов в кругу общественно-политической лексики. В этот же период отдавалось предпочтение прямому заимствованию европейских терминов (главным обра-

зом, из французского языка, восходящих преимущественно к латинскому источнику) [Сорокин Ю.С. 1965: 176]. Однако, в это же время А.С. Пушкин отмечает в письме к Н.И. Гнедичу: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что она будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» [Цит. по: Ковалевская Е.Г. 1978: 311]. К рассматриваемому периоду можно отнести и первые регулярные пополнения русской языковой системы фразеологизмами английского происхождения. К концу XVIII века происходит стабилизация политических, экономических и культурных контактов между Россией и Англией, что обуславливает накопление к началу XIX века значительного объема переводной публицистической и художественной литературы с английского языка, что, в свою очередь, способствует возникновению анализируемых единиц.

Пласт самых ранних поступлений фразеологических калек английского происхождения в общественно-политической терминологии русского языка предположительно может быть представлен крылатыми словами видных английских и политических деятелей 16-18 вв. Большая часть данных выражений ассимилируется в языке лишь в середине XIX века. Например: *знание сила* > *knowledge is power* (Ф. Бэкон, 1597), *держат порох сухим* > *to keep one's powder dry* (Ф. Кромвель, 1650), *Британский лев* > *the British Lion* (Дж. Драйден, 1687), *время – деньги* > *time is money* (В. Франклин, 1748), *нация лавочников* > *nation of shopkeepers* (А. Смит, 1776), *равновесие сил* > *balance of powers* (Р. Волп, 1741) и др. Данные выражения используются и в современной политической терминологии как английского, так и русского языков, став частью интернационального фонда.

Однако большая часть рассматриваемых единиц оставалась известной лишь в узком кругу билингвистов или специалистов в области истории Англии и ее языка (*ср. пороховой заговор* > *gunpowder plot* (1605), *долгий парламент* > *Long parliament* (1640), *столетняя война* > *Hundred Years' War* (1337-1453), *звездная палата* > *Star chamber* (1614), *Билль о правах/ Декларация прав* > *Bill of Rights* (1689), etc.).

К 50-60 гг XIX века публицистика приобретает главенствующее положение среди функциональных стилей русского языка, что определяет возрастание притока новых поступлений фразеологизмов английского происхождения в политическую терминологию. В этот

период (50-60 гг. – 80 гг. XIX века) в политической фразеологии русского языка начинают функционировать такие фразеологические кальки из английской политической терминологии, как, напр., *Доктрина Монро* > *Monroe Doctrine*, *Америка для американцев* > *America for Americans*, *дядя Сэм* > *Uncle Sam* (1813), *мастерская мира* > *the world's workshop* (Д. Биконсфильд, 1836), *Армия спасения* > *Salvation Army* (Бутс, 1876), *Руки прочь!* > *Hangs off!* (В. Гландстон, 1878), *Англия – мать парламентов* > *England is Mother of Parliaments* (Дж. Брайт, 1865) и др..

Для середины XIX века характерен процесс приобщения слов иных лексико-семантических сфер к выражению понятий политической лексики и фразеологии. С одной стороны, наблюдается явление актуализации выражений из художественной литературы (ср. *вступить на тропу войны* > *to go on the war-path* (Ф. Купер), *всемогущий доллар* > *the almighty dollar* (В. Ирвинг, 1837), *выкурить трубку мира* > *to smoke the pipe of peace* (Г. Лонгфелло, 1855), а с другой стороны – протекает процесс ретерминологизации естественно-научных терминов, которые, пройдя фазу переосмысления, начинают употребляться как политические термины (ср. *борьба за существование* > *struggle for life* (Ч. Дарвин, 1859). Параллельно данная фразеологическая калька получает распространение и в русском литературном языке (ср. название части романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» - «Борьба за жизнь» (1867 г.), напечатана в «Современнике» №8 за 1868 год под названием «Борьба за существование»).

В политической фразеологии русского языка конца XIX века появляются и термины политической экономии, заимствованные из английского языка.. Ср. *банковская школа* > *bank school* (направление в английской политэкономии 1-й половины XIX века, возглавлялось Т. Гуком и Дж. Фуллертоном), *манчестерская школа* > *Manchester school* (возникла в 30-е гг.), *золотой стандарт* > *gold standard* (в России данная система возникла в 1896-1897 гг.), *свободная торговля* > *free trade* (фритрейдство – направление в экономической политике промышленной буржуазии, возникло в Манчестере в 1876 г., в России получило распространение после 1860 г.), *теория человеческого капитала* > *human capital theory* (возникло в 50-60 гг. XIX века в работах американских экономистов), *фабианское общество* > *Fabian Society* (основано в 1864 г. Дж. Б. Шоу, С.и Б. Вебб,

Г. Уэллсом) и др.

Появившиеся в анализируемый период фразеологические кальки с английского в русской художественной литературе впоследствии активно функционируют и в политической терминологии русского языка в качестве образных номинаций. Ср. «Черный континент» > the Dark Continent (Генри М. Стенли, 1878г.); «желтая пресса» > Yellow Press (Э. Уордлэн, 1896г.); «золотая лихорадка» > gold fever (1897г.); «человек с улицы» > a man in the street (Эмерсон, 1900г.) и др.

Большая часть вышеназванных фразеологических калек с английского функционируют в настоящее время как в общелитературном языке, так и в современной политической терминологии в роли политических метафор.

XX век ознаменовал поступление интенсивного притока фразеологических калек с английского в политическую терминологию русского языка. В 1924 году между Англией и СССР были установлены дипломатические отношения, в том же году был основан «Англо-русский парламентский комитет» > *Anglo – Russian Parliamentary Committee*, который действовал до 1964 года. В 20-30 гг. английский язык получает в Советском Союзе массовое распространение, став частью программы средних школ страны Советов. В первой половине XX века в политической терминологии русского языка появляются такие фразеологические кальки с английского, как, например: «Американский легион» > *American Legion* (1919); *Палмеровские рейды* > *the Palmer raids* (1919-1920); *теория «человеческих отношений»* > *human relations theory* (США, 20-е гг. XX в.); «Лига наций» > *League of Nations* (1919-1939); «Британский легион» > *British Legion* (1921); «Британские экспедиционные силы» > *British expeditionary forces*; «беседа у камелька» > *fireside chat* (Ф. Рузвельт, 12 марта 1933 г.); «политика доброго соседа» > *good neighbourly policy* (Ф. Рузвельт, 4 марта 1933 г.); «мозговой трест» > *brains trust* (Дж. М. Киеран, 1932 г.); «теория большого бизнеса» > *big business theory* (40 гг. XX в.); *План Маршалла* > *the Marshall Plan* (1939-1945 гг.); «Голос Америки» > *the Voice of America* (1942г.); «Долларовая зона» > *dollar area* (1933г.) и др. Многие из приведенных выше выражений приобретают свое второе рождение в наши дни.

Выделяется и сравнительно немногочисленная группа фразеологических калек с английского, первоначальной сферой функционирования которых является художественная литература. Ср. «Век джаза» > *jazz age* (С. Фитцджеральд); «Потерянное поколение» > *Lost generation* (1920); «Гроздь гнева» > *the grapes of wrath* (Дж. Стейнбек, 1939) и др.

В марте 1946 года У. Черчилль произнес впоследствии печально известную «Фултонскую речь», положившую начало «холодной войне» с СССР. С 1945 года в общественно-политической терминологии русского языка начинают функционировать такие фразеологические кальки с английского, как, например: «холодная война» > *cold war* (1946), «Фултонская речь» > *The Fulton speech* (1946), «равновесие страха» > *balance of fear* (1946), «атомная бомба» > *atomic bomb* (1945), «атомная дипломатия» > *atomic diplomacy* (1945), «атомный клуб» > *atomic club*, «политика особых отношений» > *special relations policy* (1945), доктрина Трумэна > *Truman doctrine* (1947), «железный занавес» > *iron curtain* (У. Черчилль, 1946), «Организация Объединенных Наций» > *United Nations' Organisation*, «атомная артиллерия» > *atomic artillery* (50-е гг.) и др.

Фразеологические кальки «атомная война», «атомная дипломатия», «атомный клуб», «атомный зонтик» вскоре были вытеснены из употребления новыми устойчивыми словесными блоками – «ядерная бомба», «ядерная дипломатия», «ядерный клуб», «ядерный зонтик». Именно с этого времени (с 1946 года) получает широкое распространения в английском языке и выражение «*Soviet military threat*» - «советская военная угроза».

В 1950-1960 гг. англо-советские отношения достигают *разгара «холодной войны»*, что определяет и качественный состав появившихся в этот период в языке фразеологических калек, ср. «охота на ведьм» > *witch-hunt* («охота на красных» > *red-hunt*), «периферийная стратегия» > *outlying strategy* (1950), «ограниченная война» > *restricted war* (Г. Киссинджер, 1957), «Общий рынок» > *Common Market* (1957), «общество изобилия» > *Affluent Society* (Дж. Гэлбрейт, 1957), «стратегия массированного воздействия» > *massive retaliation strategy* (1953-1961), «теория человеческого капитала» > *human capital theory* (Беккер, Вейсброт, конец 50-х – начало 60-х гг.) и др.

Особенно велик приток англицизмов и фразеологических калек с

английского в 60-е годы XX в., в годы 'оттепели'. (Интересно отметить, что слово *оттепель* в политическом смысле впервые было употреблено в 19 веке А. Фетом.).

В эти годы в русской публицистике появляются следующие фразеологические кальки с английского: «*Ветер перемен*» > *the wind of change* (Ср. «В 1960 году Г. Макмиллан сказал, что «ветер перемен» веет над африканским континентом. Нравится нам это или нет, но рост национального самосознания африканских народов являются политическим фактом») [16,118]; «*корпус быстрого развертывания*» > *rapid development corps*, «*военно-промышленный комплекс*» > *Military Industrial Complex* (Эйзенхауэр / Мосс), 1961/; «*Великое общество*» > *The Great Society* (Л. Джонсон, 1964); «*коридоры власти*» > *the corridors of power* (Ч. Сноу, 1964); «*зеленые береты*» > *green berets*; «*молчаливое большинство*» > *silent majority* (Р. Никсон); «*передовые рубежи*» > *New Frontiers* (Кеннеди); «*утечка мозгов*» > *brains drain* (60-е годы); «*азиатская доктрина*» > *Asian Doctrine* (Л. Джонсон, 1966); «*Власть черным!*» > *Black Power* (1966); «*черные пантеры*» > *Black Panthers* (1966) и др.

В 70-е годы советско-английские и американские политические, торгово-экономические, научно-технические и культурные связи приобретают новые формы делового сотрудничества. В частности, решающую роль в позитивном сдвиге в отношениях между этими государствами сыграла встреча глав правительств этих государств 13-17 февраля 1975 года, которая имела важное значение для стабилизации контактов между Советским Союзом и Великобританией.

С 1971 года в политической терминологии русского языка начинают функционировать такие фразеологические кальки с английского, как, например: «*океанская стратегия*» > *ocean strategy* (1971); «*концепция стратегической достаточности*» > *strategical consumption conception* (1970); «*концепция тотальных сил*» > *total forces conception* (1971); «*политика цен и доходов*» > *prices and incomes policy* (1972-1974); «*социальный контракт*» > *social contract* (договоренность между лейбористским правительством и руководством профсоюзов, 1974); «*социальная инженерия*» > *social engineering* (Поппер); «*замораживание заработной платы*» > *wage-freezing*; «*железная леди*» > *iron lady*; «*защита прав человека*» > *human rights defense* (Дж. Картер, 1972) и др.

Многие из приведенных выше устойчивых словесных блоков не являются маркированными в современной политической терминологии, возрождаясь вновь в русском языке для отражения политических и экономических изменений в социальном укладе российской действительности.

В 80-е годы прошлого столетия среди наиболее частотных фразеологических калек с английского в общественно-политической терминологии современной русской публицистики выделяются следующие фразеологизмы:

1) «Силы быстрого развертывания» > *rapid development forces*

Ср. «М. Тэтчер активно поддержала вынашиваемую Вашингтоном идею создания «сил быстрого развертывания», которые выполняли бы жандармские функции в зоне Персидского залива...» (Правда, 1981, 4 марта).

2) «Многонациональные вооруженные силы» > *multinational military forces*

Ср. «Говоря о принципах, ведущих к резкому обострению обстановки на Ближнем Востоке, необходимо сказать и о так называемых «многонациональных вооруженных силах» для Синая, создание которых предусмотрено все теми же кемп-дэвидскими соглашениями» (Международ. жизнь, 1982, №2, с.32).

3) «Новая ядерная стратегия» > *New Nuclear Strategy*

«Администрация Рейгана, по существу, восприняла и дала дальнейшее развитие «новой ядерной стратегии», изложенной еще осенью 1980 г. в президентской директиве № 59, суть которой сводилась к провозглашению доктрины «ограниченной ядерной войны»» (Международ. жизнь, 1982, №1, с. 52);

«В начале августа в печати США появилось сообщение о том, что 25 июля (1980 г.- И.Н.) в Белом доме была подписана президентская директива №59 о «новой ядерной доктрине» США» (Большаков В. Над пропастью во лжи, с. 95.).

4) «Ограниченная ядерная война» > *restricted nuclear war*

«Весь континент согласно доктрине «ограниченной» ядерной войны, может погибнуть в зареве ядерных пожарищ. Из всех военных доктрин, порожденных в вашингтонских «коридорах власти», эта – самая безумная» (Правда, 1981, 23 ноября).

5) «Карибская инициатива» > *Caribbean initiative*

Ср. «...Вашингтон устами Рейгана провозгласил так называемую

«карибскую инициативу», предусматривающую выделения 350 миллионов долларов для «обеспечения безопасности дружественных стран» (За рубежом, 1982, №16, с.13).

6) «Контактная группа» > *contact group*

Ср. «*Контактная группа*», в которую входят представители пяти западных держав, прибыла в Мапуту для переговоров о будущем Намибии» (Известия, 1981, 4 ноября).

7) «Управление новостями» > *directing of the news*

«Термин «управление новостями» ввел в оборот американский обозреватель Джеймс Рстон, окрестив так систему, созданную правительством США для манипулирования средствами массовой информации» (Проблемы мира и социализма, 1977, №5, с.91-92);

«Например, он (враг - И.Н.) контролирует прессу, направляет общественное мнение с помощью *«управляемых новостей»*, обладает неограниченными ресурсами, секретами «промыывания мозгов»» (Гаджиев К. США: Эволюция буржуазного сознания, с. 180).

8) «Окно уязвимости» > *the window of vulnerability*

«Термин «окно уязвимости» появился... с опубликования в октябре 1981 года «всеобъемлющей стратегической программы» военных приготовлений США» (Междунар. жизнь, 1982, №2, с. 156).

9) «Международный терроризм» > *international terrorism* (Р.Рейган, 1981).

«Что же касается попыток отождествить с «международным терроризмом» священное право народов на борьбу за освобождение от империалистического гнета, то это – попытки с негодными средствами» (Сельская жизнь, 1981, 16 мая);

«...Все дело оказывается в «упорном наращивании военной мощи Советским Союзом» и «международном терроризме», вынуждающих «миролюбивую» Америку предпринимать меры по «укреплению обороны» во время защиты ее «жизненно важных интересов»» (Цагалов Г. Миллиарды на оружии, с.9).

Приведенные примеры использования данных единиц в русской публицистике демонстрируют противоборство двух политических систем, наполняя содержание одних и тех же единиц диаметрально противоположным значением.

Однако впоследствии некоторые политические термины трансформируют свое значение в обоих языках, совпадая в своих дефинициях. Так, в третьем тысячелетии термин *международный терро-*

ризм приобрел свое единое толкование во всем мире, рассматриваясь как 'угроза мирной жизни всех граждан планеты Земля'. Ср. " Почему рвануло в Турции? ...Ни для кого не секрет, что исламская, хоть и светская Турция давно стала прибежищем *международных террористов*, в том числе чеченских. Здесь они залечивали раны, лечились. Учились убивать.... *Метастазы терроризма* распространились по миру. И нет ничего удивительного, что однажды рвануло там, где подрывники чувствовали себя относительно вольготно» («Аргументы и факты» в Украине, № 48, 2003).

Анализ содержания терминов политического характера, по своему происхождению принадлежащих к традициям западного мироощущения, в лексикографических источниках, изданных в Англии, Америке, отличается от трактовки данных терминов как в словарных изданиях на русском языке, так и в языке русской публицистики того времени.

Так, в учебном словаре Хорнби, предназначенном для студентов, изучающих английский язык как в Англии, так и за ее пределами, дается следующая дефиниция термина «*кризис доверия*» > *credibility gap*: «разница между тем, что говорят и тем, что является правдой» [17,201].

Ср. «Шестнадцать лет назад (в 1965 году – И.Н.) газета «Геральд трибюн» пустила в оборот выражение «*кризис доверия*». Им обозначили глубокую пропасть, отделившую американских избирателей от сановных плутов в Вашингтоне. «Грязная война» в Индокитае, Уотергейт, хронические скандалы на Капитолии сделали фразу крылатой» (Комс. Правда, 1981, 24 мая).

Общественно-политический термин «*баланс сил*»/«*равновесие сил*» > *balance of power* известен в английском языке с 1642 г. [18.138]. По утверждению Дж. Мозера, родоначальником концепции «баланса сил» был Генри IV [Spencer E. 1962: 26]. С.Г. Займовский датирует возникновение данной единицы XVII веком, когда на английском языке был издан трактат «Германский сейм или *равновесие Европы*» [Займовский С.Г. 1930: 129]. В словаре Вебстера данное выражение трактуется, как «Баланс сил между двумя или более нациями, обуславливающий предотвращение возможности приобретения одной из них необходимой военной мощи для того, чтобы развязать войну или посягнуть на интересы другой страны» [Webster's 1966: 66].

Ср. «Осуществляя принцип *«баланса сил»*, английская внешняя политика всегда стремилась противопоставить одни европейские страны другим, с тем чтобы в конечном счете выступить в качестве арбитра и извлечь из этого выгоду для себя» [Сорокин Ю.С. 1965: 13].

Значение фразеологической единицы *«долларовая дипломатия»* в лексикографическом пособии Брувера раскрывается следующим образом: «Оказывать должную и необходимую помощь и поддержку всем приносящим прибыль американским предприятиям за рубежом» [Brewer E. 1970: 334].

Ср. «С помощью *«большой дубинки»* и *«дипломатии доллара»* Вашингтон продолжал подавлять антиимпериалистическое движение» (Корионов В. Американская политика «Новых рубежей» в Латинской Америке, с.17).

Американские лексикографические источники приводят следующие сведения о данном термине:

Dollar Diplomacy A term used by Latin Americans to show their disapproval of the role the American government has played in using diplomatic and military power to open up foreign markets and to safeguard the financial interests of American business [Plano, Greenberg. 1967: 321-322].

Dollar Diplomacy. A derogatory reference to the foreign policy of the United States as set forth c.1910 by Philander C. Knox (23 April, 1910).The phrase follows the formula of the earlier *shirt sleeve diplomacy*... [Spencer E. 1962: 129].

Сравните приведенные выше толкования термина *dollar diplomacy* с определением данного понятия в словаре, изданном в Великобритании:

Dollar Diplomacy A term applied to governmental support and furtherance of commercial interests abroad for both political and economic ends. The phrase, popular with critics of American policy, stems from the Taft administration (1909-1913), which fostered such politics in the Far East and Latin America. Their intention was to control as well as to promote enterprise abroad by substituting dollars for c. II bullets and lending "all proper support to every legitimate and beneficial American enterprise abroad" [Brewer E. 1970: 334].

Следует подчеркнуть, что для выявления конкретного языкового источника той или иной фразеологической кальки большое значение

приобретает возможность точной хронологической фиксации рассматриваемых языковых единиц в языке-источнике, установления их авторов. Как известно, акт терминотворчества является распространенным именно в данной сфере терминологии.

Это обстоятельство определяет возможность анализа конкретной фразеологической кальки в документах определенной эпохи, что, в свою очередь позволяет выявить эволюцию данной единицы в принимающей ее языковой среде. Это условие имеет особое значение для терминов, относящихся к анализируемой сфере терминологии. Однако даже в фразеографических изданиях языка-источника нередко наблюдаются разные версии происхождения той или иной политической единицы.

Так, авторство вышеуказанного выражения *долларовая дипломатия- дипломатия доллара*, которое осталось популярным во всех языках мира с момента своего возникновения в 1912 году, приписывается как президенту Вильяму Говарду Тафту, так и Ф. Ноксу (его государственному секретарю – спичрайтеру).

Сравните данные, приводимые справочными изданиями русского языка:

Дипломатия доллара – долларовая дипломатия. Экспансионистская политика США, направленная на закабаление других стран американскими монополиями. Выражение впервые употреблено президентом США У. Тафтом в 1912 г [Краткий политический словарь 1978: 1]

Для семантической трансформации политических терминов, представленных в русском языке фразеологическими кальками с английского, характерен процесс генерализации. В подавляющем большинстве случаев он первоначально имеет место в языке-источнике, впоследствии вызывая аналогичную модификацию значения своего русского коррелята.

Так, выражение «*общество изобилия*» приобрело популярность в конце 50-х годов, обозначая «всеобщий рост материального благосостояния Британского общества» [Brewer E. 1970: 14]. Термин был введен американским экономистом Джоном Гэлбрейтом в книге «Общество изобилия», опубликованной в 1958 году. В дальнейшем происходит обобщение смысла данного общественно-политического термина, который начинает обозначать не только Британское общество, а некую общую буржуазную модель «общества благосостояния

и процветания, каждый член которого заинтересован в его материальном процветании» [Brewer E. 1970: 16].

В русском языке рассматриваемая фразеологическая калька применялась в XX веке для передачи характеристики западной пропаганды уровня жизни в некоторых капиталистических странах.

Следует отметить, что подавляющее большинство английских коррелятов рассматриваемых фразеологических калек английского происхождения моносемичны. Однако, можно выделить примеры, когда у фразеологической кальки на русской почве под непосредственным влиянием ее прототипа появляется и второе значение, параллельно аналогичному процессу в английском языке.

С 1814 года выражение «Белый дом» > *White House* в английском языке обозначало лишь резиденцию президента США. Т.Рузвельт переименовал "*the Executive Mansion*" в *Белый дом*. Впоследствии в результате метонимического переноса выражение приобрело и значение 'исполнительной власти Америки'.

В русском языке коррелятивная фразеологическая калька с английского также приобретает данное значение. Употребление рассматриваемой языковой единицы во втором указанном значении является в настоящее время более распространенным, чем в первом.

Ср. «Он (Морген – И.Н.) направил *Белому дому* официальное послание с предложением срочно оказать поддержку «афганским инсургентам» (Литератур. газ., 1980, №3, с.9); «А как поступают в приличных *домах*, даже в *белых*, когда скандал? Его пытаются замять» (Известия, 1982, 10 января).

В 1991 году в России появляется свой *Белый дом*. Деривационные способности данного выражения продолжают поражать своей гибкостью и живучестью в русском языке. Ср. «Разборки в *Белом доме*» (Комс. правда, 13 августа, 1993), «*Белый дом* отмыли» (АиФ, №12, 1994), «*Белодомовский* истеблишмент Желая получше проинформировать наших читателей о главном из того, что происходит в мире и в стране, мы открываем новую рубрику «Что? Кто? Почему?». В этом выпуске: - ЧТО такое НПРО? Заслуживает ли этот американский проект всех разговоров вокруг него? Чем он грозит России? Кто выдвигает подобные проекты и вершит нынешнюю внешнюю политику США? Подробнее знакомим с двумя наиболее популярными персонажами *белодомовского истеблишмента*» (ЛГ, 21-27 марта 2001, №12, стр.8).

В составе фразеологических калек с английского в политической лексике русского языка можно выделить и синонимические ряды ФК, появление которых в ряде случаев обусловлено такими факторами, как:

1) одновременное функционирование в языке новой фразеологической кальки и ранее образованной фразеологической единицы по английской модели, переходящей постепенно в разряд историзмов или архаизмов современного русского языка: «Северо-Американские Штаты» > *The North American States* = Соединенные Штаты Америки» > *The United States of America* = США > USA = Брат Ионафан > *Brother Jonaphan* = Дядя Сэм > *Uncle Sam*»; «Панаиша Никербокер» > *father Nicerboker* = Новый Йорк > *New York* = Нью-Йорк (фразеологическая полукалька была заменена соответствующим заимствованным выражением), «золоченая палата» > *gilded chamber* = «палата пэров» > *House of Peers* и др.

2) одновременное функционирование в современном русском языке нескольких фразеологических калек с английского. Одна из которых является более конкретной по содержанию, другая - представляет собой обобщенную политическую формулу. Например: «Америка для американцев» > *America for Americans* = «Доктрина Монро» > *Monroe doctrine*; «Справедливый курс» > *Fair Deal* = «Доктрина Трумэна» > *Truman Doctrine*; «Новые рубежи» > *New Frontiers* = «Доктрина Кеннеди» > *Kennedy Doctrine*; «Великое общество» > *The Great Society* = «Доктрина Джонсона» > *Johnson Doctrine* и др.

Синонимичные фразеологические кальки с английского различаются:

а) по своему лексическому составу (ср. «Шестьдесят семейств» = «верхние десять тысяч» > *the upper ten thousand*; «Фултонская речь» > *the Fulton speech* = «Холодная война» > *cold war*; «Политика с позиции силы» > *position-of-strength policy* = «политика большой дубинки» > *a big stick policy*; «торговец смертью» > *a merchant of death* = «фабрикант оружием» > *manufacturer of arms*; б) сферой стилистического использования:

«В Джонстауне этот агент ЦРУ использовал все те методы, что отработывались шпионским ведомством для контроля над поведением человека – сильнодействующие наркотики, типа ЛСД, насильст-

венный труд, лишение сна, особые диеты, сеансы «*промывания мозгов*» (Правда, 1981, 26 июля).

«Год назад я посетил Мэттеван (тюрьма США). Тогда там взбунтовались двести психически нормальных заключенных, которых травили «успокоительными средствами»... Людей, как подопытных кроликов, превращают в послушные и боязливые существа. Это именуется «*модификацией поведения*» [Цит. по: Котелова Н. Новые слова и значения 1977: 80].

Фразеологическая калька *промывание мозгов* характеризуется высокой частотностью употребления как в публицистике, так и в художественной литературе. Выражение *модификация поведения* применяется лишь в специальных стилистических целях; использование данного оборота ограничено определенными контекстами, в которых встречается рассматриваемая фраза.

Интересно отметить, что если в лексикографических источниках русского языка приводятся данные о том, что этот политический термин является переводным эквивалентом английского выражения *brain washing* [Наумова И.О. 1983], то в американской лексикографии дается ссылка на русское происхождение данного выражения. Использование данного выражения в современном политическом дискурсе телепрограмм BBC подтверждает данную точку зрения о его происхождении.

Ср. *Brainwashing*. A treatment of persons designed to change their outlook. The expression once limited to, and probably originated in Communist treatment of prisoners aimed at altering their political and moral outlook on the western world. It is now often used loosely to describe any change in attitude on the part of a prisoner resulting in sympathy with captors' views on a readiness to confess to crimes. [Elliott F 1961: 42]. В современном английском языке подразумевается *промывание мозгов* советских граждан в условиях однопартийной системы правления коммунистов.

Политический термин *Ideological Warfare* также трактуется американскими лексикографами, как выражение, обозначающее 'один из тактических приемов, используемых коммунистами и блоками свободного мира в холодной войне'. Cf. *Ideological Warfare*. One of the tactics used by the Communists and free-world blocks in the cold war' [Plano, Greenberg. 1967: 326].

Анализ текстов русской публицистики конца XX века выявил,

что состав фразеологических калек в количественном отношении преобладает над числом прямых заимствованных выражений из английского языка, функционирующих в большинстве случаев в транслированном виде [24-26]: «Интеллидженс сервис» > *Intelligence Office* /собирательное наименование сети разведывательных служб Англии [Краткий политический словарь 1978: 136], «Даунинг стрит» > *Downing Street* /употребляется как символ правительства Англии (КПС, с. 85)/, «Джон Буль» > *John Bull* /вытеснившее ранее распространенную фразеологическую кальку «Иван Бык» (нач. XIX века)/ - ироническое название Англии, английской буржуазии; «Флит стрит» > (пресса в Англии) и др.

В отдельных случаях наблюдаются примеры слияния: 1) прямого заимствованного фразеологизма в слово: «Джимкроуизм» > *Jimcrowism* > *Jim-Crowism* > *Jim Crow*/ система расистских мероприятий, создана в США на рубеже XIX и XX вв./; 2) фразеологической калки в заимствованную лексическую единицу: «блестящая изоляция» > *splendid isolation* «изоляционизм» и др.

Основными источниками, пополнявшими в советскую эпоху состав общественно-политической терминологии фразеологическими кальками английского происхождения, являются:

- сфера международных отношений («третья корзина» > *the third basket*; «джентльменское соглашение» > *gentleman agreement*; «Великие державы» > *the Great Powers*; «третий мир» > *the third world* ; «третий рынок» > *the third market* ; «большая тройка» > *The Great Three*; «Организация Объединенных Наций» > *United Nations' Organisation*; «Совет Госбезопасности» > *Security Council* и др.);

- военное дело («Американский легион» > *American legion*, «ядерная война» > *nuclear war*, «океанская стратегия» > *ocean strategy* и др.;

- политическая экономия («теория большого бизнеса» > *big business theory* (40-е гг. XX в.), «теория «человеческого капитала» > *human capital theory* (Беккер), «теория уравновешивающей силы» > *the theory of countervailing power* (Гэлбрейт), человеческий фактор > *human factor* (Гэлбрейт), качество жизни > *quality of life* (Гэлбрейт) и др.;

- художественная литература («коридоры власти» > *Corridors*

of Power (Сноу, 1964), «*тихий американец*» > *the quiet American* (Г.Грин), «*гроздь гнева*» > *the grapes of wrath* (Стейнбек, 1939) и др.).

Следует отметить, что в настоящее время английский язык особенно активно пополняет пласт интернациональных калек политической терминологии. «Именно здесь самым активным образом передается через национальные границы и получает сходное языковое оформление во многих языках новая информация международного значения [Шанский Н.М. 1985: 145]. Кроме того, межъязыковые контакты не только наиболее интенсивно реализуются через публицистику, но именно в этой сфере они одновременно вызывают потребность в экспрессивно окрашенных, оценочных средствах номинации новых объективных явлений...» [Райхштейн А.Д. 1980: 42].

Процессы глобализации, активно вовлекающие все терминосферы языков в единое информационное пространство, особенно влияют на формирование современной политической лингвистики, направляя ее в русло мирового информационного канала, отражающего политические события в мире. Издаваемый в Бельгии журнал «*Political Linguistics*» информирует мировое сообщество лингвистов о последних событиях, протекающих в самой подвижной и изменчивой сфере лингвистики.

Языковая конвергенция, сближение государств в их устремлении к безопасному сосуществованию в глобальной деревне увеличивают притоки заимствований в контактирующие языки. Знание культурологических кодов языковой номинации политических терминов, несомненно, воспитывает чувство толерантности и понимания как общностей, так и различий многоголосия звучащих на планете языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Robert J. Belton .Words of Art: The List . Okanogan University College, 2002 <http://www.arts.ouc.bc.ca/fiar/glossary/gloshome>.
2. Burnam T. The Dictionary of Misinformation.- New York,1975
- 3.Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. – В кн.: IV Международный съезд славистов. М.:МГУ, 1968
- 4.Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. -3-е изд., доп. и испр. – М.: Высшая школа,1985
5. Bales J. D. A dictionary of communist English. –Grant Rapids (Mich): Baker book house,1964

6. Elliott F. A Dictionary of politics. Baltimore, 1961
 7. Plano, Greenberg. . The American political dictionary, N.Y.,1967
 8. Robertson D. A dictionary of modern politics. – L.: Europa,1985.
 9. .Saffire W. Saffire's New Political Dictionary. –N.Y., 1993
 10. Spencer E. American political terms. Detroit, 1962
 11. Stewart R. A Dictionary of Political Quotations. –London,1988
 12. Whisker J. B. A dictionary of concepts on American politics .- N.Y., 1980
 13. Блэк М. Метафора. В кн.: Теория метафоры. - М., 1990
 - 14.Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка .: 30-90-е годы XIX века. – М.; Л.: Наука, 1965
 - 15.Цит. по: Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978
 16. Трухановских В.Г., Капитонова Н.К. Советско-английские отношения, 1945-1978 гг. – М.: Международные отношения, 1979
 17. Hornby A .S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.- OUP,1974.
 - 18 The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1967
 - 19 Займовский С.Г. Крылатое слово: Справочник. Цитаты и афоризмы. – М.: Народная мысль. – М.- Л.: ГИЗ, 1930
 - 20 Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield Mass.: G & S Merriam Co, 1966
 - 21 Brewer E. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable –Centenary ed.-London Chassell, 1970
 - 22 Краткий политический словарь. М.: Политиздат, 1978
 - 23 Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980, с.42.
 - 24 Колиберская И.О. (Наумова). О фразеологических кальках с английского в русском языке. Русский язык в школе 1980, №6: 83-87
 - 25 Наумова И.О. О фразеологических кальках английского происхождения в сфере общественно-политической терминологии. Русский язык в школе, 1983, №3,с.96-100
 26. Наумова И.О. Фразеологизмы английского происхождения в современной публицистике. Русский язык в школе, 1989, №6,с.65-68
- ПОПОВА Э.Ю. КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ
В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТОК-ШОУ**

Современный человек не может находиться вне сферы влияния радио, телевидения, прессы. Средства массовой коммуникации путем быстрой передачи информации реализуют задачу формирования мировоззрения и общественного мнения большой аудитории. С помощью СМИ распространяется информация разного рода: пропагандистская, познавательная, развлекательная. Процесс общения с адресатом в СМИ определяется отсутствием непосредственного взаимодействия людей. Тем не менее, сохраняются такие элементы личностного общения, как сопереживание и соучастие. Любое сообщение, услышанное или прочитанное в СМИ, человек соотносит со своей оценкой, мнением, с суждениями других людей, и таким образом определяется отношение людей к полученной информации.

Аудиовизуальные СМИ, в частности телевидение, оказывает серьезное влияние на получателя информации. Вербальная информация усиливается сопровождающим ее видеорядом. Однако адресат нередко оказывается лишь пассивным участником процесса общения, выступая в роли «потребителя» предлагаемой ему информации. Завоевавший большую популярность среди зрителей жанр ток-шоу зачастую превращает адресата (массового зрителя) в стороннего наблюдателя общения ведущего и его собеседников, и коммуникативные неудачи в процессе общения на телеэкране нередко оказывают негативное воздействие на получателя информации.

Коммуникативные барьеры, возникающие в общении людей в связи с действием тем или иных объективных или субъективных причин, препятствующих успешному общению, характерны и для ситуации речевого общения в СМИ: телеведущие – участники ток-шоу и телезрители – пассивные потребители информации. Многие из сидящих в студии – это рефлексивные слушатели, переживающие процесс общения вместе с ведущими телепередачи. Отсюда очевидно следствие коммуникативных неудач в сфере СМИ – потеря авторитета телеведущих и известных личностей перед массовой аудиторией. По словам И.А. Стернина, коммуникативные барьеры могут быть связаны с различными факторами, и поэтому носят различный характер: культурные, социальные, ролевые, психологические, когнитивные и языковые. Анализ этих барьеров и «умение их преодолевать – важнейшая составляющая умения эффективно общаться» [Стернин, 2003, 29]. Это утверждение вполне применимо к ситуации общения в политических ток-шоу на телеэкране.

Рассмотрим коммуникативные неудачи в жанре политического ток-шоу, используя типологию коммуникативных неудач, излагаемую в работе «Культура русской речи под редакцией Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяевой.

Одной из причин коммуникативных неудач становится **чуждая коммуникативная среда**. Эта причина постоянно присутствует на телепередачах. Это обусловлено тем, что разговор часто ведется в присутствии других лиц, кроме собеседников в студии находится технический персонал: операторы, техники и т.п. Нередко в студии находятся зрители, принимающие активное участие в обсуждении того или иного вопроса. Такие обстоятельства накладывают определенный отпечаток на процесс взаимодействия коммуникантов. Грубые вмешательства третьих лиц в разговор собеседников, различия в понимании нравственных норм, полярные оценки явлений и т.д. – все это приводит к коммуникативной неудаче. Например,

ТВ, канал РТР, передача «Вести +». 19 мая 2003 года

Тема: Легализация проституции

Ведущий: Дмитрий Федорович (Аяцков): как эту проблему решить?

В Жириновский (вместо Д.Ф.): Он не слышит, он уже балдеет.

Грубое вмешательство в разговор третьего лица, причем с явно нетактичным замечанием.

ТВ, канал РТР, передача «Вести+». 19 мая 2003 года.

Д. Аяцков: Во всех странах мира существует эта часть бизнеса.

Из аудитории: Говорить о потребительской цене человеческого тела! Это ужасно.

В. Жириновский: Это VII век. Это древняя профессия. Не хотите, чтобы покупали, дайте бесплатно. Вы же сами денег просите.

В этом тексте наблюдается абсолютное непонимание друг друга участниками общения. В беседе участвуют люди, имеющие огромные различия в понимании нравственных норм. Люди с разным социальным статусом и интересами (женщина из аудитории, депутат и губернатор). Л.П. Крысин отмечает, что «весьма обычны ситуации, когда коммуникация осуществляется представителями разных социальных слоев и групп» [Крысин 2000: 318]. Такое общение зачастую заканчивается неудачей, отсутствием понимания между коммуникантами.

Вторая причина коммуникативных неудач **нарушение паритетаности общения** кроется в игнорировании слушающего и ослаблении его значимости в разговоре.

ТВ, канал ОРТ, передача «Основной инстинкт», 27 мая 2003 года
С. Сорокина (Н. Харитонову): Подождите. Я скажу. Вы уже всех забили.

Н. Харитонов: Да пусть они все молчат, я буду говорить.

ТВ, канал ОРТ, передача «Основной инстинкт», 27 мая 2003 года
Девушка из зала: Я о другом хочу сказать, о самом шоу бизнесе... С.Сорокина, (перебивая): Как шоу бизнес сделать нравственным? Об этом поговорим.

Девушка не успела ответить, С. Сорокина обращается к другим. Оба примера иллюстрируют стремление одного участника разговора подавить другого, нетерпимость к собеседнику, стремление доминировать в общении. По сути дела, здесь отсутствует элементарная культура общения.

Третья причина - **ритуализация живого общения в общении**, в общении собеседников имеет место «набор слов» к случаю.

ТВ, канал ОРТ, передача «Основной инстинкт», 27 мая 2003 года
С.А. Свиридова: Этим должна заниматься не Госдума.

Н Харитонов: Госдума выбрана народом. Вы что, против народа?

С. Сорокина: Ох, как повернул.

Н. Харитонов использует типичный прием советского времени – отождествление государственных учреждений и народа, государственных законов и воли народа, кроме того, подменяется тема разговора.

Четвертая причина - **неуместное замечание в адрес слушателя по поводу его действий, личных качеств, которое может быть истолковано как недоброжелательное отношение говорящего.**

ТВ, канал НТВ, передача «Свобода слова», 9 марта 2003 года
Руслан Аушев: Я ем мясо и отжимаюсь от пола.

А. Мордвинова: У бизнесменов нет полового гигантизма. Полового, не от слова «пол».

Амалия Мордвинова использует языковую игру, пресекая самовосхваления Р. Аушева. Но в публичном разговоре такая форма неприемлема, так как она оскорбляет достоинство собеседника.

ТВ, канал НТВ. Передача «Свобода слова», 15 февраля 2002 года.

Молодой человек из зала (Сергею Горенко): *ВЫ критикуете всех, потому что вас убрали. Не нужно обливать грязью Путина, не имея реальных фактов.*

С. Доренко: *Молодой человек, в личной беседе президент мне сказал: «Нашим народом, Сережа, легко управлять». Он прекрасно знает, какое стадо наш народ. Так вот вы из этого стада.*

Естественно, что такое замечание в адрес присутствующих и всего народа не может не повлиять на дальнейший ход беседы. Это коммуникативная неудача, которую допустил под влиянием эмоций опытный журналист, настроив тем самым против себя всю аудиторию.

Пятая причина - **коммуникативные неудачи, связанные с рядом обстоятельств, когда коммуникативные ожидания слушателя не оправдываются**

Интервью с А. Вихаревым, заместителем председателя Совета Федерации.

Журналист: Почему спикер Миронов повесил на вас социалку?

А. Вихарев: *Я по распоряжению Сергея Михайловича курирую следующие сферы: местное самоуправление, природные ресурсы и экологию, агропромышленный комплекс, молодежную политику, физкультуру и спорт.... А спикеру благодарен за то, что дал мне возможность расширить свой кругозор и потенциал.*

Коммуникативная неудача связана с отступлением журналиста от норм русского литературного языка и употреблением в интервью жаргонного слова «социалка», хотя собеседник воспринимает это слово как нормативное и серьезно отвечает на вопрос, но это может быть неприемлемо для аудитории.

На наш взгляд, в качестве причин коммуникативных неудач может выступать также отсутствие в некоторых телевизионных программах конвенционального ограничения, т.е. несоблюдение простых этических норм: вмешательство в частную жизнь собеседника, вынесение ее на публичное обсуждение, полное отсутствие этикетных формул в речевом общении.

Коммуникативные неудачи в сфере СМИ (а именно телевидения) очень часто обуславливаются и психологическими причинами: участники программ, как телеведущие, так и их собеседники, не видят всей зрительской аудитории и не могут учитывать ее реакцию; аудитории разнородна по социальному, возрастному и профессионально-

му составу, поэтому выступающий должен ориентироваться на разный уровень зрителей, иначе возникает дискомфорт и в среде, адресат неправильно интерпретирует замысел и цель передачи, и, следовательно, теряет к ней интерес.

Таким образом, мы попытались проиллюстрировать некоторые нарушения коммуникативных норм в сфере СМИ, указав на типичные причины коммуникативных неудач. Ток-шоу, как один из самых популярных тележанров, воздействующих на огромную зрительскую аудиторию, должен иметь общую коммуникативную стратегию, не дающую сбоев, поскольку СМИ в значительной степени определяют коммуникативную культуру современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Речевое общение в социально неоднородной среде // Русский язык сегодня. Вып. 1. 2000.

2. Стернин И.А. Практическая риторика. – М., 2003.

СМУЛАКОВСКАЯ Р.Л. СВОЕОБРАЗИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Тот факт, что газетный дискурс является важнейшим компонентом политического дискурса, делает необходимым высказать некоторые предварительные соображения в связи с темой статьи.

1. Уточним свое понимание термина "дискурс", на "печальную многозначность" и даже омонимичность которого указывали исследователи [Квадратура смысла 1999: 124]. Под дискурсом, как представляется, целесообразно понимать тексты, "произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания, и наделенные исторической, социальной и интеллектуальной направленностью" [Квадратура 1999: 27]. В этом смысле газетный дискурс является фрагментом признанного социально-идеологического института – средств массовой информации. С точки зрения институализации мы имеем дело с дискурсным полем СМИ, которое характеризуется, в частности, ориентацией на массовую аудиторию, сочетанием стандарта и новизны, информативности и воздействия. Каждая конкретная газета, федеральная или местная, характеризуется определенной позицией, т.е. (а) принадлежит соответствующей "дискурсной формации" (термин М.Фуко) и (б) обладает значимостью для определенного коллектива читателей. Из этого следует: а) доминантная для газеты позиция определяется дискурс-

ной формацией (например, в таких знакомых терминах, как "левый /правый, консервативный / либеральный, демократический / авторитарный) и в известной мере нивелирует "уникальный" облик субъекта высказывания (автора), который принимает на себя груз идеологических и языковых обязательств; б) возникает необходимость в уточнении самого понятия "массовый адресат".

2. Специфика дискурсивного поля СМИ во многом обусловлена многоликостью адресата, на что обратила внимание Т.Г.Винокур, говоря о "коммуникативном соавторстве" [Винокур 1993: 84]. Массовый адресат может быть представлен как собирательное, нерасчлененное, "другое лицо вообще" или как определенный коллектив, детерминированный в социальном, культурном, политическом и языковом плане, т.е. ориентированный на "коммуникативное соавторство". Газета не может не учитывать стратификации читателя по разным параметрам и ориентируется на "своего" читателя, владеющего тезаурусом соответствующей дискурсивной формации. Тезаурусы эти различны не только по объему, но они характеризуются и полярными коннотациями в отношении одних и тех же слов (рынок, демократия, патриотизм, свобода, духовность). В работе [Какорина 1996: 172] подобного рода явления терминируются как "двойной стилистический стандарт", что не совсем точно раскрывает суть феномена, столь интересно описанного автором.

Высказанные соображения представляются нам существенными для анализа газет, принадлежащих к разным дискурсивным формациям, с позиций функционирования в них прецедентных феноменов (ПФ). Суть в том, что ПФ интертекстуальны и предполагают сопоставление с неким внетекстовым пространством, что, в свою очередь, лишает дискурсивную формацию герметичности, расширяет ее границы, вследствие чего происходит "смещение смысла" (П.Серио) под воздействием интердискурса, произведенного в иных институциональных рамках. П.Серио замечает в связи с этим, что "семантическая единица не может образовываться как постоянная и однородная проекция "коммуникативного намерения", она образуется скорее как некий узел в конфликтом пространстве, как некоторая, всегда неокончательная стабилизация в игре разнообразных сил" [Квадратура...1999:30]. Способность ПФ хранить в свернутом виде достаточно большой объем информации, их одновременная принадлежность и внутритекстовому, и затекстовому пространству позволяют эконом-

но передавать усложненный смысл. Линейность современного текста, в том числе и газетного, требует, по словам В.Н.Топорова, особого адресата – "кодопроницательного, изощренного и /или обладающего особым знанием читателя, который был бы способен решить задачу соотнесения формы и содержания в наиболее сложных случаях" [Цит. по: Костомаров 1996: 297].

Ориентация газетного текста, с одной стороны, на стандарт, а с другой – на деавтоматизацию восприятия обуславливает пристрастие журналистов к использованию прецедентных феноменов (ПФ), хорошо известных представителям того или иного социума и входящих в коллективное когнитивное пространство коммуникантов (Гудков, Красных и др., 1997). Частные реализации ПФ представляют прецедентные тексты (ПТ), прецедентные высказывания (ПВ), прецедентные ситуации (ПС), прецедентное имя (ПИ). Одним из признаков ПФ является их многократное возобновление в процессе коммуникации. Текст по отношению к вербализованным ПФ выступает и как среда, порождающая их, и как среда, в которой они функционируют. Текст, ориентированный на когнитивную базу массового читателя, включается в весьма широкий круг как литературных, так и социальных прецедентных элементов (своеобразных стимулов), провоцирующих появление определенных аллюзий и ассоциаций. Остановимся подробнее на характере бытования ПФ в местной и центральной прессе и сначала представим некоторые возможности классификации ПФ.

1. По характеру источников ПФ:

1. Литературные произведения (ПТ), названия которых или цитаты из которых используются: "Сын полка" (ГЧ. 5.11.98.), "Бедный Марат" (Изв.22.05.03.), "Датский меловой круг" (Изв.21.05.03.), "Блеск и нищета социалки" (Р.15.04.99.), "Доцентом можешь ты не быть, но математиком – обязан" (Р.4.12.97.), "На смерть депутата" (Изв. 25.04.03.), "Дым "Кэмэла" нам сладок и приятен" (р.13.04.99), "Мороз-воевода банкротом покинет владенья свои?" (Р. 5.12.97.) и др.

2. Популярные песни: "Каким он был, таким остался" (Р.19.02.99.), "Не сыпь мне соль на сахар" (Р.30.10.97.), "Жил-был художник один" (Изв.24.05.03.), "Их адрес – Советский Союз" (19.04.03.), "Ты – землячка, я – земляк" (5.12.97.), "Смело мы в рост пойдем" (Р.2.04.99.) и др.

3. Кинофильмы: " В бой идут одни пареньки" (Р.12.03.99.), "Особенности милицейской охоты" (Р. 19.11.97.), "Кошмар на проспекте Победы" (Р. 7.04.99.), "Добро пожаловать" или "Посторонним вход воспрещен?" (Р.1.11.97.), "Поскользнулся, упал, очнулся – гипс..." (Р.14.01.99), "Наши люди на иномарках не летают!" (Изв.29.05.03.).

4. Паремиологический фонд русского языка: "Выше лужи не прыгнешь" (Р.19.03.99.), "Береженого вакцина бережет" (Р.24.03.99), "Перед смертью не напишешься " (Р.2.12.97.), "Прибавка "спит" – служба идет" (Р. 27.01.99.), "Да не оскудеет рука благодетеля" (ГЧ.25.03.99.), "Не оскудеет рука доящего" (Изв.23.05.03.), "Дружба дружбой, а интерес врозь" (Р.11.01.03.) и др. Заметим, что в местной прессе по частотности употребления лидируют паремиологические единицы (Мансурова 2000: 107).

5. Клише советского политического дискурса: "Мэру – мир" ("Р.20.02.99.), "Отец за сына ответчик" (Р.30.11.97), "Кадры не решают ничего" (Изв.24.05.03.), "Готов к труду и обороне?" (Изв.27.05.03.), "40 лет без права пересадки" (Изв.30.05.03), "Капиталистические обязательства" (Изв.30.05.03.) и др.

Приведенный далеко не полный корпус примеров свидетельствует о высокой степени востребованности ПФ в газетном дискурсе вне зависимости от места издания и его позиционирования. Более того, обратившись лишь к двум номерам газеты "Известия" за 22 и 29 мая 1903 года, мы убеждаемся, сколь активно эксплуатируются ПФ, разнообразны по типу источника: "Имидж красит человека... человек красит место", "Идентификация Буша", "Квашнину десантники в горле стоят", "Есть только МиГ...", "Что у нас, ребята, в закромах", "Война и мир" по-французски", "Бедный Марат" (Изв.22.05.03); "Мартышкин труд", "Капиталистические обязательства", "Чисто английское убийство", "Бремя собирать камни", "Наши люди на иномарках не летают!", "Генеральский план" (Изв.29.05.03.).

II. ПФ с точки зрения трансформаций. Проблема модификации прецедентных высказываний достаточно полно представлена в современной литературе, поэтому обратимся лишь к тем видам модификации, которые, как думается, рассмотрены в меньшей степени.

1. Изменение функциональной модальности ПВ: "Добро пожаловать", или "Посторонним вход воспрещен?" (Р.1.11.97.), "Готов к труду и обороне?" (Изв.27.05.03). Трансформация по цели высказывания может сопровождаться и лексическими модификациями: "Мо-

роз-воевода банкротом покинет владенья свои?" (Р.5.12.97.). Изменение целевой установки активизирует внимание читателя, побуждает его к чтению.

2. Усечение ПВ, сопровождающееся многоточием: "Пока гром не грянет..." (Р.12.05.2000.), "Где собака зарыта..." (Р.24.03.99.), "От перемены мест..." (Р.12.03.99.), "Есть только МиГ..." (Изв.22.05.03.). По мнению Н.Л.Шубиной, одной из функций многоточия является формирование имплицитного смысла, этот знак "маркирует переход от вербализованного уровня общения к невербализованному, от невербализованного сегмента мысли к невербализованному" (Шубина 199:163).

3. Использование приемов экспрессивного синтаксиса, в частности парцелляции и сегментации: "Рукописи не горят. Но пахнут скверно" (Р.19.11.97.), "Закон суров. Но справедлив ли?" (Р.31.03.99.), "Против лома нет приемов. Даже законных" (ГЧ.22.03.2000.), "Верили. Не боялись. Не просили" (Изв.27.05.03.), "Сирано и Ангел... Слияние двух Лун" (ГЧ. 19.11.98.). Во всех случаях контаминируются разные приемы трансформации ПФ.

Анализ публикаций в двух городских газетах Череповца "Речь" ("Р") и "Голос Череповца" ("ГЧ") и газете "Известия" ("Изв.") дает основание говорить о том, что самой частотной позицией для ПФ является позиция заголовка, чему способствуют их кумулятивные свойства. По мнению авторов "Общей риторики", "в заголовке объединяются две противоположные тенденции: тенденция к сжатости выражения и тенденция к нагромождению информации" (Дюбуа 1996:165). Заметим, что речь идет не только о структурной (синтаксической) реализации этого свойства, но и о смысловой стороне заглавия. Действительно, ПФ ориентированы на структурную сжатость выражения, но в то же время с позиции смысловой насыщенности они аккумулируют очень большой объем информации, который отнюдь не в полной мере востребован текстом. Более того, случается, что автор и адресат ориентированы на разные фрагменты знания, связанные с конкретным ПФ. Обратимся к примеру. В заглавии "Эдисон был бы им доволен" (Р.2.12.97.) использовано прецедентное имя (ПИ), которое может рассматриваться как имя фрейма, содержащего разного характера знания о данном лице. Объем знаний может не совпадать у адресанта и адресата, но есть в когнитивном пространстве носителей языка общее знание, сформированное в школь-

ные годы и задающее направление ассоциаций: *Эдисон – изобретатель – лампа накаливания*. Естественно предположить, что герой газетного очерка – местный изобретатель, добившийся успеха, на самом же деле он лишь большой любитель добывания сведений из энциклопедий, справочников и т.д., что, впрочем, позволяет ему побеждать во всевозможных конкурсах и викторинах. Использование ПИ связано с известной автору публикации легендой об Эдисоне, которая рассказывает о критериях отбора учеников: он выбирал не тех, кто помнил наизусть сложнейшие формулы, а тех, кто знал, где найти ответ на поставленный вопрос. Возникает "эффект обманутого ожидания", спровоцированный актуализацией разных фрагментов фрейма у адресанта и адресата. Важно подчеркнуть, что связь между ПИ в заглавии и содержанием текста не только формальна (повтор ПФ в тексте) – ПИ активно работает, актуализируя модель взаимодействия между автором, текстом и массовым читателем, включая проспективно-ретроспективное движение между заглавием и текстом.

В "Известиях" в рубрике "Колонка обозревателя" был опубликован материал Ю.Богомолова "Их адрес – Советский Союз" (19.04.03). Минимальная по структуре модификация ПВ обусловила смысловую глубину ЯИ. Замещение местоимения 1-го лица единственного числа на местоимение 3-го лица множественного числа, во-первых, противопоставило персонажам заметки не только автора, но и читателей, во-вторых, анафорическое местоимение вынесено в инициальную позицию, нарушая правила первичной номинации и одновременно включая механизм деавтоматизации восприятия. Из текста ясно, что "они" – это американофобы и американоманы как две стороны одной медали в своем отношении к войне в Ираке и как порождение Советского Союза, которого уже нет на географических картах, но "где прописаны (по крайней мере, психологически) как американофобы, так и американоманы". Весь романтический ореол известной песни погашен и заменен явно отрицательными коннотациями, поскольку нет такого адреса, но остались "мании" и "фобии", которые "в равной мере подпитываются из одного источника – из мутных советских комплексов". Позиция автора выражена парадоксально, но абсолютно определено, и заглавие, восходящее к известному ПТ, предсказывает ее. Хотя это как раз тот случай, когда ПВ в его канонической форме в тезаурусах идеологически противопостав-

ленных дискурсных формаций обладает контрастными коннотациями (то, что Какорина Е.В. определила как "двойной стилистический стандарт"). Использование высказывания с высокой степенью прецедентности рождает интенциональное многоголосье (Й.Залецки), в основе которого лежит несоответствие между первичной интенциональностью текста-донора и намеренно привнесенной интенциональностью текста-реципиента. Автор как бы провоцирует появление парадоксального смысла, рассчитывая на определенного читателя – "своего", кодопроницательного, способного не только узнать трансформированное "чужое слово", но и декодировать его.

Особенно интересны те случаи, когда компоненты ПТ оказываются "узлами сцепления семантико- композиционной структуры нового текста" [Фатеева, 2000:129]. В заметке обозревателя "Известий" Ю.Богомолова "Лицензия на убийство и квоты на смерть" (5.04.03) стихотворение М.Светлова "Гренада" является тем прототекстом, для которого новый текст становится не просто средой обитания – оно организует эту среду. Элементы ПТ, использованные без кавычек, отчужденные от автора стихотворения, начинают вести автономную жизнь, сохраняя при этом "память слова" и "память ритма": "Тут показали в одном из выпусков парня, который рассказал, откуда у него, хлопча из техасщины иракская грусть. Он ферму покинул, пошел воевать, чтоб землю в Ираке (с нефтью) бедуинам отдать. Еще командир объяснил, что это для него единственный шанс попасть на живую войну. Что это - как оказаться участником "Шоу выживания" (по-нашему "Последний герой"). И что вот теперь он, воин-интернационалист, чувствует себя прикоснувшимся непосредственно к матери-истории. Сейчас он мчится на танке, мечтая постичь поскорей грамматику боя, язык батарей. Тем временем восход поднимался и падал опять...Я видел над трупом клонила луна. И мертвые губы шепнули: "Теха...". Ну и т.д." Высокая степень воздействия этого приема связана с тем, что новая реальная ситуация естественно укладывается в созданную воображением поэта ситуацию начала прошлого века. ПФ нового времени и недавнего прошлого в пределах небольшого текстового пространства порождают и горькую иронию, и сарказм, и неожиданные ассоциации. Абсурдность происходящего на наших глазах (телевизионные репортажи в режиме реального времени позволяют так говорить) усугубляется ссылкой на известную сентенцию капитана Лебядкина, чье имя само по себе прецедентно и

актуализирует совершенно определенные аллюзии, даже если оно в когнитивной базе читателя не соотнесено с романом Ф.М.Достоевского "Бесы". Вот как этот афоризм используется автором публикации: "Капитан Лебядкин у Достоевского, злой шарлатан, но не без романтики и проницательности, тонко подметил разницу между нашим отечеством и остальным миром: "Россия есть игра природы, но не ума". Продолжая его мысль, можно сказать, что Америка есть игра ума, но не природы". Прагматический, целенаправленный характер игры с прецедентными феноменами существенно углубляет и усложняет интерпретацию текста.

Тем не менее наши наблюдения позволяют говорить и о разрушении связей между ПФ и текстами-реципиентами как о тенденции, также характерной для современного газетного дискурса. Обратимся к некоторым примерам из газеты "Известия". В течение недели в газете появились заглавия, отсылающие к одному и тому же ПТ – пьесе Б.Брехта "Кавказский меловой круг": 1) "Датский меловой круг" (21.05.03.) и 2) "Казачий меловой круг" (27.05.03.). Заметим, что сама пьеса-притча Б.Брехта, интертекстуальная в своей основе, восходящая к древнекитайской драме, весьма сложна для интерпретации, да и не относится к широко известным произведениям, что может привести к "внешнему непониманию" текста – "непониманию смысловой ориентированности текста в целом на другие тексты или внетекстовый мир" [Левин 1998: 584]. Впрочем, содержание этих публикаций на уровне смысла никак не соотнесены с прототекстом, особенно это относится ко второй из них. Первая заметка посвящена фильму датского режиссера Ларса фон Триера "Догвилль" с Николь Кидман в главной роли. Отсюда понятна модификация ПФ, появление определения "датский". Есть и еще один аспект: Ларс фон Триер причисляется к режиссерам для избранных, т.е. культовым, более того автор публикации (Ю.Гладильщикова) подчеркивает притчевый многослойный характер самого фильма, что позволяет имплицитно соотнести его с пьесой Б.Брехта, которая в рецензии не упоминается. ПФ, вынесенный в заглавие, таким образом, не является ни "схемой интерпретации" принимающего текста, ни "схемой восстановления культурного фонда" [Сорокин, Михалева 1997: 14]. Правда, формальная связь между заглавием и текстом реализуется через повтор прилагательного "меловой" в его прямом значении: "Городок Догвилль замкнут в павильоне-ангаре и почти полностью нарисован ме-

лом <...> Вместо домов – их меловые очертания на земле <...> Вместо собачьей будки – ее контур с меловым рисунком лежащей собаки..." Очевидно, что культурная игра ПФ рассчитана на определенного читателя – киномана, которому, впрочем, необязательно знать содержание пьесы Брехта для того, чтобы понять общий смысл рецензии. И уже совсем не просматривается ни смысловая, ни стилистическая ориентация на прецедентный текст в заметке "Казачий меловой круг", где речь идет о том, как генерал Трошев стал вводить в казачьих войсках армейские порядки. В этом случае и ЯИ может быть не воспринята, поскольку степень прецедентности пьесы Б.Брехта "Кавказский меловой круг" (следовательно, и названия) для массового в меру образованного современного читателя (в отличие от читателя начала 60-х годов XX века) достаточно низка в силу объективных обстоятельств. По-видимому, можно говорить, что ПФ в позиции заглавия выполняют лишь функцию привлечения внимания, т.е. являются своеобразными фатическими операторами и не участвуют активно в смыслообразовании текста, поскольку не способствуют установлению диалогических отношений между текстом-донором и текстом-реципиентом. Эта тенденция особенно характерна для местной прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
2. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.Б., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1997. №4. С. 106-117.
3. Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986.
4. Какорина Е.В. Новизна и стандарт в языке современной газеты. (Особенности использования стереотипов) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.
5. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
6. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. Сб. статей к 70-летию В.П.Григорьева. М., 1996.
7. Левин Ю.И. О типологии непонимания текста // Поэтика. Семиотика. Избр. труды. М., 1998.
8. Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Цитаты как знаки прецедент-

ных текстов // Язык, сознание, коммуникация. Вып.2. М.,1997.

9. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М., 2000.

СОРОКИНА М. В. МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВОЙНА В ИРАКЕ – ЭТО АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ

В последние десятилетия изучение метафоры все чаще объединяет различные области знания – философию, психологию, логику, лингвистику. Интерес к метафоре повлиял не только на установление междисциплинарных связей и консолидацию усилий различных наук, но и способствовал развитию когнитивистики, основу которой составляет «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [Петров В.В. 1988: 41]. Когнитивный подход к метафоре связан с поиском заключенных в ней глубинных значений, в данном случае метафора понимается как способ мышления, осознания мира и создания некоторой картины мира, основанной на уже имеющемся и у говорящего и у адресата знания [В. Н. Телия 1988].

Рассматривая метафору как вербальную оболочку интерпретации картины мира, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов полагают, что «с когнитивной точки зрения процессы метафоризации – это операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания...» [Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. 1991: 185].

Таким образом, концептуальная метафора моделирует окружающий мир человека, оказывая влияние на мотивацию и направленность человеческой деятельности. Это качество метафоры, позволяющее ей имплицитно формировать ценностные установки и, как следствие, менять характер социальной активности делает ее чрезвычайно мощным орудием манипулятивного воздействия на личность. Под манипуляцией понимается «вид психологического воздействия, направленного на неявное побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий» или «внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в дан-

ный момент» [Доценко Е.Л. 1996: 58].

Именно благодаря манипулятивному потенциалу метафоры в американском политическом дискурсе, посвященном войне в Ираке 2003 года, функционирует большое количество метафорических моделей, причем одной из наиболее активных является метафорическая модель ВОЙНА – ЭТО СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ. Эта модель обладает значительным манипулятивным ресурсом, способным создать у американского общества позитивное отношение к иракской войне.

Метафора ВОЙНА – ЭТО СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ создает иллюзию социальной легитимности войны, оперируя понятиями спортивной сферы, имеющей высокий социокультурный статус. Н. Lenk, известный немецкий философ, писал, что «идея спорта имеет ярко выраженный культурный и социальный характер: спорт представляет собой культурный феномен на естественной биологической основе» [Цит. по Gruppe 1987: 9]. В американском обществе спорт наделен особо высоким статусом, поскольку, по мнению Яна Робертсона «...(sport) embodies some highly regarded American values: perseverance, discipline, hard work, competition, success» [...(спорт) воплощает наиболее значимые для американского общества ценности: настойчивость, дисциплину, трудолюбие, конкуренцию, успех] [I. Robertson 1983: 87], т.е. базовые ценности, сложившиеся в результате влияния целого ряда культурно-исторических условий формирования американской нации.

Данная метафора формирует у реципиентов иллюзию развертывания войны по правилам спортивного состязания, отвечающим требованиям безопасности и этическим нормам, приводя в действие когнитивный механизм восприятия войны в социально привычных спортивных клише.

Метафора ВОЙНА – ЭТО СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ перемещает понятие войны в игровую плоскость, активизируя «игровой» набор эмоций: азарт, стремление к победе, симпатию или антипатию к участникам состязания. Ортега-и-Гассет оценивал спорт как деятельность большого культурного потенциала, поскольку он как одна из форм игровой деятельности – наряду с искусством – спасает современного человека «от серьезности жизни...» [J. Ortega Y. Gasset 1950: 411].

И, наконец, отождествляя войну со спортивным состязанием,

метафора дает социально приемлемый выход общенациональной агрессии, уровень которой прямо пропорционален интенсивности каждодневного социального стресса, которому подвергается каждый конкретный индивид в определенном обществе. Американское общество относится к высокострессовым из-за специфики ценностей, которые являются функционально значимыми для любого социализирующегося в этом обществе субъекта: высокий уровень достижений, успех, материальный комфорт, индивидуализм [I. Robertson 1983: 62 – 63]. Эта система ценностей является мощным «стрессором», рождающими агрессию [Г. Селье 1977]. Следствием данного факта является необходимость создания социально одобряемых способов реализации агрессии, к которым можно отнести спорт или войну, в случае представления ее через активизацию спортивно-игровых моделей восприятия и поведения.

Одной из наиболее активных метафорических моделей, производных от метафоры ВОЙНА – ЭТО СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ, является метафорическая модель ВОЙНА – ЭТО ИГРА В АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ. Частотность употребления и манипулятивная эффективность этой метафоры объясняется огромной популярностью американского футбола в США, причины которой, связанные с историческими условиями формирования американской нации и спецификой американской системы ценностей, были подробно рассмотрены в работах американских и британских социологов Д. Риесмана, Р. Денни, Дж. Сейджа, И. Ваддингтона, М. Родерика [D. Riesman, R. Denney 1951, Дж. Сейдж 1980, I. Waddington, M. Roderick 1995].

Таким образом, в дискурсе американских СМИ, посвященном войне в Ираке 2003 года, происходит активное развертывание метафоры ВОЙНА – ЭТО ИГРА В АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ. Метафорическое представление войны как игры в американский футбол реализуется прежде всего через отождествление участников конфликта с игроками команды нападения и защиты (*offense/defense* – нападение/ защита, *offense/defense team* – команда нападения/защиты, *offense/defense linemen/players* – игроки нападения/защиты) или путем указания на позицию игрока, отражающую его местоположение на поле и функциональную роль (*quarterback, tackle, half back, receiver, safety, left/right guard, line backer, corner back*). Ср.:

If Hussein deserves a spanking and our offense players have both the will and the means to deliver it, why not do it and deal with the consequences when they come? [Если Хуссейн заслуживает трепки, и у наших нападающих есть желание и возможности организовать ее, почему бы ни сделать это и не иметь дело с последствиями, когда они наступят?] (Фрейм «Участники игры», слот «Участники игры со стороны нападения») (Dave Lorry, "Baghdad Chronicles"// "Los Angeles Times", NewsHour Agency, May 5, 2003).

Policing the city is a tough call for U.S. soldiers since Iraqi defense linemen are now sheltering among the civilian population. [Патрулирование города является сложной задачей для американских солдат, поскольку линейные игроки иракской защиты сейчас скрываются среди гражданского населения.] (Фрейм «Участники игры», слот «Участники игры со стороны защиты») (Jim Moore, "Born American"// "San Francisco Chronicle", May 21, 2003).

Our great fear is that war will revive the "ugly American" syndrome in the region -- of a tough, self-righteous half back who throws his weight around because there's no one big enough to stop him. [Мы чрезвычайно опасаемся, что война возродит в регионе синдром «безобразного американца» - грубого, самодовольного халфбека, который подавляет всех окружающих, потому, что нет никого, кто мог бы его остановить] (Фрейм «Участники игры», слот «Участники игры со стороны нападения») (Ray Lobe, "Restoring Trust"// "The Washington Times", September 3, 2003).

The coalition's technological advantage is less important when the combat is face to face and takes place in neighborhoods the Iraqi line backers know and control. [Техническое преимущество коалиции имеет меньшее значение, когда бой идет лицом к лицу в районах, которые иракские лайнбекеры знают и контролируют.] (Фрейм «Участники игры», слот «Участники игры со стороны защиты») [Jim Moore, "Born American"// "San Francisco Chronicle", May 21, 2003].

Нужно заметить, что и США, и Ирак могут отождествляться как со стороной нападения, так и со стороной защиты. Если речь в статье идет о военных действиях, то американская армия занимает позицию нападения, а в случае рассмотрения геополитической ситуации Соединенные Штаты метафорически представляются как команда защиты, играющая против мирового терроризма. Ср.: *Although*

the Bush administration drew SCIRI (Supreme Council for the Islamic Revolution in Iraq) representatives into prewar discussions among Iraqi opposition forces, our defense team is reluctant to see the Iran-backed group playing a major role. [Несмотря на то, что администрация Буша привлекла представителей Верховного Совета Исламской Революции в Ираке (ВСИРИ) к довоенным переговорам с иракскими оппозиционными силами, наша команда защиты не хочет, чтобы политическая группа, имеющая поддержку в Иране, играла главную роль.] (Фрейм «Участники игры», слот «Участники игры со стороны защиты») [Robert Martinez, "Iraq Puzzle"// Top Stories Reuters, September 21, 2003].

Saddam loyalists are also fighting on in the key northern cities, and Tikrit has long been seen as a potential center of die-hard resistance of Iraqi defensive line backers. [Сторонники Саддама ведут бои в главных городах на севере, а Тикрит уже давно рассматривается как центр упорного сопротивления лайнбекеров защиты] (Фрейм «Участники игры», слот «Участники игры со стороны защиты»)[Peter Cohen "Answers on Iraq"// Top Stories Reuters, September 8, 2003]

Тот факт, что стороны конфликта могут метафорически представлять как команду нападения, так и команду защиты, полностью соответствует правилам американского футбола, в котором нападающая или оборонительная позиция команды первоначально определяется жребием, затем команде нападения дается четыре попытки (так называемых «дауна») для того, чтобы «продвинуть» мяч на 10 ярдов (в случае неудачи мяч отдается сопернику), и, наконец, команды меняются ролями в перерыве между таймами.

Метафорические игроки совершают различные действия, диктуемые ходом игры и представляемые терминами американского футбола: вводят мяч в игру (*kickoff*), выбрасывают мяч (*snap*), делают захваты и подсечки (*tackle, blocking*), теряют мяч (*fumble*), ловят его (*pick off*) или отдают другой команде (*punt*). Ср.: *U.S. plan to rely extensively on existing police forces and bureaucracy to maintain order and basic services fumbled due to the precipitous collapse of Saddam's regime.* [План американской стороны полагаться в основном на силы существующей полиции и аппарата чиновников для поддержания порядка и оказания населению основных услуг был урунен из-за стремительного падения режима Саддама.] (Фрейм «Правила игры», слот «Действия участников состязания») [Ray Lobe, "Restoring

Trust”// “The Washington Times”, September 3, 2003].

Ashmore, a Washington lobbyist who learned a thing or two about negotiation and political compromise when he was an aide to former House speaker Tom Foley, thinks it's time we considered a different audience: those who, like him, endorse the administration's view that Hussein deserves a tackle but who still think the consequences of our delivering it may be against our own long-term interests. [Эшмор, вашингтонский лоббист, который научился кое-чему в сфере ведения переговоров и достижения политического компромисса, когда занимал пост помощника спикера палаты представителей Тома Фоли, полагает, что пришло время учесть мнение другой аудитории: тех, кто, как и он сам, разделяет мнение власти, что Хуссейн заслуживает, чтобы к нему применили «захват», но все же считает, что последствия подобной политики противоречат нашим долгосрочным интересам.] (Фрейм «Правила игры», слот «Действия участников состязания») [Alan Ashworth, “bringing democracy to a New Iraq”//”San Francisco Chronicle”, May 15, 2003].

There's the prospect that some people, who want desperately to foment a war of civilizations-- Islam against the infidels -- would be able to paint an attack on Baghdad as the snap of the ball. [Существует перспектива, что некоторые люди, желающие спровоцировать войну цивилизаций (Ислам против неверных), смогут изобразить наступление на Багдад как «выбрасывание мяча»] (Фрейм «Правила игры», слот «Действия участников состязания»). [Peter Cohen, ”Answers on Iraq”//Top Stories Reuters, April 28, 2003].

For America, the imperative of disarming Iraq will soon be supplanted by the imperative of insulating U.S. sovereignty from U.N. blocking. [Для Америки необходимость разоружения Ирака скоро будет вытеснена необходимостью охраны суверенитета США от «подсечек» со стороны ООН.] (Фрейм «Правила игры», слот «Действия участников состязания») [Dave Lorry, “Baghdad Chronicles”// “Los Angeles Times”, NewsHour Agency, May 5, 2003].

Война имеет ту же метафорическую пространственную организацию, что и футбольный матч: враждующие стороны ведут бой на территории, разделенной, как футбольное поле, на 10-ярдовые участки, встречаются на линии нападения (*scrimmage line*), пересекают линию цели (*goal line, zero line*), и пытаются пронести мяч в конечную зону противника (*end zone*). Ср.:

Actually, there's a great deal more than that to worry about: there's the prospect that our coming up to the line of scrimmage would spark terrorist attacks against Americans and American interests all over the world. [На самом деле, есть еще много оснований для беспокойства: существует перспектива, что наш выход на «линию нападения» вызовет террористические акты, направленные против американцев и американских интересов во всем мире.] (Фрейм «Правила игры», слот «Пространственная организация игры») [Peter Cohen, "Answers on Iraq"//Top Stories Reuters, April 28, 2003].

But there are not that many soldiers there, and they still have a war to fight against the remnants of Saddam's regime. From a military point of view, Baghdad is the end zone as well as the trap. [Там не так много солдат, и они все еще должны воевать с оставшимися сторонниками режима Саддама. С военной точки зрения Багдад представляет собой как «конечную зону», так и ловушку] (Фрейм «Правила игры», слот «Пространственная организация игры») [Dominique Shriner, "Suicide Attacks Spark Questions in Iraq"// Top Stories Reuters, September 30, 2003].

Время в период войны тоже течет по метафорическим законам футбольной игры, разделяясь на так называемые «дауны» (*downs*), т.е. отрезки игрового времени, даваемые для продвижения мяча и начинаемые выбросом мяча (снепом) и кончающиеся остановкой игрока с мячом или неточным пасом вперед, четверти (*quarters*) и таймы (*half-time*). Метафорическое время войны, так же, как и время футбольного матча, может останавливаться после незавершенного паса или выхода игрока с мячом за пределы поля. Ср.: *Firefights continue in different parts of the city, and on Thursday a suicide bomber wounded four Marines at a checkpoint, which makes it clear that entering Baghdad is the end of the down rather than end of the game.* [Тушение пожаров продолжается в различных частях города, а в четверг самоубийца-подорывник ранил на КПП четырех морских пехотинцев, что делает очевидным, что взятие Багдада является скорее концом «дауна», а не концом игры.] (Фрейм «Правила игры», слот «Временная организация игры»)[Dominique Shriner, "Suicide Attacks Spark Questions in Iraq"// Top Stories Reuters, September 30, 2003].

In the half time break the U.S. has to call for the Iraqi bureaucrats who previously policed the city and ran its basic services to come forward and help restore order. [В перерыве между таймами Соединенные

Штаты вынуждены обратиться к иракским чиновникам, которые ранее обеспечивали порядок в городе и управляли его основными службами, чтобы они откликнулись и помогли навести порядок.] (Фрейм «Правила игры», слот «Временная организация игры») [Chris Robinson “Chaos and Hope in Postwar Iraq”// Los Angeles Times, NewsHour Agency, October 2, 2003].

When challenged a panicky began questioning the prudence of the war plan after a week of fighting, the generals gently reminded us that no war plan ever survives contact with the enemy and that the Iraqi are trying to «stop the clock» by directing the war «out-of-bounds». [Когда, столкнувшись с трудностями, паникеры после недели боевых действий начали подвергать сомнению разумность военного плана, генералы спокойно напомнили нам, что ни один план ведения боевых действий не выдерживает столкновения с врагом, и что Ирак пытается «остановить часы», направив ход войны «за пределы поля».] (Фрейм «Правила игры», слот «Временная организация игры») [Robert Martinez “Iraq Puzzle”// Top Stories Reuters, July 21, 2003].

Стороны конфликта нарушают правила игры, причем самыми распространенными нарушениями в метафорической игре, так же, как и в реальной, являются фальстарт (*illegal procedure*), офсайд (*off-side*, нарушение, заключающееся в том, что во время выброса мяча (снэпа) игрок защиты находился за линией атаки), удерживание (*holding*, нарушение, состоящее в том, что игрок нападения использовал руки для захвата), помеха пасу (*pass interference*, преднамеренный контакт с нападающим, владеющим мячом, с целью помешать ему поймать пас), хватание за маску (*mask grabbing*) и неоправданная жесткость (*unnecessary roughness*). Ср.: *For France, and for the United Nations through which France magnifies its own significance, the objective of disarming Iraq, if ever seriously held, has been superseded by the objective of pass interference and face mask grabbing.* [Для Франции и для ООН, с помощью которой Франция преувеличивает собственную значимость, цель разоружения Ирака, если эта цель вообще когда-либо серьезно ими рассматривалась, была вытеснена такими целями как «помеха пасу» и «хватание за маску».] (Фрейм «Правила игры», слот «Нарушение правил») [Jim Moore, “Born American”// “San Francisco Chronicle”, May 21, 2003].

Как и в реальной игре, все нарушения караются потерей ярдов. Ср.: *Regime-change involves an interlude of morbid anarchy — the old*

regime has been smashed; no new authority has emerged due to «holding» from the Iraqi side, which means Iraq is going «to lose yards» on the way towards order enforcement. [Замена режима сопровождается патологической анархией – старый режим раздавлен, а новый еще не появился из-за «удерживания» иракской стороны, означающего, что Ирак «потеряет» ярды на пути к установлению порядка.] (Фрейм «Правила игры», слот «Нарушение правил»)[Glynn Rouse, “US Outlines Plans to Aid Iraq reconstruction”// “LosAngeles Times”, NewsHour Agency, November 5, 2003]

Воюющие стороны стараются набрать очки, внося мяч в конечную зону соперника (*touchdown*), нанося удар по воротам противника (*field goal*, так называемый «игровой гол»)) или остановив игрока с мячом в собственной конечной зоне (*safety*). Ср.: *But here, where the Army's 3rd Infantry Division and the 1st Marine Division wait for the word to go for a touchdown, the conversation has moved entirely beyond these fictions, except as they concern issues of timing and tactics.* [Но здесь, где Третья пехотная дивизия и Первая морская пехотная дивизия ожидают приказа, чтобы победить, «внести мяч в конечную зону врага», в разговорах нет домыслов и речь идет лишь о таких приоритетных вопросах как выбор времени и тактики.] (Фрейм «Правила игры», слот «Ведение счета») [Jim Moore, “Born American”// “San Francisco Chronicle”, May 21, 2003].

Intelligence will be crucial: blueprints of the city's infrastructure and satellite photos will help a lot to identify Iraqi movement and score a field-goal. [Разведка будет играть огромную роль: копии чертежей инфраструктуры города и снимки, выполненные со спутников, помогут проследить за перемещениями иракских войск и «забить гол в ворота противника».] (Фрейм «Правила игры», слот «Ведение счета») [Dave Lorry, “Baghdad Chronicles”// “Los Angeles Times”, NewsHour Agency, May 5, 2003].

Из приведенных примеров видно, что метафорическая модель ВОЙНА – ЭТО ИГРА В АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ весьма эффективна для метафорического моделирования войны в американском политическом дискурсе периода войны в Ираке 2003 года, поскольку данная метафора большим манипулятивным ресурсом для формирования в обществе взгляда на войну как социально приемлемую игровую активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (Материалы к словарю)/АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: ИРЯ, 1991.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. М., 1996.
3. Метафора в языке и тексте. М., 1988.
4. Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2. с. 41.
5. Сейдж Дж. Американские ценности и спорт: формирование бюрократической личности// Инф. выпуск ВНИИФК, 1980, № 6-7.
6. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Знание, 1977
7. Телия В. Н. Метафора и ее роль в создании мира// Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
8. Gruppe O. Sport als Kultur. 1987. – Zurich: Edition Interfrom
9. Ortega Y. Gasset J. Le deshumanization del arte// Ortega Y. Gasset J. Obras Complementas, b. 3. – Madrid, 1950.
10. Riesman D., Denney. Football in America: A Study of Culture Diffusion // American Quartely, Vol. 3, No. 4 (Winter, 1951)// http://courses.umass.edu/lombardi/his03/reader_2003.html
11. Robertson I. Sociology. 1983. – Worth Publishers, Inc.
12. Waddington I., Rodderick M. American Exceptionalism: Soccer and American Football// The Sport Historian. 1996. № 16// http://www2.umist.ac.uk/sport/wad_rod.html

СУЛИМОВ В.А., ФАДЕЕВА И.Е.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ И ЗНАКОВОЕ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование социально-культурной феноменологии приобретает все большее значение. Основное внимание исследователей все чаще привлекает не собственно культурно-исторические реалии, но принципы построения и механизмы функционирования символических и знаковых систем, их наиболее актуальные смысловые и формальные признаки.

В рамках современной парадигмы социально-культурной феноменологии одно из ведущих мест занимает **феномен политического дискурса**. Для русского языкового сознания этот феномен является абсолютно новым, так как насчитывается всего два небольших исторических этапа его свободного существования: этап первой русской демократии (1905-1918 гг.) и этап второй русской демократии (1990-

2003 гг.). Эти этапы имеют ряд сходных черт и существенные отличия. Общими чертами для них являются:

- наличие существенных политических ограничений (самодержавие в 1905-1917 годах, начало большевистского террора в 1917 – 1918 годах, президентское правление в 1991-2003 годах);
- определение дискурсивного поля («функциональные пределы» обсуждаемых проблем);
- осуществление иных целей, нежели заявленные в качестве тем обсуждения (различные политические и/или лоббистские конфигурации).

Вместе с тем, современный политический дискурс, независимо от письменной или устной разновидности, обладает рядом существенных отличительных признаков: смысловой и целевой пустотой, семантической деверсификацией (возможность параллельных, часто – противоречивых, трактовок), суггестивностью (способностью влиять на адресата), символической и знаковой проективностью (наличие в структуре текста специально организованных символических и знаковых средств). Все эти свойства современного политического дискурса резко дистанцируют его от политического дискурса прошлых эпох существования российского общества, когда основной задачей политического дискурса было выявление и сопоставление мнений. Соответственно и основной формой политического дискурса был логико-риторический текст, строящийся на основе риторических фигур, главная из которых – диспут (тезис – аргумент – вывод / антитезис – аргумент – вывод). При этом адресант и адресат как бы постоянно менялись ролями: адресат становился адресантом и наоборот. Существенные отличия современного политического дискурса объясняются не исключительно социально - психологически, исторически или ситуативно. Они главным образом объясняются собственно лингвистически – специально позиционируемой адресантом дополнительной позицией – позицией наблюдателя. Наблюдатель как третий интерпретатор текста (в отличие от классических адресанта и адресата) имеет ряд отличительных признаков:

- наблюдатель не порождает тексты а лишь трансформирует их;
- наблюдатель не порождает новой информации, а лишь регистрирует ее;
- наблюдатель не формирует систему пресуппозиций (т.к. кро-

ме знаний в эту систему входят отношения и мнения) а только накапливает информацию;

- наблюдатель создает модели на основе списка событий и фактов, а не представлений о них;

- наблюдатель не использует ассоциативно-образные (виртуальные) системы оценки событий и фактов.

Принципиально важно, что позиция наблюдателя в определенных условиях **может сближаться с позицией адресанта**, тогда адресант создает **дискурс с заранее заданными свойствами**. Современный политический дискурс обладает всеми признаками именно такого дискурса. Другими словами, не только его структура, но семантическая вариативность, суггестивность и символически-знаковая проективность всегда задаются. Это резко отличает современный политический дискурс от, например, публицистических текстов недавнего прошлого (конца 80-х - начала 90-х годов), предназначенных для концентрированного выражения мнения, точки зрения или (лингвистически) **позиции адресанта**.

Указанные характеристики современного политического дискурса становятся возможными в силу нескольких обстоятельств. Главным из них является его направленность на до-интеллектуальные, бессознательные структуры сознания реципиента – адресата: основная функция современного политического дискурса – суггестия, программирование тех или иных массовых социальных действий, особенно значимое в периоды выборных кампаний. Это приводит к очевидному «растворению» коммуникативной функции – в докоммуникативных системах зрелищности, миметичности (в смысле описанного Ж. Пиаже процесса мимесиса в до-речевом поведении детей), то есть – в конечном счете – к деструкции и энтропии социального. Иными словами, политический дискурс начинает выстраиваться как символический, утрачивая свой знаковый характер.

Для того, чтобы точнее очертить проблему, назовем основные характеристики символа в отличие его от знака. Помимо указанной суггестивности символа – и информативности знака, символический смысл характеризуется отсутствием дискретности, континуальностью, что связано с принадлежностью символа к до-вербальным системам человеческой психики и сознания. Можно сказать, что восприятие символа эмоционально и даже «физиологично», в противоположность знаку, всегда ориентированному на структурирование

реальности и ее рациональное познание. В то же время, являясь непосредственной репрезентацией смыслов и ценностей (как индивидуальных, так и социокультурных), символ способен столь же непосредственно влиять на поведение человека: не обладая «семантикой», символ определен прагматикой. Кроме того, в силу своей континуальности, суггестивности, «физиологичности» символ становится формой экзистенциального переживания – в отличие от знака, семантика которого рациональна и определена контекстом. В связи с этим есть основания говорить, на наш взгляд, о взаимодополнительности символического и знакового в коммуникативном пространстве культуры.

В то же время следует оговориться: социокультурная феноменология символа обусловлена традицией, ее истоки теряются в недрах доисторического и исторического прошлого. Определяя национальную и культурную самоидентификацию и опираясь на смысловые модели и поведенческие архетипы, символ становится одним из сильнейших средств социального структурирования и организации общества: это особенно очевидно сейчас, в период обострения межэтнических и межрелигиозных конфликтов. Между тем, современный политический дискурс, используя характеристики символа, создает псевдо-символику, конструируемую с той или иной политической целью. Существенно изменяется при этом сама процедура символизации: символ начинает выполнять только одну функцию – функцию репрезентации, например, политической ценности – партийной или государственной принадлежности субъекта, однако, не являясь экзистенциально переживаемым, он перестает быть символом. Кроме того, будучи формой репрезентации не социокультурной аксиологии, но представляя («означивая») корпоративные и групповые интересы, он становится символом только по своей форме. Суггестия достигается не за счет выражения «симметричных» сознанию адресата смыслов – а посредством их подмены «физиологическим» воздействием контекстов и коннотаций. Это особенно очевидно в случае использования стилистически маркированной лексики («мочить в сортире») или деталей одежды и внешности, атрибутов поведения, апеллирующих к значимым для воспринимающего сознания смыслам и моделям социального поведения (кепка Ю. Лужкова, выбор вида спорта – теннис, футбол, дзю-до или др.).

Иными словами, современный политический дискурс делает оче-

видной важную особенность современного социокультурного процесса: вторичную символизацию знакового. Подчеркнем – речь идет не о вторичной символике искусства, представляющей собой индивидуально-креативное начало в культуре. Речь идет о процессе, противоположном тому, который М. Мамардашвили и А. Пятигорский определили как процесс десимволизации и «означивания» символа [Мамардашвили, Пятигорский 1992]. Современная культура, в отличие от времени написания известного исследования, не означает символы, но активно их порождает – и при этом порождает, символизируя знаки. Знак приобретает свойства символа, теряя в результате свою информативную, а также референтивную и когнитивную функции.

Изучая характер семиозиса знака в современном политическом дискурсе, следует, на наш взгляд, обратить внимание на изменение в соотношениях функций языка по Р. Якобсону. В первой половине XX века коммуникативная, когнитивная и референтивная функции языка либо совпадали, либо проявляли себя симметрично (если есть информация, есть и мысль, и знание, и смысл, и акт коммуникации). В современном политическом дискурсе господствует разделение когнитивной, информативной (с одной стороны) и коммуникативной (с другой стороны) функций. Очень точно эту мысль выразил ведущий одной из телепрограмм («Личное мнение», НТВ, 8.11.2003г.): «Если вы все понимаете, значит вам не обо всем говорят». Разделение (и даже, иногда, противопоставление) информативной и коммуникативной функций объясняется существенным увеличением роли суггестии в современном политическом дискурсе. Основной задачей этого дискурса является задача создания у адресата определенных необходимых настроений, модифицируемых в виде представлений и мнений, а не собственно представлений и мнений. Такая подмена имеет глубокие семиотические корни.

В общем виде, в основе конструирования и функционирования современного политического дискурса лежат механизмы текстовой деятельности, в значительной степени вскрытые еще классиками семиотики: подвижность свойств знака и рефлексивность восприятия признаков знака. Ч.У. Моррис указывал на дейктический (указательный) характер взаимодействия сторон знака: «термины «знак», «десигнат», «интерпретанта» и «интерпретатор» подразумевают друг друга, поскольку это просто способы указания на аспекты процесса

семиозиса» [Моррис 2001: 48]. В процессе означивания в дискурсе означаемое и означающее демонстрируют взаимосвязанные аспекты и нюансы значения, тем самым реализуя одну из сторон знака: «Свойства знака, десигната, интерпретатора или интерпретанты – это свойства реляционные, приобретаемые объектами в функциональном процессе семиозиса» [Моррис 2001: 48].

В процессе формирования (конструирования) и восприятия знак приобретает существенные **психологические свойства**. К ним относится прежде всего **способность индивидуального сознания к интериоризации знаков и знаковых систем**. Интериоризированные (усвоенные, освоенные и «присвоенные» сознанием) знаки и знаковые системы перестают восприниматься как новая (или вообще какая-нибудь) информация и приобретают черты общеизвестности, принадлежности собственному «Я». У детей механизм интериоризации создает структуры языкового сознания и личности, а у взрослых – некоторую иллюзию убежденности, на которой (а не на логическом анализе) начинает строиться дедуктивная логическая система. Ж. Пиаже писал о механизме интериоризации знаний в знаковых системах: «их уравнивание включает... последовательный переход внешнего (экзогенного) во внутреннее (эндогенное) в том смысле, что все возмущающие воздействия (неосуществившееся предвидение и т.п.) вначале уничтожаются или нейтрализуются, а затем мало-помалу интегрируются (с изменением равновесия) и, наконец, включаются в систему в качестве внутренних вариаций, поддающихся дедуктивному выводу и реконструирующих экзогенное посредством эндогенного» [Пиаже 2001: 108]. С механизмом интериоризации знаков и знаковых систем связана **рефлексивность восприятия признаков знака**. Вместо логической операции сравнения/сопоставления знаков основную роль начинает играть авторефлексия – соотнесение знака с интериоризированными образами знаков. Именно так, на наш взгляд, возникает вторичная символизация знаковых систем. Индивидуум отказывается от мыслительной деятельности в пользу интериоризированных **метазнаков** – аналогов настоящих символов.

Взаимодействие двух указанных механизмов означивания (подвижности свойств знака и рефлексивности знаков и знаковых систем) создает все многообразие логико-семантических моделей современного политического дискурса. Часто современные политические дис-

курсы строятся по модели «Знак – рефлексивное означаемое» (т.е. с усечением треугольника Огдена – Ричардса. Например, СПС – прогрессивный демократический выбор (рефлексивная составляющая – современные демократии Запада), КППРФ – путь к тоталитарному государству (рефлексивная составляющая – ГУЛАГ). Естественно, что при усечении **смыслов** знаковые системы перестают аккумулировать информацию, а дискурсы перестают быть информативными. Секвестирование информации может достигать большой и даже огромной степени, как, например, в случае с ЛДПР, где модель упрощена до следующей дихотомии: ЛДПР – хорошо знакомый лидер ЛДПР (отсюда озвучивание партийных текстов исключительно лидером партии с многократным повторением местоимения «Я»).

Глобализация и символизация политического дискурса достигается его авторами тремя способами организации: визуальным, вербальным и визуально-вербальным. В наиболее точном смысле эти способы просматриваются в жанре политической рекламы, активно используемой партиями и объединениями в предвыборный период.

При визуальном способе подачи дискурса используется псевдосимволический визуальный ряд с элементами вторичной символизации. Например, концерт-акция «Единой России» с участниками-персонажами в строительных касках, использованием в качестве декораций строительных лесов и изображений строящихся зданий. Здесь наблюдается попытка активизации и знаковой семантизации трех ассоциативно-символических уровней: древней ментальности библейского типа, средневековой ментальности масонского типа и псевдосимволической советской ментальности (Ср.: «строители коммунизма») – с целью конструирования нового знака-символа «Мы построим Россию», причем этот сконструированный знак-символ должен, по мнению авторов, заменить логическую знаковую систему. Совершенно понятно, что ставка на визуальный способ подачи дискурса требует отказа от других способов. Это, в частности, подтвердил известный имиджмейкер Г. Павловский, заявивший, что «Единая Россия» не может принимать участие в теледебатах, потому что «выйдет из образа».

При вербальном способе подачи политического дискурса преобладают высказывания-лозунги, не предполагающие своего логического осмысления. Таков, например, лозунг, выдвинутый на одном из митингов лидером партии «Яблоко» Григорием Явлинским: «Мы

отстоим наше право на свободную, демократическую, европейскую страну», в котором два определения («свободная» и «демократическая») повторяют общеизвестное положение Конституции Российской Федерации, а третье («европейская») называет несомненную и никем не оспариваемую географическую реальность. Вместе с тем, суггестивность этого высказывания совершенно очевидна при полном отсутствии его информативности.

Вербально-визуальный способ подачи политического дискурса реализуется в специальных рекламных роликах, использующих также прием вторичной символизации и имеющих суггестивную, а не информативную направленность. Значимым в этом смысле становится и символический компонент в случае «прямого эфира» и в устном политическом дискурсе, когда в качестве суггестивно направленных могут использоваться паралингвистические средства. При этом, поскольку «язык тела» в отличие от естественного языка не состоит из стабильных и дискретных единиц [Крейдлин 2002: 50], рациональная система доказательств и аргументация дополняется (и в иных случаях подменяется) непосредственным внушением некоторого неопределенного эмоционального состояния.

Неинформативность современного политического дискурса сопровождается его псевдокоммуникативностью, причем главное значение придается авторефлексии адресата, обращению его к интериоризированным знаковым системам и/или к архетипическим блокам сознания. Символизация знаковых систем сочетается с использованием экзистенциальной составляющей символов, получившаяся смесь вторичных символов и символов, составляет существо современного политического дискурса. Например, телеведущий, рассматривая тему отношения власти и олигархов, говорит о том, что когда президент будет избран на второй срок, ему придется бороться с олигархами в силу экономических причин. Тем самым скрыто конструируется следующее смысловое пространство: (а) второй срок для действующего президента обязательно будет; (б) не стоит волноваться, если он не борется с олигархами сейчас, он будет делать это после своего переизбрания. Информации в сообщении нет, но есть смысл, призванный суггестивно определять действия избирателя: посредством апелляции к неким культурным стереотипам – сильной власти, которая всегда «за народ» (коннотация «добраго царя» и плохих чиновников), а также терпения и жертвенности этого самого народа.

Иными словами, создается некая псевдо-символическая фигура, основанием которой служит целый ряд текстов, но которая при этом существует как исключительно виртуальная реальность, и только в сознании адресата.

Все это представляется чрезвычайно существенным с точки зрения изучения современного социокультурного процесса. Именно наличие в символе экзистенциальной составляющей делает его действенным средством воздействия на массовое сознание: знак (эмблема, герб, геральдика и т.д.), в отличие от символа, не может воздействовать на бессознательные сферы человеческой психики и определять поведение социума. Поэтому современные политические технологии, особенно в периоды проведения выборных кампаний, учитывают именно символические структуры и архетипические пласты в сознании для достижения своих целей. Например, широко известные рекламные телевизионные ролики Н. Михалкова, изображающие Н. Мордюкову с кайлом или О. Ефремова за штурвалом троллейбуса, очевидно учитывают символическую осмысленность тех образов, которые созданы этими актерами, эксплуатируя некий «архетип» «русскости», «народности» с коннотациями смирения, святости, терпения, широты души и «родных просторов». Совершенно очевидно, что просто знаковые образы или ситуации не выполнили бы задачи целевого воздействия на сознание избирателей. Симптоматичной представляется семантика тех названий партий, которые отражают не их политическую программу (как ЛДПР или КПРФ), то есть являются «аналитическими», а «синтетически» выражают заданный целостный смысл. Это прежде всего относится к партиям «Единая Россия» и «Яблоко». Очевидно, что самоназвание «Единая Россия» (равно как и несколько ранее предложенный слоган «Голосуй сердцем») типологически выстраивается как «символическое», хотя точнее было бы сказать – псевдосимволическое, явно ориентированное на те символические смыслы, которые достаточно часто описывались применительно к русской культуре (в частности, соборность, «мысль сердечная», харизматичность и т.д.). Противоположные черты присущи самоназванию «Яблоко». Созданное как аббревиатура, оно изначально апеллирует к восприятию принципиально не символическому, а знаковому, программируя тем самым и личность потенциального избирателя – избирателя, идентифицирующего себя как интеллектуала, рационалиста и скептика. Сама а-символичность это-

го названия становится своего рода символом, так сказать, «просвещенного западничества». В обоих случаях очевидно, что символика названий политических партий опирается на систему пресуппозиций, представлений, ценностей, которые характерны для тех или иных групп «электората», и, становясь средством их самоидентификации, становится одной из форм суггестивного воздействия. В то же время такое воздействие является возможным только в том случае, когда позиция наблюдателя сфокусирована на стороне адресанта (в данном случае разработчика политической технологии), в случае же, если она локализована на стороне адресата, оно оказывается по меньшей мере проблематичным. Другими словами, адресат, обладающий позицией наблюдателя, свободен от суггестивного воздействия, а сам прием символизации политической информации будет вызывать реакцию отторжения.

Использование позиции наблюдателя автором (адресантом) с целью конструирования текста с заранее заданными свойствами и процедура символизации знака симметризировались, образуя процесс формирования современного политического дискурса, все в большей и большей степени становящийся «недискурсивным» и монологическим. Это, конечно, в свою очередь, вызывает у исследователей ряд обоснованных параллелей с известной судьбой политического дискурса в России 20-30 годов, также прошедшего путь монологизации, символизации знаковых систем и замены логико-информационных конфигураций на суггестивно-эмоциональные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
2. Мамардашвили, Пятигорский 1992 – Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание (метафизические рассуждения о сознании, символе и языке). Иерусалим, 1992.
3. Моррис 2001 – Моррис Ч.У. Основания теории знаков. // Семиотика. Антология. М.: «Академический проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001. С.45-97.
4. Пиаже 2001 – Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение. // Семиотика. Антология. М.: «Академический проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001. С.98-110.

В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Понятие “петербургский текст”, активно вошедшее в научный обиход литературоведов, культурологов, лингвистов, основано на целом ряде текстовых доминант и мифологем и органично связано с антиномией “Петербург – Москва”. Нельзя не согласиться с наблюдением В. Топорова о том, что тема Петербурга никого оставляет равнодушным. “Далекая от того, чтобы быть исчерпанной или окончательно решенной, она характеризуется особой антитетической напряженностью и взрывчатостью, некоей максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлеченность в свой круг тех, кто ищет ответ на эти вопросы” [Топоров 1993: 203]. Петербургский текст – понятие, связанное прежде всего с литературой. Именно литература определила ключевые составляющие петербургского текста. Многими людьми в разных странах мира Петербург воспринимается как литературный город. “Литературный город – это город, образ которого был создан поэзией, рассказами и описаниями, т.е. пером тех, кто бывал в нем, пусть даже не физически, а в воображении” [Балог 2003: 13].

Петербург, без сомнения, принадлежит к числу ключевых культурных концептов русской концептосферы (так же, как концепты Москва, Новгород, Волга, Сибирь и др.) и неразрывно связан с картиной мира, культурной памятью носителей русского языка.

Устойчивость в языковом сознании усредненной языковой личности определенных линий ассоциирования, стимулированных словом Петербург, подтверждает обращение к “Русскому ассоциативному словарю”. В совокупности ассоциаций на слово-стимул *Петербург* отчетливо выделяются составляющие концептуального поля, без которых сам концепт немислим (*город на болоте, красивый, прекрасен, столица, Эрмитаж, Зимний дворец, Дворцовая площадь, Петропавловская крепость, мост, набережная, шпиль*), компоненты петербургского текста, ставшие неотъемлемой принадлежностью лексикона усредненной языковой личности (*Пушкин, Петра творенье, град Петров, окно в Европу*), и, наконец, ситуативно изменчивая часть концептуального поля (*Собчак, 5-й канал*). Интересно сравнить ассоциативное поле Петербург с ассоциативным полем на слово-стимул *Ленинград*. Наряду со значительной совпадающей частью, отчетливо выделяется круг ассоциатов, связанных с советским пе-

риодом истории города, в том числе и тех, которые являются компонентами идеологически отмеченного советского дискурса: *город-герой, герой, армия, блокада, блокадный, город Ленина, город мечты, город-музей, колыбель революции, победоносный*. Симптоматичны ассоциации, стимулированные ситуацией переименования города (*был, нет такого слова, нету, переименован*).

Следует подчеркнуть, что, представляя ассоциативно-вербальную сеть носителя языка в ее “предречевой готовности”, ассоциативные поля во многом определяют стратегии восприятия и продуцирования текстов. Приведем в качестве примера фрагмент из письма читательницы газеты “Аргументы и факты”, в котором представлена личностная интерпретация констант петербургского текста:

“Сколько же Петербургов живет в душе каждого из нас, родившихся здесь? Петербург Достоевского – щемяще-нежный своими заплатами и нищетой! Петербург Крестовского – с холодной отверженностью и беззащитными героями! Петербург Розенбаума – с неистовой силою слов любви и веры в прошлое и будущее Петербурга! Как определить чувство любви к моему городу? Величественный Исаакий. Смольный собор, от которого так и тянет откусить маковку, так он напоминает торт безе. Горячие Клодтовские кони..., дедушка Крылов в окружении своих метафорических персонажей (АиФ. 2003. № 22).

Рожденное русской классикой, понятие “петербургский текст” живет и развивается в современной русской литературе. В то же время нельзя не отметить его актуальность и для публицистики.

В публицистическом стиле на протяжении десятилетий формировались устойчивые номинации, служащие маркерами стереотипных ситуаций: *город белых ночей, северная Венеция, северная Пальмира, город мостов и каналов, окно в Европу, город-музей, город трех революций, колыбель Октября* и др. В последнее десятилетие элементы концептуального поля, вербализованные двумя последними перифразами, актуализируются лишь в особых условиях. Устойчивая номинация “*город-герой*”, на протяжении десятилетий являвшаяся официальным приложением к слову Ленинград, не утратив содержательной значимости, в современном дискурсе деактуализировалась. В то же время социальные процессы “эпохи Владимира Путина”, миграция кадров в высшей политической сфере “из Петербурга в Москву”, изменения на аксиологической шкале превратили

перифразы *“северная столица”* и *“вторая столица”* в привычные номинации, функционирующие в СМИ наряду с устойчивым сочетанием *“культурная столица России”*. Вспомним также активно эксплуатировавшееся в перестроечном политическом дискурсе сочетание *“великий город с областной судьбой”*, впервые появившееся в качестве заголовка статьи Даниила Гранина в *“Литературной газете”*.

Двуполюсность Петербурга, являющаяся доминантной в петербургском тексте, проявилась, в частности, в широком распространении номинация *“криминальная столица России”*, активно введенной в оборот политтехнологами с явно конъюнктурными целями.

По точному замечанию В. Топорова, петербургский текст – “усиливающее эффект зеркало города” [Топоров 1993: 204]. Петербургский текст, выстраиваемый в современных средствах массовой информации и рассмотренный как зеркало современной общественной жизни, представляется актуальным объектом политической лингвистики – нового направления лингвистических исследований, стимулированного активизацией интереса к социальным аспектам языка, стремлением выявить механизмы речевого воздействия в массовой коммуникации [Шейгал 2000, Чудинов 2001, Чудинов 2003].

Предметом нашего внимания явился “юбилейный политический нарратив”. Под политическим нарративом понимается совокупность политических текстов разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события [Чудинов 2003: 20, Шейгал 2000: 297]. Таким событием явился юбилей северной столицы. Материалом для анализа послужили газетные и журнальные материалы конца апреля – мая 2003 г., посвященные празднованию 300-летия Санкт-Петербурга. Особая дата в истории Санкт-Петербурга и культурной жизни всей России активизировала в газетно-журнальном дискурсе все составляющие концептуального поля, наполнила новым содержанием традиционные мифологемы петербургского текста.

Понятие “петербургский стиль”, традиционно включающее такие константы, как благородство, сдержанность, гармоничность, легкость, великолепие (ср. устойчивую номинацию *“блистательный Санкт-Петербург”*), в политическом нарративе юбилейного 2003 г. наполнилось диаметрально противоположными составляющими. Приведем выразительный текстовый фрагмент:

“С возвращением старого названия все как по команде заговорили о возрождении петербургского стиля. Под этим возрождением

подразумевался тотальный евроремонт, утяжеленный использованием дорогих материалов, которыми облицовываются нижние этажи обшарпанных зданий. Параметры европейскости возникали в мозгу, воспаленном абстрактным понятием у.е., и они столь же далеки от Европы, как у.е. далеки от доллара. Чугунные памятники банкам, принимающие вид то Гоголя, то Александра Невского, гранитные плиты перед входом в отели и офисы, мраморные порталы модных магазинов – вся эта гипроковая роскошь захлестнула город..."(Петербургский календарь. 2003. № 10).

Словосочетания *тотальный евроремонт*, *гипроковая роскошь*, антитеза *дорогие материалы* и *обшарпанные здания* формируют, скорее, понятие "петербургский антистиль".

Исследователями неоднократно отмечалась "антитетичности и антиномичность", "двуполюсность" Петербурга [Топоров 1993: 205]. "На одном полюсе признание П. единственным настоящим (цивилизованным, культурным, европейским, образцовым, даже идеальным) городом в России. На другом – свидетельства о том, что нигде человеку не бывает так тяжело, как в П." [Топоров 1993: 205]. Антиномии Петербурга в значительной степени обусловлены его природой и историей основания:

"И природа, и культура сами полярны. Внутри природы вода (холодная, гнилая, затхлая, вонючая, грязная, стоячая), дождь, слякоть, мокрота, муть, туман, мгла, ночь, холод, духота противопоставлены солнцу, закату, глади воды, взморью, зелени, прохладе, свежести. Когда приобретают силу элементы первого ряда, наступает беспроектность, безнадежность, тоска... Когда же появляются элементы второго природного ряда, становится видно во все концы, с души спадает бремя...

Внутри культуры – жилище неправильной формы и невзрачного или отталкивающего вида, комната-гроб, жалкая каморка, грязная лестница, колодец двора, дом – "Ноев ковчег", шумный переулочек, канава, вонь, известка, пыль, крики хохот, духота противопоставлены проспекту, площади, набережной, острову, даче, шпилью, куполу" [Топоров 2003: 217].

Аксиологическая поляризация, изначально связывавшаяся с концептом Петербург, в политическом дискурсе естественно соединилась с бинарностью ценностных оппозиций, характерных для политической речи. Примечательно высказывание С.Ястржембского, по-

мощника президента по информационным вопросам, на пресс-конференции, посвященной итогам подготовки к юбилею: “По интенсивности вброса слухов Петербург обошел Чечню на несколько корпусов <...>. Предлагаю зарыть на время празднования топор информационных войн и не пугать гостей и петербуржцев страшилками”. “Юбилейный нарратив” делает особенно очевидными манипулятивные технологии СМИ.

Воздействующая роль слова и текста связана с вариативной интерпретацией действительности. Извечное противопоставление реального и мифологического Петербурга стало основной моделью построения текстов в майских СМИ.

Стабильные компоненты поля “Петербург” (*Петропавловская крепость, Эрмитаж, набережные, мосты, дворцы, парки* и т.п.) в юбилейном нарративе активно используются в лексико-семантических полях “строительство”, “восстановление”, однако ключевым становится традиционный образ “потемкинских деревень”:

“За рекламными щитами – пустые глазищи окон, разруха дворов и помойки <...> В центре Питера лихорадочно докрашивают фасады и настилают асфальт, а на пути вип-кортежей возводят ‘потемкинские деревни’” (Новая газета. 2003. № 34).

Ср. также:

“Петербургжцы любят сетовать на катастрофическое состояние жилищно-коммунального хозяйства. Оно и правда плачено, но нет худа без добра. Что немцу смерть, то русскому здорово. Петербург превратился в какую-то барочную фантазию, гравюру Пиранези. Что ни здание – то башня-руина (Петербургский календарь. 2003. № 10).

Отметим, что это традиционный мотив петербургского текста: “...Постоянное ожидание катастрофы в Петербурге, “возникшем над бездной”, в сочетании с внешним его блеском и пышностью, доходящими до театральности, давало постоянное ощущение некой призрачности города и нереальности его” (Бурмистров 2003: 55).

Вариантом развития темы “потемкинских деревень” становится тема праздника для избранных, прежде всего для президента. Этот мотив выразительно предстает в газетных заголовках, представляющих материалы, связанные с восстановлением Константиновского дворца: “*Питерский Версаль президента*” (АиФ. 2003. № 22); “*По Путинитрассе – в Путинбург*” (Новая газета. 2003. № 37). Весьма

выразительной оказывается метонимическая номинация "*всемирный фуршет*":

“По сути, юбилей Северной столицы, хозяином на котором объявил себя Владимир Путин, автоматически превращается во всемирный фуршет от имени российского президента, а праздничные мероприятия – в культурную программу для гостей Владимира Владимировича. <...> Петербуржцев ждет, что называется, похмелье в чужом пиру. Каждый день они узнают все новые и новые подробности неприятностей, которые им предстоит пережить в юбилейные дни (Новая газета. 2003. № 34).

Выстраивая поляризованный образ действительности, журналисты используют антитезы с высокой экспрессивностью составляющих: *клоповники - дворцы, питерцы - заморские VIPы*:

"Россияне, а конкретно – питерцы, способны, отстраивая дворцы для заморских VIPов, жить и рожать детей в клоповниках рядом с такими крутыми фасадами. Это то, чего, по счастью, не увидели по пути в фешенебельные каюты лайнера “Серебряный шепот” главы государств и правительств" (АиФ. 2003. № 24).

Контрасты парадной и обыденной жизни города, вербализованные в текстах предъюбилейных недель, развивают традиционную тему фантасмагоричности Петербурга, представленную, однако, с использованием новой компьютерной метафоры:

“Обитатели Петербурга – не жильцы, а персонажи. Город построен не при них и не для них ... Фасады, лестницы, виды – как погружение в компьютерную игру из “прошлой жизни”, только реальность не виртуальна” (Петербургский календарь. 2003. № 10). "Народ грустно вздохнул и стал планировать, куда слить из Питера на время юбилейной декады" (Комс. правда. 2003. № 22).

Традиционный мотив петербургского текста - постоянное ожидание катастрофы в искусственном, призрачном городе в юбилейном политическом дискурсе 2003 года приобрел новые грани. Давно ожидаемый юбилей, с которым первоначально горожане связывали многие надежды, в СМИ предстает как источник опасности для рядовых горожан. Этот мотив реализуется с активным использованием военной метафоры:

“Праздник особого режима. В дни юбилея Петербург и петербуржцы переводятся на осадное положение” (Новая газета. 2003. № 34); “Оно уже близко. Спрятаться негде... “Афиша” разработала ва-

рианты спасения для тех, кто не покинет поле боя, но и афишировать участие в вакханалиях не намерен.... Приказано выжить” (Афиша. 2003. № 5); “Груз 300. Окончательный диагноз” (Город. 2003. № 24); “Рубежи обороны города. Схема дислокации гостей праздника и ук-репрайонов Петербурга” (Там же); “Летний штурм Зимнего” (Город. 2003. № 20), “Любимый город может спать спокойно. Наши корреспонденты побывали в горячих точках наступающих юбилейных торжеств. Там, где будет ступать нога президента и его высоких гостей” (Комс. правда. 26.05.03).

Приведем показательный текстовый фрагмент, занимающий центральную часть первой страницы майского номера “Новой газеты”:

“Перекрыты ключевые магистрали, набережные и мосты. Закрыт аэропорт. Установлен “спецрежим” на ряде станций метрополитена. Ограничено движение наземного транспорта. Введена пропускная система для жителей центральных и других важных районов. На всех въездах в город поставлено контрольно-пропускные пункты и усиленные патрули. Введено видеонаблюдение в поездах и на станциях метро. ФСБ проверяет благонадежность тех, кто живет вдоль главных магистралей. Бомжи и нелегально проживающие граждане других стран выселены или депортированы. У граждан изымается личное оружие. Больницы переведены на усиленный режим работы<...>. Нет-нет, это – не то, что вы подумали. Это не военное положение. И не зона стихийного бедствия. Это – праздник. Так Петербург отмечает свой 300-летний юбилей (Новая газета №34, 2003).

На рисунке, сопровождающем этот текст, фигура человека в лаптях и солдатской каске с дубиной в руках и щитом, на котором изображены очертания Невы, Петропавловской крепости, Биржи). Ср. далее: “<...>Петербуржцев ждет, что называется, похмелье в чужом пиру. Каждый день они узнают все новые и новые подробности неприятностей, которые им предстоит пережить в юбилейные дни” (Новая газета. 2003. № 34).

Активная эксплуатация военной метафоры отражает характерную для современного политического дискурса повышенную агрессивность, стремление авторов возбудить состояние тревожности. А.Н. Баранов, отмечает: “Неоднократно высказывалась гипотеза о связи метафор с кризисным состоянием сознания <...> Возрастание количества метафор в политическом дискурсе – признак кризисности политической и экономической ситуации” [(Баранов 2001: 254]. По-

литическая нестабильность в Петербурге весной 2003 г., противостояние различных политических сил, связанное с предстоящими выборами губернатора, нашли своеобразный “лингвистический выход” в метафорической проработке действительности.

“Накануне юбилея вторая столица похожа на пожилую матрону, которой сделали макияж, маникюр, подтянули кожу на лице, заретушировали пигментные пятна и вывели на бал. В таком облике ее увидят 45 глав государств и правительств. Хотя хронические болезни остались: тромбы-пробки на улицах, коммуналки-клоповники в двух шагах от дворцов, нищета бюджета (АиФ. 2003. № 21)”.

“Во время юбилея Петербург стал похож на небогатую женщину, которая, собираясь на бал, сделала макияж – сверху все в блеске, а достойное нижнее белье, извините, купить не на что” (АиФ. 2003. № 24).

“Колыбель революции будут раскачивать отцы: смена криминальной власти произошла за несколько дней до юбилея. Сменится ли после праздников власть официальная? (Новая газета. 2003. №34).

Интересным представляется текст литератора Мих. Золотоносова, построенный на соединении концептов *дети (инфантильное восприятие, детские радости, детская мечта)*, *военный (шум и гром военной столицы, смотр кадетских корпусов)* в соединении с концептом *бесплатное (мечта о халяве, бесплатное пиво, бочки с Эрмитажем)*:

“Впрочем, и про народ не забыли, предложив ему праздничную программу, в целом сориентированную на инфантильное восприятие в диапазоне от “ребяческого империализма” (термин Мандельштама), умиляющегося шуму и грому военной столицы до детской радости от шариков и разноцветных красок. Отсюда и карнавальное шествие по Невскому проспекту, и шоу танцующих фонтанов, и смотр кадетских корпусов на дворцовой площади (прямо соединивший “детское” и “военное”). И даже “бесплатный Эрмитаж”, включая ночную его работу и штурм ворот, – тоже из этого ряда, потому что тут соединились детская мечта о халяве, о бочках бесплатного пива, выкатываемых в царский день на городские площади, с “культурностью” Петербурга. В культурной столице выкатили не бочки с пивом, а бочки с Эрмитажем. С культурологической точки зрения все это примечательно и крайне интересно: начальство видит в народе, в электорате детей, и так ли уж оно далеко от истины?” (Город. 2003.

№ 20).

Игровая стихия, воплотившаяся в активном использовании трансформированных прецедентных текстов, явилась яркой приметой юбилейного политического дискурса: “Что такое хиро-шоу и что такое плохо” (Город. 2003. № 20); “Петрификация идет полным ходом: отличительной особенностью юбилея стало возложение цветов школьниками к памятникам Петру, потому что если Ленина нет, то кто-то же должен заменить его” (Город. 2003. № 20), “Феерия второй свежести” (АиФ. 2003. № 23), “Феерия, да не та” (Новая газета. 2003. № 38), “Окно в Европу отмыли от грязи” (АиФ. 2003. № 21).

Концептуальные поля “страх”, “опасность”, актуализируемые в юбилейном нарративе, противопоставляются концептам “облегчение, преодоление”: “Уф... Проехали. К счастью, ничего страшного не случилось. К сожалению, именно это чувство приходит прежде всего, хотя пережили не нашествие варваров и не стихийное бедствие, а праздник. Про солнечное затмение 31-го шутили загодя, мол, ничего доброго оно не сулит. Но и в программу страхов оно уж очень ловко вписалось. Про нашествие шутили еще больше, да и реальных ужасов столичной жизни это должно было принести куда больше, чем мистика с календарем и светилом. Но мы все-таки вползли в наше четвертое столетие!”

Интересной представляется текстовая проработка фрейма “праздник”, где, с одной стороны, актуализируются традиционные компоненты (*феерия, фейерверк, фонтан, дворец, блеск, гулянья*), а с другой, - нищета, разорение, разочарование, обманутые ожидания:

“Праздник получился таким, каким и должен был получиться: с фасада роскошный – с изнанки нищий, местами – имперский, местами – советский. Сейчас, по горячим следам, волей-неволей перечисляются недочеты и недостатки, которые очевидны всем. Хотя каждый петербуржец, уверен, пережил в эти дни не только минуты разочарований, но и минуты восторга и душевного трепета” (АиФ. 2003. № 23).

Ожидаемый праздник, испорченный праздник, несостоявшийся праздник, праздник для избранных – вот те содержательные доминанты, которые с помощью многообразных экспрессивных средств создавались в газетном дискурсе, посвященном юбилею северной столицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балог И. О символике и семиотике Петербурга // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Круглые столы: сборник докладов и сообщений. – СПб., 2003.
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001
3. Бурмистров Т.Ю. Москва и Петербург // Мир русского слова. 2003. № 1
4. Топоров В. Петербург и петербургский текст русской литературы//Метафизика Петербурга. СПб., 1993
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Ек., 2003
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале. Ек., 2001
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.

ЧУДАКОВА Н.М.

«НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

В процессе получения и осмысления нового знания человек выходит за рамки того, что опосредовано его опытом, прибегает к языку образов. Одним из главных средств, с помощью которых происходит концептуализация окружающей действительности, становится метафора. По мнению сторонников когнитивного подхода, метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов, активно участвует в формировании личностной модели мира, играет важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия [В.В.Петров 1990, А.П.Чудинов 2001].

Понимание метафоры как основной когнитивной операции, как важнейшего способа познания и рубрикации мира привело к появлению и активному развитию нового научного направления – теории метафорического моделирования действительности.

По определению А.П.Чудинова, «метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой «X – это Y» [Чудинов 2003: 64]. Например, «политика – это война», «политика - это театр», при этом отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: политика подобна войне и подобна театру.

ММ образно представляет ту или иную денотативную сферу, используя при этом лексику, относящуюся в первичном значении к другой сфере. Так источниками метафорической экспансии в печатных средствах массовой информации 2000 – 2003 гг. становятся освоенные русской национальной культурой реалии мира «неживой природы»: Солнце, звезды; погода, ветры, осадки, грозы; горы и пропасти; реки, озера и т.д. Ментальными сферами-магнитами чаще всего выступают политика и экономика: процессы, происходящие в рамках этих сфер, не даны человеку в физических ощущениях. Онтологический перенос знаний из одной концептуальной сферы в другую формирует следующие ММ: «Состояние российского общества – это состояние атмосферы», «Российская политическая система – это космическая система», «Жизнь в российском обществе – это неровности рельефа», «Политика и экономика – это стихии воды».

При таком моделировании сохраняется системный характер соответствий и эмотивный потенциал, свойственный концептам источниковой области, что делает метафору мощным средством концептуального воздействия на общество.

Рассмотрим в качестве примера ММ **«Состояние российского общества – это состояние атмосферы»**.

В результате процессов метафоризации сферы «Политика», «Экономика» попадают в зону когнитивной экспансии исходной понятийной области «Атмосфера, погодные условия» и организуются в последовательную фреймово-слотовую структуру, в основном повторяющую организацию исходной сферы.

1. Фрейм **«Газовая оболочка Земли»** (атмосфера, воздух, вакуум). *Атмосфера – ключевая вещь в России, от нее зависит, куда большое географическое тело направится в данный момент. Регулируют обстановку в нашей стране не законы – атмосфера* (Т.Щербина).

2. Фрейм **«Погода и ее прогноз»**.

– Слот «Климат и погода» (климат, микроклимат, погода, непогода, потепление, заморозки и т. д.). *Формирование благоприятного делового климата – основа процветания России* (И. Горбулина).

– Слот «Прогноз погоды» (народные приметы, измерительные приборы). *Выяснилось, что строить прогнозы о развитии мировой экономики можно с таким же успехом, как предсказывать погоду: надо либо рассуждать о долгосрочных тенденциях типа «глобаль-*

ного потепления», либо слюнявить палец и выставлять его в окно, чтобы определить направление дующего сегодня ветра (А.Грачев).

– Слот «Средства защиты от непогоды» (зонтик, громоотвод). Довольно вспомнить хотя бы, кто и как «мочил» Березовского, Гусинского, Лужкова с Примаковым, Ельцина с Семей и даже Явлинского, а кто, наоборот, раскрывал над ними *«пуленепробиваемый зонтик»* (О. Кучкина).

3. Фрейм «Метеоусловия».

3.1. Подфрейм «Движение воздуха».

– Слот «Отсутствие ветра» (штиль, безветрие). В середине ноября, когда в России после шквального «Норд-Оста» настал *полный политический штиль*, наши взоры устремились на юго-запад (Д. Тукмаков).

– Слот «Ветер как движение воздуха» (ветер, ветрено, веять, дуть). Со всех концов и во всех формах на нас *дуют ветры конца времен, пугая, пригибая к земле, но и вселяя чудную радость* (В.Туманов).

– Слот «Ветер в зависимости от его силы» (бриз, буря, ураган, тайфун, смерч). Уже давно разгадан феномен наших «гарвардских мальчиков». Именно они прошли по отечественной экономике таким *смерчем, перед которым бледнеет даже знаменитая «культурная революция» в Китае* (Е. Мячин).

– Слот «Ветер в зависимости от его направления» (норд-ост, зюйд-ост, морг-ост). Все было тихо и спокойно, как вдруг *дохнул холодный норд-ост* (Н. Коньков).

– Слот «Ветер в зависимости от проявления тепла» (холодный, свежий, суховей). Те, чья пора взросления пришла на разгар перестройки, знают, о чем я говорю. Тогда в неокрепшие юношеские мозги ни с того ни с сего *ворвался свежий ветер перемен, на деле оказавшийся суховеем. Закружил, завыл, снес все нравственные и моральные барьеры* (И. Калининцев).

– Слот «Ветер, сопровождающийся осадками» (буран). Традиционное воспитание чеченки крайне аскетично. Ее добродетель – скрытность, умение прятать свои чувства поглубже. Таким образом, весь ее *буран* - внутри (А.Политковская).

3.2. Подфрейм «Атмосферная влага».

– Слот «Облачность» (облако, туча, туман). *Черное облако че-*

ченской войны **опустилось** на страну (В. Новодворская).

– Слот «Осадки» (осадки, дождь, капать). *Как-то совпало, что касающиеся прессы разномасштабные события последнего времени сеялись, выпадали и низвергались на манер осенних осадков – вразной, вперемешку, как попало. Но, как и осенние осадки, все вместе указывали на одно - нарастающую непогоду. Принципиальные сдвиги в атмосфере. Глобальное изменение климата* (Т.Камоза).

– Слот «Последствия осадков» (грязь, лужа, слякоть). *Времена на дворе слякотные, гласность вперемежку с закручиванием ржавых болтов, никто никого не слышит* (И. Мильштейн).

3.3. Подфрейм «Температура воздуха». Столбик накала политических страстей обратно пропорционален **температуре воздуха** (Версия).

3.4. Подфрейм «Электрические явления в атмосфере». Микроклимат – как перед грозой. Душно, темно, мерзко, молнии сверкают. Что нам делать с собой? Освободиться (В. Новодворская).

3.5. Подфрейм «Оптические явления в атмосфере». Я, кажется, поняла, что такое в наших условиях социал-демократия. Это **мираж**. И действия, и правда **миражу** противопоказаны. Он – иллюзия. И может рассеяться (В. Новодворская).

4. Фрейм «Времена года». На Черноморском побережье Кавказа наступает **весна** мира и созидания (И. Сизов). Политическое **лето** 2002 года обещает быть **жарким** (Завтра).

Перенос содержания источниковых фреймов и слотов в соответствующие фреймы и слоты сферы-магнита метафорической экспансии приводит, с одной стороны, к докатегоризации сферы притяжения, а с другой – к категориальному сдвигу, при котором разрушаются стандартные представления о некоторых фрагментах действительности (ср.: Власть как *плохая погода*, В. Путин как *Илья-пророк*, несвобода как *вакуум*, закон как *зонтик* и пр.).

По данным центральных и региональных средств массовой информации, в настоящее время в России, с одной стороны, *царит* (создается, развивается, стабилизируется) атмосфера политическая, экономическая, нравственная и правовая, атмосфера доверия, атмосфера народной любви, благоприятная атмосфера, атмосфера процветания, а с другой стороны, страну стала заполнять атмосфера смутных предчувствий, тревоги и спазматической активности,

атмосфера напряженного ожидания, апатичная атмосфера, атмосфера кадрового застоя, общая жульническая атмосфера нашей экономики, кроме того, атмосфера некоторых властных структур отдает застойным смрадом партхозактивов брежневских времен.

Политический, инвестиционный и деловой климат нашей страны оценивается как *изменчивый*, но одновременно и как *нормальный, благоприятный, необычайно благоприятный, один из самых благоприятных*. Способствуют этому деятели политики и экономики, бизнесмены, которые *«делают погоду»* в стране. Часто они *«сгущают серые тучи»* проблем, сами при этом *«витают в розовых облаках»*. А над страной идет *«золотой дождь» «черных денег»*; раздаются *«раскаты финансового грома»*, дополняющиеся *«вспышками политических молний»*; дует *«свежий ветер перемен»*, который помогает В. Путину вести *«корабль президентства без видимых потерь»*; иногда ветер усиливается до бури *«в стакане воды»*, урагана, тайфуна, смерча.

В результате особую значимость приобретает прогноз погоды, а также измерительные приборы и средства защиты от непогоды. Например, нежелание правительства заниматься серьезной социальной, экономической и культурной политикой влечет за собой необходимость подыскивать *одина громоотвод за другим*. В качестве громоотвода, некоего средства защиты от недовольства и критики, нередко используется Чеченская республика. Прогноз возможных социальных волнений, политических событий, экономических спадов позволяет провести предварительный анализ возможных проблемных ситуаций и выбрать наиболее оптимальный путь их разрешения.

Так концептуальная сеть погодной понятийной сферы накладывается на частично структурированные в обыденном сознании носители языка области политики, экономики, общественных отношений; в результате чего дискурс СМИ, используя характеристики погоды, метафорически представляет ситуацию в стране как изменчивую, непостоянную, плохо прогнозируемую, но в то же время динамично и циклично развивающуюся.

Проведенный нами анализ ММ «Состояние российского общества – это состояние атмосферы» в дискурсе печатных СМИ 2000 – 2003 гг. выявил доминантную концептуальную метафору «атмосфера», отражающую специфику современного политического этапа. Выбор данной метафоры в качестве основной обусловлен как исход-

ной понятийной сферой (определяет состояние погоды), так и сферой метафорического притяжения (номинаруются наиболее значимые ценностные установки).

Ср.: Президент все больше и больше говорит, что нам нужна политика инноваций, политика поддержки инициативных людей. За эти два года с небольшим в несколько раз больше принято нужных законов, которые отчасти создали уже **правовую атмосферу** (М. С. Горбачев). Ответственность за **нравственную атмосферу** в стране несет власть (Новая газета). Путин остается на редкость одиноким в **атмосфере народной любви** (С. Шелин). Правда, личность влюбленного в политическую интригу Ельцина, который обожал внезапные перетряски своего окружения и непрерывно ставил кадровые эксперименты (чего стоит одно премьерство Кириенко, к примеру), не позволяла сформироваться или по крайней мере загустеть **атмосфере кадрового застоя** (А. Богатуров). Местечковое неграмотное законотворчество порождает на практике беззаконие. И как следствие – преступность и коррупцию. Чиновник-мздоимец вольготно чувствует себя в «разреженной» **правовой атмосфере** (П. Латышев).

Как видно, денотативная зона использования метафорического выражения «**атмосфера**» - правовые и этические отношения в обществе, кадровая политика. Оценивая их значимость для России, журналисты отмечают: **Атмосфера – ключевая вещь в России, от нее зависит, куда большое географическое тело направится в каждый данный период. Регулируют обстановку в нашей стране не законы – атмосфера.** В этом году даже на видимость соблюдения законов плюнули: не нужно и непонятно народу крючкотворство и очковтирательство. Он из воздуха кожей считывает, что можно, что нельзя (Т. Щербина).

Газовый состав атмосферы в дискурсе СМИ сворачивается к одному основному свойству - ее гомогенной или гетерогенной природе. Однородность, цельность почти всегда воспринимается положительно (**атмосфера процветания, народной любви, безобидная атмосфера** и др.); разнородность, смесь оценивается только отрицательно.

Ср.: Россия по-прежнему страна открытая, включенная в систему сообщающихся сосудов. И **раздражающая атмосфера – это помесь атмосферы всемирной с вернувшимся советским душком,**

который вновь приобрел благовонный статус (Т. Щербина). *Атмосфера* генерального совета ФНПР, состоявшегося недавно в Москве, безо всякой натяжки *отдавала застойным смрадом* партхоз-активов брежневских времен (А. Водолазов).

В отличие от ментальной сферы-источника, где атмосфера является изначально заданной самой природой, в ментальной сфере-магните атмосфера имеет рукотворный характер. Вследствие воздействия на нее человека она приобретает способность видоизменяться и развиваться: *наша главная цель – развить атмосферу доверия, кто поможет создать здесь атмосферу процветания, отчасти создали уже правовую атмосферу, кое-какие атмосферные сдвиги налицо, экономическая атмосфера стабилизировала* и т.д.

Не менее активно в дискурсе СМИ используется концепт «**воздух**». Ассоциативное восприятие свободы в качестве **воздуха** объясняется «генетической памятью» подсознания, в которой воздух является «сферой божественного дыхания, символом одухотворенности» [Н. Жюльен 2000: 56].

Ср.: *В серебряные годы перестройки демократическая печать начала дышать животворящим воздухом свободы*, активно расчищала выгребные ямы прежнего режима (А. Яковлев).

Однако при метафорическом употреблении устойчивых сочетаний концепта «воздух» актуализируются периферийные семы: нечто неопределенное, пустое, бесплотное и потому не вызывающее доверия.

Ср.: *Русское экономическое чудо имеет скорее газообразную, нежели твердую, форму и в любой момент может раствориться в воздухе* – как будто его и не было (А. Колесников). *Не целесообразно ли...разработать проект закона, ограничивающего весьма доходный, но слишком дорого обходящийся стране «пиаровский» бизнес, который не только превращает в «воздух» огромные финансы, но и наносит прямой ущерб авторитету властей* (С. В. Ананский). *Российскому руководству следует уяснить: за разговорами о том, что Россия принимается в так называемый цивилизованный мир, скрывается самая что ни на есть элементарная процедура **растворения наших интересов в воздухе**, уничтожения потенциальной возможности России защищать свою экономику, свое пространство и свой народ* (С. Бабурин).

Отсутствие жизни, пустота в духовной, интеллектуальной, пра-

вой, политической и других областях метафорически характеризуются концептом «**вакуум**» (от лат. *vacuum* – *пустота*) – состояние газа при давлениях значительно ниже атмосферного, нередко его относят к газу, находящемуся в свободном пространстве [БСЭ т.4: 240].

Ср.: *Сейчас в нашей стране существует некий идеологический вакуум, который не заполняет и современная литература* (Л.Столяренко). *Мешает делу информационный вакуум в нашей прессе* (И. Иванов). *Перераспределение вакуума. Судя по фокус-группам, можно прогнозировать увеличение числа сторонников СПС и «Яблока».* *Это эффект политического вакуума* (С. Белановский).

Можно сказать, что значимость метафорических концептов «атмосфера» и «воздух» развивается и поддерживается контекстуальным противопоставлением «воздух – вакуум», благодаря чему в дискурсе СМИ возникает бинарная оппозиция «свобода – несвобода», актуализирующая ценностные ориентации современного русского общественного сознания.

Таким образом, освоенные русской национальной культурой реалии сферы-источника «Неживая природа» выступают метаязыком, формой, отображающей и репрезентирующей сферы экономики и политики. Главенствующими, определяющими все остальные стороны жизни, а также устанавливающими взаимоотношения между людьми и между людьми и властью являются нормы морали и права, отношения свободы, репрезентированные доминантными метафорическими концептами «атмосфера» и «воздух». Прагматический смысл, формируемый у адресата, состоит в следующем: соблюдение правил и норм отношений между людьми могут изменить наше общество к лучшему. Положительная нагруженность метафорических выражений проистекает из представлений наивной картины мира: атмосфера, воздух – это то, чем человек дышит и от чего зависит жизнь на нашей планете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. М., т. 4, 1971.
2. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск, 2000.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
4. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. №3.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Екатеринбург,

2003.

6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000). Екатеринбург. 2001.

ШЕХТМАН Н.Г. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЫБОРЫ – ЭТО СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Теоретической базой нашего исследования является современная когнитивная лингвистика. Мы исходим из понимания метафоры как основного мыслительного процесса, как способа познания и структурирования мира, как средства воздействия на сознание и эмоциональный мир адресата. Метафора – это основная ментальная операция, Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами. Метафора пронизывает все сферы человеческой деятельности, в том числе политическую. Понятийная система, в рамках которой человек мыслит и действует, метафорична по самой своей сути. Метафора проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии (М.Джонсон, Дж.Лакофф, А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов, Е.С.Кубрякова, Т.Г.Скребцова, А.П.Чудинов и др.).

По справедливому замечанию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Дж. Лакоффа, М. Джонсона 1990: 404]. Аналогичные мысли постоянно высказывают и отечественные специалисты (А. Н. Баранов, Е. М. Верещагин, В. Г. Гак, В. Г. Костомаров, Ю. Н. Караулов, Б. А. Успенский, А.П.Чудинов и др.). Представляется очень перспективным продолжение сопоставительного изучения российских и американских политических метафор, что позволит лучше понимать общие закономерности и специфические черты в политической коммуникации названных народов. Как отмечает А.П.Чудинов, очень важно при сопоставительном изучении русской и американской метафорической картины политического мира попытаться разграничить в метафорических моделях общечеловеческие закономерности, характерные черты западной (европейско-американской) культуры и национальное своеобразие [А.П.Чудинов 2003: 182].

В настоящей статье рассматриваются закономерности использования спортивных по сфере-источнику метафор в российском и аме-

риканском политическом дискурсе. Хронологические рамки для отбора материала ограничены 2002-2003 годами. В этот период и в США, и в России идет подготовка к президентским выборам 2004 года, и хотя официальной агитации еще не ведется, возможные кандидаты заявляют о себе, ездят по стране и много выступают перед избирателями. Общей коммуникативной установкой агитационно-политических высказываний является их коммуникативная установка на то, чтобы увлечь, заинтересовать, убедить адресата, повести его за собой. Сфера выражения эмоций и необходимость эмоционального давления на электорат вносит в речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафору.

Метафорические модели в рамках когнитивного подхода характеризуются с помощью двух категорий – фрейма и сценария. В соответствии с концепцией А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова (1991, 1994), фрейм – это «описание типизированной ситуации, состоящее из ряда слотов». Помимо категории фрейма для описания метафорической модели используется категория сценария, который является процедурным способом представления стереотипного знания, таким образом, сценарий – это последовательность ситуаций, типичных для той или иной модели. Прибегать к использованию категории сценария целесообразно при описании такой метафорической модели, как, например, «политика – это война», и характеризовать по порядку стадии ведения войны. Что же касается модели, рассматриваемой в данной работе, то при ее характеристике мы сочли целесообразным прибегнуть к категории фрейма. Итак, рассмотрим фреймово-слотовую структуру модели «Выборы – это спортивное состязание». В наиболее общем виде эта структура предстает в виде следующей системы фреймов и слотов.

1. Фрейм «Вид спорта» (слоты: 1.1 - командные спортивные игры, 1.2 - соревнования в скорости передвижения, 1.3 - другие виды спорта);

2. Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований» (слоты: 2.1 - фавориты, лидеры, аутсайдеры, специализация по видам спорта, 2.2 - победитель, призеры, неудачники);

3. Фрейм «Правила игры и наказания» (слоты: 3.1 - правила игры, 3.2 - нарушения правил, 3.3 - наказания спортсменов) [Баранов 1991];

4. Фрейм «Спортивное оборудование», включающий места для

проведения состязаний и оснащение спортсменов.

Спортивная метафора распространена во многих сферах политической речи, но наиболее употребительна она в текстах, посвященных разнообразным выборам. Политическая деятельность представляется как своего рода спорт, где необходимы строгие правила соперничества, где участники могут дисквалифицировать, снять с дистанции, отправить на скамью запасных, но вместе с тем каждый выходящий на старт мечтает о победе и делает все возможное для ее завоевания. Детальная и широко известная структурированность спортивной сферы предоставляет множество возможностей для выражения самых разнообразных смыслов из политической сферы. Например, такой концепт как выборы часто изображаются как соревнование в скорости передвижения. Рассмотрим, как представлены названные выше фреймы и их слоты в российском и американском политическом дискурсе.

1. Фрейм «Вид спорта»

Слот 1.1. Командные спортивные игры.

Большое количество политических метафор ориентировано на командные спортивные игры. Обычно это хорошо известные как в России. Так и в США виды состязаний (*футбол, баскетбол, теннис, хоккей*), в которых участвуют возглавляемые капитанами команды (правительственная, президентская, губернаторская и др.), в состав которых входят не только *основные*, но и *запасные игроки* и которыми руководит *тренер*, разрабатывающий стратегию и тактику *матча*. Ср.:

- Устраивать матчи в одни ворота – это как раз стиль региональных царьков, стоит только вспомнить прошлые губернаторские выборы... (И. Онисимов)

- Для каждого серьезного аналитика очевидно: создание структуры под С. Глазьева, конкурирующей с КПРФ, - это новая «проба пера» «партии власти», чтобы оттеснить компартию с ведущих электоральных позиций на периферию выборного процесса. Трудно сказать, является ли эта ставка главной и окончательной со стороны Кремля. Не исключено, что и данная операция, не получив особо удачной «раскрутки», будет свернута, а Глазьев и другие участники этого предприятия переведены из основного состава команды, играющей в пользу власти, на скамейку запасных игроков. (Сергей Васильцов, Сергей Обухов, «Правда» № 93, 2003 г.)

• I know that he [Bush] and his team are extraordinarily focused? Disciplined and tight-lipped. (Howard Fineman, NEWSWEEK WEB EXCLUSIVE, March 12, 2003)

Я знаю, что он [Буш] и его команда чрезвычайно собранны, дисциплинированы и сдержанны в разговорах.

• The secretary of state is looking pretty grim these days, like a man going through the motions. Might he bail out after a not-too-distant decent interval? Friends say no, he is a team player. (Howard Fineman, NEWSWEEK WEB EXCLUSIVE, March 12, 2003)

Госсекретарь сейчас довольно мрачен, как человек, принуждающий себя выполнять обязательную работу. Отделится ли он после приближающегося значительного перерыва? Друзья говорят нет, он – командный игрок.

Слот 1.2. Соревнования в скорости передвижения

Метафоры, относящиеся к данному слоту, наиболее распространены в политических текстах, посвященных разнообразным выборам, как в отечественном, так и в американском политическом дискурсе. Наиболее высокая частота употребления у слова «гонка» (“race”), причем как в российском, так и в американском дискурсе. Выражение «предвыборная гонка» не обладает яркостью и необычностью, это скорее стертая метафора. Ср.:

• Теперь остается надеяться, что предвыборная гонка, которая официально будет объявлена 5 сентября, обойдется без грязных технологий. (Тимофей Борисов, «Российская Газета» № 166, 2003 г.)

• Two blacks have entered the presidential race... (Nedra Pickler, The Miami Herald 7. 04. 2003) (Два негра включились в президентскую гонку.)

Одна сфера жизни – предвыборная кампания, период, предшествующий голосованию, описывается в терминах другой категории – спортивного состязания. Кандидаты на выборах соревнуются друг с другом подобно спортсменам на беговой дорожке.

Длительная избирательная кампания может описываться также через спортивное понятие «марафон», то есть бег на самую протяженную в спорте дистанцию:

• 53 депутата, представляющие НПРФ в российском парламенте, решили ... проверить готовность региональных штабов к началу предвыборного марафона (Михаил Петров, АиФ № 30, 2003 г.)

• Running for president of the United States is a marathon. We decided we were going to run the first four miles at a 100-yard-dash pace. We decided we're going to run the second four miles at a 100-yard-dash pace. (Joe Trippi, the campaign manager, The New York Times. August 27, 2003) (Выборы президента в Соединенных Штатах это марафон. Мы решили, что пробежим первые четыре мили шагами по 100 ярдов. Мы решили, что пробежим и следующие четыре мили шагами по 100 ярдов.)

... «забег»:

• В последнее время, в преддверии выборов в Государственную Думу, все чаще ставится вопрос о возможности конвертации высокого рейтинга президента В. Путина в рейтинги готовящихся к "забегу" политических партий. (Сергей В. Бирюков, Русский Журнал / Политика / www.russ.ru/politics/20030911-bir.html)

• Wesley K. Clark, the retired four-star general who has been contemplating a run for president, has told close friends that he wants to join the Democratic race. (General Is Said to Want to Join '04 Race. By Michael Janofsky The New York Times. August 28, 2003) (Уэсли К. Кларк, генерал в отставке, обдумывавший возможность участия |забега| в президентских выборах, сообщил узкому кругу друзей, что хочет участвовать в президентской гонке.)

Участники соревнований обычно бегут, но это могут быть и скачки, гонки на велосипедах или автомобилях. Часто зрители делают ставку (stake) на одного из кандидатов.

Примечательно, что само слово «бежать» в российских текстах, посвященных выборам, не встречалось, в текстах не нам не встречались такие фразы, как *Участники губернаторской гонки бегут к финишу (в подобных текстах иногда встречается только слово *забег*). Совершенно иную картину наблюдаем в американских текстах. "To run for president", "an unsuccessful run for the White House" – обычные и чрезвычайно распространенные для американцев словоупотребления.

• Mr. Barry refuses to rule out a future run for political office. (John McCaslin, The Washington Times, April 11, 2003) (Мистер Барри отказывается исключать свое участие |забег| в будущем в выборах на пост, связанный с политической деятельностью.)

• I'm in the Democratic primaries. I'm not running in any other pri-

maries until after I'm the nominee. (Sharpton, USA Today 2003-04-10) (Я участвую в предварительных выборах от Демократической партии. Я не участвую не бегу ни в каких других предварительных выборах до тех пор, пока не стану кандидатом).

Можно поставить под сомнение тот факт, что в приведенных выше примерах глагол “to run” употреблен в метафорическом значении. Одним из наиболее сложных вопросов для тех, кто проводит сопоставительные межкультурные исследования метафоры является вопрос о том, как воспринимают рассматриваемое словоупотребление носители языка. Возможно, то, что исследователь считает метафорой, для носителей языка – норма, привычное словоупотребление. Здесь можно повторить, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, но это отнюдь не всегда осознается нами. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Таким образом, мы считаем, что употребление глагола “to run”, в таком контексте, как, например, “I'm not running in any other primaries” несомненно, метафора, поскольку в первичном значении “to run” имеет смысл «бежать».

Приведем другие примеры метафорического использования лексики соревнований в скорости передвижения:

•... по общему сбору [взяток] обе столицы идут почти ноздря в ноздю (Б. Костиков).

Аналогичный образ, восходящий к скачкам, встречается и в американских текстах:

•... Dean has found it difficult to resist the classic freshman candidate's tendency to talk politics with reporters, instead of leaving that to his aides, trumpeting recent polls that show him running neck-and-neck with Kerry in New Hampshire. (Susan Estrich, WorkingForChange.com 04.04.03) (Для Дина оказалось трудным удержаться от классической для кандидатов-новичков склонности рассуждать с репортерами о политике вместо того, чтобы предоставить это своим помощникам, которые возвещают, что по результатам недавних опросов он идет ноздря в ноздю |шея к шее| с Керри из Нью Гемпшира.)

Слот 1.3. Другие виды спорта

Примеры, относящиеся к этому слоту, при всем своем разнообразии, объединены эмотивными смыслами, связанными с оценкой политической деятельности как сферы, где много далекого от важней-

ших проблем обычных людей, случайного, не подлинного, значимого только для самих участников политической борьбы.

- Он [Юрий Осинцев] должен скрестить свою шагу со шагой Чернецкого (Вл. Мордвинов).

- Окружение Росселя тоже, видимо, посчитало, что противопоставлять сильному Аркадию Чернецкому, который обычно в первом же туре укладывает «на лопатки» любого соперника, деятелей «легчайшего» веса – зря тратиться. (Тарас Белый, «Вечерний Екатеринбург» № 90, 2003 г.)

- Я бы сравнил сложившуюся ситуацию [на губернаторских выборах в Свердловской области] с рингом. Вот есть боксер-тяжеловес, ему противостоит соперник маленького роста и легчайшего веса. И хоть он иногда умудряется наносить противнику болезненные удары в живот, тяжеловесу невозможно отвечать симметрично. По той простой причине, что бить маленьких некрасиво и, с точки зрения зрителей (читай - избирателей), психологически неправильно. (Владимир Жарихин, «АиФ» № 35, 2003 г.)

Подобные примеры нередко встречаются и в американских политических текстах.

- ...Republicans from Midland know that politics is a contact sport. (Richard S. Dunham, Business Week Online May 14, 2003) (Республиканцы из центральных районов знают, что политика – контактный спорт.)

2. Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований»

Слот 2.1. Фавориты, лидеры, аутсайдеры, специализация по видам спорта

В спорте различаются *фавориты* (*favorites*) – это участники соревнований, которых специалисты заранее считают самыми сильными, *лидеры* (*leaders, front-runners*) – это участники соревнований, которые идут первыми на каком-то этапе соревнований и *победители, чемпионы* (*winners, champions*) – они оказываются первыми на финише. Фаворит и даже лидер далеко не всегда оказываются победителями. Иногда хороших результатов добивается *аутсайдер* (*outsider*), который до соревнований или даже на каком-то этапе соревнований оценивался как наиболее слабый участник. В политической жизни нередко встречаются аналогичные ситуации, что позволяет использовать спортивные концепты. Ср.:

- Ю. Осинцева сегодня воспринимают как одного из реальных претендентов на победу в мэрских выборах..., а потому уже сейчас многие политики стремятся к хорошим деловым отношениям с фаворитом (Владимир Мордвинов).

- Лидер партии [«Зеленых» А. Панфилов] называет Э. Росселя безусловным лидером в предвыборной гонке (АиФ № 40, 2002 г.).

Очень похожие образы нередко обнаруживаются при обращении к американским политическим текстам. Ср.:

- In the race to succeed Mr. Miller, Rep. Johnny Isakson, a Republican, is leading the field in fund raising... (Charles Hurt, The Washington Times, April 23, 2003) (В гонке на замещение мистера Миллера республиканец Джонни Айзексон был ведущим игроком на поле в области мобилизации капитала...)

- Largely because of opportunities in these open races, Republicans are the early favorites to retain or expand their current 51 to 49 majority in November 2004. (Recruiting for Senate Races Stumbles at Start. By Helen Dewar. Washington Post. Monday, June 2, 2003) (Преимущественно благодаря возможностям, предоставляемым в этих открытых гонках, Республиканцы быстро стали фаворитами, которые сохраняют или увеличат свое текущее преимущество пятидесяти одного члена против сорока девяти в ноябре 2004 года.)

- ...Mr. Kerry, the present front-runner in New Hampshire... (Donald Lambro, The Washington Times) (Мистер Керри, являющийся в настоящее время лидером бегающим впереди в Нью Гемпшире...)

Слот 2.2. Победитель, призеры, неудачники

При значительном количестве участников по итогам состязаний выявляется чемпион (champion), которому обычно вручается золотая медаль (gold medal), и вице-чемпион (vice-champion) – обладатель серебряной награды (silver award), а также третий призер, который награждается бронзовой медалью (bronze medal). Часто успехом считается уже сам факт попадания в сборную команду, участие в олимпийских играх или престижном чемпионате, сохранение места в лиге первенства страны (другие команды играют в первой, второй и региональных лигах). Хорошо известная структурированность спортивных достижений постоянно метафорически используется в политической речи России и Соединенных Штатов. Ср.:

- Поговаривают, что имидж «человека президента» настолько

прочно закрепился за Кудриным, что, если Путин когда-то решит сменить премьера, у Алексея Леонидовича есть неплохие шансы вырваться наконец за рамки «вечного второго» (Т. Нетреба, АиФ, № 28, 2003 г.)

- В существующих условиях "Союз правых сил" должен приложить массу усилий для того, чтобы занять "одно из призовых мест" в кампании и не допустить монополизации власти в одних руках. (Б. Немцов, 29. 08. 2003, Regions.ru)

- Лидер СПС не преминул высказаться и по поводу старта избирательной кампании в Госдуму России. Сам предвыборный марафон Союз правых сил рассматривает вовсе не с олимпийских позиций, когда «главное участие, а не победа». (26.08.2003, ГТРК «Саратов»)

- Traficant ran from behind the bars as an independent but finished a distant third (The Seattle Times).

- Earlier in the year, Republican pollster Frank Luntz conducted a focus group for MSNBC in New Hampshire among 20 Democrats and independents likely to vote in a Democratic primary. Luntz said that "Kerry started the evening well behind Lieberman," but that after the voters viewed video clips of all the Democratic presidential candidates speaking about national security, a shift occurred. The evening ended with the group favoring Kerry over Lieberman, 16 to 4. (Military Record May Gain Role in 2004 Presidential Race. By Lois Romano. Washington Post. Sunday, May 25, 2003)

- In 1972, he [John Kerry] ran for Congress as a "peace candidate," campaigning so relentlessly that once when an aide came to pick him up, he found Kerry asleep in the shower. Kerry lost, but he won as lieutenant governor of Massachusetts in 1982 and as senator in 1984. (John Kerry: Hunter, Dreamer, Realist. Complexity Infuses Senator's Ambition. By Laura Blumenfeld, Washington Post Sunday, June 1, 2003)

На данном этапе проводимого исследования мы можем сказать, что метафорическое использование лексики квалификации спортсменов и итогов соревнований в российском и в американском политическом дискурсе не имеет заметных различий.

3. Фрейм «Правила игры и наказания»

Слот 3.1. Правила игры

Спортивные игры и состязания подчинены правилам, включающим ограничение игрового времени и пространства, разделение на «своих» и «чужих», определение запрещенных приемов и способов

действия. В политической речи тоже есть свои правила, но там они называются иначе: конституция, законы, соглашения, моральные нормы. Метафорическое употребление спортивной терминологии в политической речи нередко связано именно с необходимостью точно определить правила политической игры. Ср.:

Вместо состязания денежных мешков, «черных» пиарщиков и телекиллеров, вместо произвола избирательных комиссий можно играть по правилам. (Андрей Угланов, Виталий Цепляев. «АиФ» № 37, 2003 г.)

Слот 3.2. Нарушения правил

Случается, что спортсмены нарушают правила ведения игры и состязаний. Особенно осуждаются намеренные нарушения, грубая игра, непорядочное поведение. Авторы политических текстов стремятся перенести негативное отношение к нарушителям спортивных правил на нарушителей правил политической игры. Ср.:

- Президентский фальстарт Глазьева подорвал бы самую идею сильного левого центра и лишил бы общество левоцентристской альтернативы проводимому социально-экономическому курсу. (Александр Мячин, Русский Журнал / Политика / www.russ.ru/politics/20030908-miach.html)

Слот 3.3. Наказания спортсменов

В спорте принята определенная система наказаний за нечестную борьбу: это может быть предупреждение, временное или постоянное удаление с поля, начисление штрафных очков, снятие с дистанции, дисквалификация. Решения, вынесенные спортивными судьями, почти невозможно обжаловать. Зрители всегда сочувствуют спортсменам, ведущим честную борьбу, и осуждают нечестных игроков. Вся эта хорошо известная любителям спорта структурированность слота иногда становится основой для политических метафор. Ср.:

- ...как только Осинцев выставит свою кандидатуру на выборах, тут же и поставить вопрос о его снятии с дистанции. А прецеденты снятия за досрочный старт в Екатеринбурге уже были. (...) Что же следует из факта преждевременного старта Юрия Осинцева? (Вл. Соковнин)

- ... удаление с политического поля КПРФ - неременное условие для возникновения полноценной партии большинства... (Владимир Голышев Русский Журнал / Политика / www.russ.ru/politics/20030916-gol.html)

Метафоры данного фрейма значительно уступают по частотности метафорам, принадлежащим к первым двум фреймам как в российском, так и в американском политическом дискурсе.

4. Фрейм «Спортивное оборудование»

Мы выносим в отдельный фрейм метафоры, объединенные исходной понятийной сферой «спортивное оборудование и место проведения состязаний» - это может быть трамплин (springboard), ринг (ring), стартовая площадка (firing pad) и так далее. Специфические для этих концептов импликации переносятся в новую понятийную сферу «политическая жизнь». Ср.:

- И хотя до выборов еще больше трех месяцев, коммунисты и единороссы явно собираются использовать один из самых любимых праздников [Первомай] в качестве стартовой площадки для отработки методов политпиара... (Анна Закатнова)

- Молодой амбициозный политик [Сергей Глазьев] наверняка рассматривает парламентские выборы как трамплин для выхода в большую политику. (Александр Мячин, Русский Журнал / Политика / www.russ.ru/politics/20030908-miach.html)

- The United States has not given up on Turkey as a springboard for American forces in a war against Iraq even though the Turkish parliament so far has rejected the idea. (Secretary of State Colin Powell, Washington Post, March 16, 2003)

Представленные материалы показывают, что разнообразные выборы – основное направление метафорической экспансии спортивных концептов в политическую сферу. Предвыборная кампания рассматривается как спортивное состязание, соревнование в скорости передвижения, как гонка, где есть фавориты, лидеры и аутсайдеры, победители и проигравшие, где победивших награждают призами. Предвыборная кампания, как и спортивное мероприятие, ведется по правилам, необходимы строгие правила честного соперничества, хотя некоторые участники состязания эти правила нарушают и могут быть наказаны.

Показательно, что большинство метафор, связанных с исходной понятийной сферой «спорт», в отличие от военных, криминальных и морбиальных метафор, не имеет негативного прагматического потенциала, хотя сама по себе отрицательная оценка в подобных текстах вовсе не исключена. Спорт в российском и американском национальном сознании воспринимается как социально одобряемая

сфера состязательности, которая заложена в человеческой природе, в стремлении личности к самовыражению. Соответственно спортивная по сфере-источнику метафора в политическом дискурсе несет на себе своего рода «отпечатки» эмоционального отношения авторов к участникам спортивных состязаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
4. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
5. Каслова А.А. Концептуальная метафора в российских и американских текстах, посвященных выборам президента // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002, Т. 8.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
7. Леонтович О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, 2003.
8. Муране С.Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб, 2001.
9. Скребцова Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // Respectus philologicus, 2002, №1.
10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001.
11. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.- Волгоград, 2000.
13. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Ек. 2001, Т. 7.
14. Шудегова Е.А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Ураль-

ского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002, Т.

15. 8.Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Galf // D.Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.

РАЗДЕЛ 2. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

МУХИН Н.Ю.

ВВОДНЫЕ СЛОВА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРА ХУДО- ЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Вводные компоненты, являясь редуцированными вариантами модуса, выражают мнения говорящего, его оценки, его отношение к действительности, «вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [Виноградов 1975: 70,71].

Следовательно, по принципу обратной связи, они выдают черты его психологического склада, особенности его характера; его оценки создают возможность догадки о его внутреннем мире, духовном и психическом устройстве, системе ценностей, о его вкусах, привычках, предпочтениях — о говорящем как личности. Если «наличие в высказывании вводного компонента представляет прямое указание на то, что говорящий «видит» перед собой адресата» [Лекант 1998: 5], то, очевидно, и адресат «видит» говорящего и может интерпретировать его мотивы, интенции, способ мышления, ценностные установки, видение мира: «отдавая предпочтение тому или иному языковому знаку, говорящий субъект тем самым эксплицирует отличительные черты своей «картины мира»...» [Волкова 1998: 17].

По мнению Ю.Н.Караулова, «изучая лексикон языковой личности, мы с неизбежностью вторгаемся и в ее картину мира и в то же время устанавливаем прагматические векторы, характеризующие ее

позицию в мире» [Караулов 1987: 137]. Не значит ли это, что через вводные слова художественного текста «просвечивает» личность его создателя — автора-человека, что можно по ним моделировать его психологический портрет, интерпретировать его сознание?

С очевидностью утверждать возможность создания портрета автора исходя из языковых особенностей созданных им текстов — определенным образом «мешает» проблема *образа автора*, которая по-разному ставилась и решалась и в литературоведении, и в лингвистических исследованиях (диалектическое расслоение художественного «Я», структура *образа автора* — у В.В.Виноградова; теория *полифонии* М.М.Бахтина; проблема *точки зрения* — у Б.А.Успенского, Ю.М.Лотмана; выделение *ипостасей* субъекта говорящего — у Е.В.Падучевой; проблема *языковой личности* — у Ю.Н.Караулова, т.д.). Основные положения, принятые современной наукой, можно представить следующим образом.

Язык художественного произведения — не одно и то же, что разговорный язык и определенным образом трансформирован, что обусловлено неполноценностью (неканоничностью) коммуникативной ситуации «автор — читатель»: читатель имеет дело с текстом, а с автором — лишь опосредованно; автор отделен от читателя во времени и пространстве и не может служить для него ориентиром референции, как в полноценном (каноническом) общении. По этой же причине нельзя отождествлять говорящего в разговорном языке и автора-создателя художественного текста: «В художественном произведении собственно авторская речь... является в той или иной степени условной, т.е. не допускающей прямолинейного отождествления с языком подлинного автора произведения» [Штокмар 1960: 136-137]. Нельзя проводить прямого соответствия и по причине того, что автор создает вымышленный мир, к которому сам не принадлежит, в отличие от говорящего, который и говорит, и существует в мире реальном. Поэтому в художественном тексте говорящий — не сам автор, а его аналог — *повествователь*, субъект сознания и речи (диегетический, принадлежащий миру текста; экзегетический, не входящий в мир текста); или *рассказчик*, если повествователь является персонажем текста; или *наблюдатель*, если он занимает подчеркнуто внешнюю позицию при описании других персонажей.

Таким образом, «оценки и мнения, которые автор вложил в свое произведение, могут лишь косвенным образом отражать подлинные

оценки и мнения данного писателя», «какие из них разделяются автором, а какие — вымышлены так же, как и фабула, — это проблема, которая представляет интерес для историка литературы, но не имеет смысла для лингвиста: ее нельзя решить на основе одного только смысла текста...» [Падучева 1996: 201, 215]. С другой стороны, тут же указывается, что «целостность структуры и композиция художественного текста обеспечивается, в конечном счете, единством стоящего за ним сознания», «текст неотделим от своего создателя, говорящего» [Падучева 1996: 200, 217] — чье же это сознание, если не автора-создателя?

Понимая всю сложность этой проблемы, мы тем не менее считаем, что употребление вводных компонентов разными авторами отличается именно в силу своеобразия их личностей, а не определяется только прагматическими или художественными задачами. По мысли Ю.Н.Караулова, «если логику образа ... автор в состоянии контролировать, то логика лексикона строится им бессознательно» [Караулов 1987: 136]. Можно также предположить, что использование вводных компонентов зависит и от привычки, положительной или отрицательной комплиментарности, безотчетного, бессознательного предпочтения одних слов другим. Несмотря на существующую проблему образа автора и его ипостасей — повествователя, рассказчика, персонажа — за ними стоит единое сознание автора-творца, а текст, действительно, неотделим от своего создателя.

В результате сравнительного исследования частотности и характера употребления вводных компонентов в произведениях В.Набокова и М.Булгакова нам удалось выяснить, что эти признаки во многом определяются именно индивидуальными свойствами автора и являются показательными чертами его авторской манеры. Материалом исследования послужили вводные компоненты и, соответственно, фразы, их содержащие, извлеченные сплошной выборкой из шести романов В.Набокова: «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Подвиг», «Камера обскура», «Отчаяние», «Дар» — и произведений М.Булгакова: «Белая гвардия», «Собачье сердце», «Театральный роман», «Жизнь господина де Мольера», «Мастер и Маргарита» (суммарный объем произведений обоих авторов практически равен).

Разделением слов по авторской и прямой речи можно пренебречь, так как исследование показало, что характеризующие персонажей слова являются статистически незначимыми, т.е. малочастотны-

ми и не влияющими на общую картину; в то время как частотные, статистически значимые слова уже в силу этой причины не могут быть характеризующими; их употребление, вероятно, привычно для авторов и мало отличается в этом смысле от функционирования в авторской речи.

Различия в употреблении вводных слов послужили основой для следующих (разумеется, субъективных) предположений о психологических особенностях писателей.

Вводные компоненты, использованные М.Булгаковым, показывают его как экстравертную, обращенную вовне, активную личность, вовлекающую читателя в создаваемый ею мир. Автору необходим собеседник-слушатель, которому очень нужно рассказать о важном для себя и сообщить свою эмоцию (собственно, история Мастера или вся «Жизнь господина де Мольера» — это рассказ конфиденту). Подтверждением этому могут служить несколько наблюдений:

— значительно бóльшая по сравнению с В.Набоковым (392 фиксации против 247) частота модальных слов категорической достоверности (КОНЕЧНО, НЕСОМНЕННО, В САМОМ ДЕЛЕ, и под.), что позволяет предположить бóльшую внутреннюю уверенность М.Булгакова и вероятную склонность к убеждающему воздействию на окружающих;

— повелительное наклонение свойственных М.Булгакову, в отличие от В.Набокова, фатических слов ПОЗВОЛЬ(ТЕ), ВООБРАЗИ(ТЕ), ПОЙМИ(ТЕ), СОГЛАСИТЕСЬ, ПРЕДСТАВЬ(ТЕ), обнаруживающее волевую интенцию автора: *А затем, **представьте себе**, наступила третья стадия — страха. Нет, не страха этих статей, **поймите**, а страха перед другими, совершенно не относящимися к ним или к роману вещами.* (Мастер и Маргарита);

— частотное употребление М.Булгаковым вводных слов, выражающих чувства, что указывает на внешнее проявление эмоций, характерное для экстраверта, и склонность подчеркивать при помощи дополнительных уточнителей (например, К ВЕЛИКОМУ СОЖАЛЕНИЮ, К ПОЛНОМУ УДИВЛЕНИЮ, т.д.) силу, полноту этих чувств, что абсолютно несвойственно для В.Набокова: *Варенуха немедленно соединился с интуристским бюро и, к полному удивлению Римского, сообщил, что Воланд остановился в квартире Лиходеева.* (Мастер и Маргарита). ...милиция вошла в его каби-

нет, к исступленной радости Анны Ричардовны и к великому недоумению зря потревоженной милиции. (Мастер и Маргарита).

М.Булгаков динамичен, его сфера — развитие, действие, при нежелании задерживаться на предмете или явлении, описывать их многосторонне, глубоко, «изнутри» — об этом может говорить преимущественное использование вводно-союзных компонентов КРОМЕ ТОГО, БОЛЬШЕ ТОГО (94 фиксации против 30 у В.Набокова). Употребление М.Булгаковым этих компонентов «оставляет» предыдущую ситуацию позади, «за кадром»; повествование устремляется к сообщению новой информации, не связанной с предыдущей, детали которой остаются неизвестными; авторская мысль движется дальше.

Идея о «диалогичности» вводных слов принадлежит В.В.Виноградову, который обратил внимание на то, что «многие выражения... носят ярко выраженный отпечаток диалогической речи» [Виноградов 1975: 71]. Впоследствии идея эта была плодотворно развита в исследованиях по проблемам вводности.

Потому бóльшая в целом изобретательность М.Булгакова в выборе вводных слов (например, в группе слов категорической достоверности он использовал 28 различных компонентов, тогда как В.Набоков лишь 8; в группе вводно-авторских — ПО-МОЕМУ, ПО-ВАШЕМУ, ПО СЛОВАМ... — 22 против 15; в группе вводно-обобщительных — КАК ПРАВИЛО, КАК ОБЫЧНО, ПО СВОЕМУ ОБЫКНОВЕНИЮ... — 8 против 3, т.д.) может говорить о направленности, «игре» на читателя, «вживании» в образы персонажей, некотором актерстве, стремлении к диалогу с читателем. На это же косвенно может указывать тот факт, что из абсолютных синонимов НАПРОТИВ и НАОБОРОТ (*В противоположность сказанному или ожидаемому* (БТС)) с явным преимуществом М.Булгаков предпочитает НАОБОРОТ (16 и 4 соответственно), более «простое», более уместное в разговорной речи.

Для читателя предназначены также и метки, вехи в повествовании, которые вводятся М.Булгаковым при помощи компонентов СЛОВОМ (47 против 12 у В.Набокова), ИТАК (30 против 6).

Вводный компонент СЛОВОМ сигнализирует о переходе к другому, обобщающему, способу выражения (*употребляется для краткого обобщения сказанного, = КОРОЧЕ ГОВОРЯ* (БТС)). Очень часто СЛОВОМ выступает в роли межфразового со-

юзного средства, предваряющего переформулирование изложенного. Частотное употребление, видимо, может свидетельствовать о страсти М.Булгакова к подведению промежуточных итогов, помогающих читателю ориентироваться в пространстве произведения. С той же целью используется компонент ИТАК, который является одним из организующих элементов традиционного повествования: *Грохот золотых тарелок в джазе иногда покрывал грохот посуды, которую судомойки по наклонной плоскости спускали в кухню. Словом, ад.* (Мастер и Маргарита). *Как бы ни было поставлено дело в Орлеане, твердо известно, что степень лиценциата прав Жан-Батист получил. Итак, нет больше мальчишки в воротничке, и нет схоластика с длинными волосами.* (Жизнь... Мольера).

Вводные слова, использованные В.Набоковым, представляют его личностью иного типа.

Притчей во языцех является поразительная наблюдательность, любопытство В.Набокова к событиям и явлениям окружающего мира, бытовым сценкам, деталям интерьера, мелочам и тонкостям, недоступным обычному зрению. Смеем, однако, предположить, что это свойство набоковского взгляда служило главным образом необходимым инструментом для творчества, эстетической огранки, воплощения в слове: явления действительности не представляли интереса для В.Набокова, если не становились предметом и фактом искусства.

Вряд ли, следовательно, указанная особенность дает основание для вывода о его экстравертности, направленности во внешний мир. Напротив, способность глубокого, полного погружения в творчество, в мир, создаваемый собственной фантазией; затворничество, необходимость говорят об интровертности личности автора — как, впрочем, и вводные компоненты, которые он использовал.

Об интровертности В.Набокова может свидетельствовать преимущественное употребление лексики проблематической достоверности (БЫТЬ МОЖЕТ, ВЕРОЯТНО, КАЖЕТСЯ, ДОЛЖНО БЫТЬ и под.), которую В.Набоков использовал почти в три раза чаще, чем слова группы категорической достоверности (699 и 247 фиксаций соответственно). Такое преобладание может означать внутреннюю неуверенность, нерешительность, склонность к сомнениям, предположительным оценкам, которые характерны для самоуглубленного, рефлектирующего сознания.

Показательно, что из слов, выражающих модус мнения только на основе логического вывода, В.Набоков чаще всего использует ДОЛЖНО БЫТЬ (54 фиксации), отсутствующее в текстах М.Булгакова, а М.Булгаков явно предпочитает ОЧЕВИДНО (36 против 8 у В.Набокова), относящееся в микрополе вероятности к уровню высокой степени вероятности, более «уверенное», чем набоковские ВЕРОЯТНО и ДОЛЖНО БЫТЬ.

В.Набоков, как уже было показано выше, вообще гораздо меньше М.Булгакова заботился о разнообразии в употреблении вводных компонентов. Даже в группе модальных слов проблематической достоверности, которые он использовал в 1,7 раза чаще (699 против 415 у М.Булгакова), во всех его текстах зафиксировано 20 различных компонентов, в то время как у М.Булгакова 23.

Значительно меньшее разнообразие в выборе может означать некоторую отстраненность от читателя: если М.Булгаков — активный собеседник, обращающийся к читателю, напрямую призывающий его к общению, то В.Набоков — повествователь, поддерживающий с читателем опосредованный контакт. Загадки и ловушки, щедро рассыпанные В.Набоковым на страницах его произведений, свидетельствуют вовсе не о желании равного диалога, как обычно принято считать, а, скорее, о его любви и привычке к интеллектуальным играм (что опять-таки свойственно интровертному типу) и демонстрации собственного превосходства (на фоне, заметим, реально существующей внутренней неуверенности).

Об отстраненности от читателя, меньшей «диалогичности» говорит и то, что, в отличие от М.Булгакова, использующего вводные слова с разговорной окраской (СТАЛО БЫТЬ, НАТУРАЛЬНО, др.) у В.Набокова можно встретить только нейтральную лексику: например, слово НАПРОТИВ он явно предпочитает «более разговорному» НАОБОРОТ (21 и 2 соответственно).

Для интровертного типа В.Набокова очень большую ценность представляет прошлое, воспоминания, в отличие от экстравертного, существующего «здесь» и «сейчас». Неслучайно поэтому предпочтительное употребление им компонента БЫВАЛО (38 против 7 у М.Булгакова). По «Другим берегам» можно судить о том, какая у него была яркая, цепкая, внимательная память, помнящая мельчайшие детали, картины, цвета, даже запахи. Многие другие произведения В.Набокова содержат автобиографические черты: в «Машеньке»

очевидным образом описывается история первой любви; в «Защите Лужина» автор прибегает к воспоминаниям детства, повествуя о жизни главного героя в загородном доме, учебе в гимназии; в «Подвиге» актуализируются крымские впечатления и годы учения в Кембридже; роман «Дар» автобиографичен насквозь. Вряд ли такие сочные, полнокровные, в то же время детально точные воспоминания были бы мыслимы без постоянного возвращения к ним, без воспоминания как процесса.

Характерно для В.Набокова и относительно более слабое внешнее выражение чувств — на это указывает менее частотное и «сухое» по сравнению с М.Булгаковым (без усиливающих распространителей) употребление компонентов эмоциональной оценки.

Интровертному сознанию свойственна склонность к углублению в суть вещей, к пристальному, внимательному рассмотрению явлений, о чем свидетельствует употребление синонимичных вводно-союзных компонентов ВПРОЧЕМ, ОДНАКО и С ОДНОЙ (ДРУГОЙ) СТОРОНЫ (близкие значения *противопоставления, ограничения* (БТС)), намного более частотных у В.Набокова (всего в авторской речи 190 против 64 у М.Булгакова, которому, как показано выше, свойственны «динамичные» КРОМЕ ТОГО, БОЛЬШЕ ТОГО). В.Набоков склонен рассматривать события, явления с разных сторон, многопланово, диалектично, не упуская ситуацию из виду, задерживаясь на ней. Такой «исследовательский» подход можно назвать статичным: не действие само по себе, а любовное отношение к деталям, тонкостям, эстетическое наслаждение, получаемое от них, важны для В.Набокова.

Подводя итоги, нужно сказать, что источники наших знаний о личностях больших художников, как и сама история, в большой степени мифологичны, и частные попытки воссоздания индивидуальных черт авторов через интерпретацию употребления вводных компонентов — иногда подтверждают устоявшиеся представления, иногда входят в противоречие с привычными оценками, не совпадают с ними — но во всяком случае кажется ясным, что это путь не упрощения, а обогащения, дающий пищу уму и позволяющий — на стыке знания и сомнения — двигаться дальше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М.,:

Изд-во АН СССР, 1975.

2. Волкова Л.Г. Фатическая функция и синтаксические средства ее реализации...: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. — Томск, 1998.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.

4. Лекант П.А. Коммуникативно-прагматическая категория вводности. // Вопросы лингвистики. Межвузовский сборник научных трудов. — М. 1998.

5. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). — М., 1996.

6. Штокмар М.П. Анализ языка и стиля как средство атрибуции // Вопросы текстологии. — 1960. — Вып.2.

ХАБИБРАХМАНОВА Ю.Р.

КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ЖАНРЕ ОЧЕРКА

Вопрос о категории модальности, ее разновидностях и средствах выражения остается одним из проблемных вопросов современной лингвистики. Большинство языковедов как отечественных, так и зарубежных признают исключительно важное значение категории модальности для образования не только предложения, но и самого текста.

Под модальностью мы понимаем функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также сообщаемого. К сфере модальности относятся: противопоставление высказывания по характеру их коммуникативной целеустановки (утверждение - вопрос - побуждение); противопоставление по признаку «утверждение - отрицание»; градации значений в диапазоне «реальность - ирреальность» (реальность - гипотетичность - ирреальность); разную степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у его мысли о действительности; различные видоизменения связи между подлежащим и сказуемым, выраженные лексическими средствами («хочет», «может», «должен», «нужно») и др.

Большинство исследователей дифференцируют категорию модальности. Так, на основании кантовской классификации видов логических модальностей - проблематическая, ассерторическая и апо-

диктическая - Г.В. Колшанский [Колшанский Г.В. 1961: 94-102] в своей работе выделяет три вида модальных значений: возможности, действительности и необходимости - и интерпретирует эту категорию как отношение высказывания к действительности. По этому же принципу выстраивает свою классификацию модальных значений и В.З. Панфилов [Панфилов В.З. 1971: 174-184]. Он выделяет два типа значений модальности, которой придерживаются многие исследователи: объективная (онтологическая) и субъективная (персуазивная). Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществляемости и осуществленности) и ирреальности (неосуществленности). Субъективная модальность - оценку со стороны говорящего степени познанности этих связей, т.е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию. Кроме того, субъективная и объективная модальности могут сосуществовать, взаимодействовать друг с другом в рамках одного высказывания, но не перекрещиваться.

Наша работа прежде всего будет посвящена категории субъективной модальности, которая выражает лишь ту оценку адекватности отражения данной ситуации, которая дается субъектом мысли.

В современной лингвистике, занимающейся изучением категорией субъективной модальности, во главу угла встает вопрос о средствах выражения данной категории. Одни исследователи (И.И. Мещанинов, В.В. Виноградов, В.З. Панфилов, Г.В. Колшанский, А.В. Бондарко, И.В. Пляскина и др.) считают, что основными средствами выражения субъективной модальности являются вводно-модальные слова, так как они составляют собой комплекс языковых средств, выражающих определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности. Так, А.В. Бондарко [Бондарко А.В. 1971] относит вводно-модальные слова (модальные частицы и фразы) к ядерным средствам выражения модальности - это те средства, которые передают основное модальное значение. Тогда как порядок слов, интонация, целевая установка предложения, тип синтаксической конструкции определены им как дополнительные средства, находящиеся на периферии модальности.

По мнению Г.Я. Солганика [Солганик Г.Я. 1984: 12-20], субъективная модальность появляется в предложении с личным местоимением *Я*. Это объясняется тем, что речь всегда лична, персонализированна, эгоцентрична. В то время как язык, будучи системой знаков,

принципиально безличностен, он обращен к миру вещей и понятий. И только в речевом акте происходит «субъективизация» языка, превращение в речь. Все же остальные средства субъективной модальности (интонация, словопорядок, специальные конструкции, повторы, частицы, междометия, вводные слова и вводные сочетания слов, вводные предложения) - вспомогательные и «объединяются тем, что непосредственно, прямо и эксплицитно обнаруживают личность, присутствие говорящего» [Солганик Г.Я. 1984: 15].

Существует еще одна точка зрения на эту проблему, высказанная И.Р. Гальпериным [Гальперин И.Р. 1981: 113-124]. По его мнению, прямым и непосредственным выразителем субъективно-оценочной модальности высказывания является эпитет и междометия, а также сравнения, определения. Все данные средства модальности он рассматривал на уровне текста, так как они образуют магнитное поле, к которому приковано внимание читателя.

Мы видим, что средства выражения субъективной модальности функционируют на всех уровнях текста:

Фонетический уровень - интонация;

Грамматический - части речи (местоимения, вводно-модальные слова, междометия, частицы);

Лексический - тропы (эпитеты, сравнения, метафора, ирония, повторы);

Синтаксический - словопорядок, вводные конструкции, инверсия;

Уровень текста - образ автора.

Исходя из этого, основная задача нашей работы будет заключаться в выявлении **средств выражения** субъективной модальности и специфики их функционирования на материале политического очерка (прежде всего, одной из его жанровых разновидностей – политического портрета). При этом будет уточнена и выстроена **иерархия** средств выражения в соответствии со значением тех или иных уровней текста для реализации субъективной модальности и воплощения авторской оценки, отношения, и, в итоге - авторской концепции всего текста.

На материале нескольких очерков «Министр самообороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе», «Кровавый октябрь», «Юрий Осинцев: «Нельзя управлять Екатеринбургом постарому» мы попытались рассмотреть, как выражается (реализуется)

субъективная модальность на различных уровнях текста.

Прежде всего рассмотрим фонетический уровень текста, который представлен интонацией:

а) наличие пауз в тексте, указывающих на повышенную эмоциональную окрашенность высказывания:

На входе в здание его встретил наряженный в нарядный генеральский мундир Бурлаков, - рассказывает Коржаков, - преувеличено чеканя шаг, он подходит к президенту и неестественно громким голосом с использованием эпитетов типа «глубокоуважаемый товарищ главнокомандующий» делает доклад.... У Бориса Николаевича от удивления аж слезы выступили».

Здесь субъективная модальность выражена с помощью паузы (графически оформление - многоточие), которая помогает создать иронический эффект, акцентировав внимание на последующем высказывании, и, в итоге, дать оценку происходившему, исходящую из уст свидетеля данного события.

б) эмоционально нагруженные предложения:

А то его пресса совсем заклевала, у человека суицидальное настроение!

В приведенном примере через субъективную модальность, помимо повышенной экспрессии, предложению придается смысловая нагрузка: говорящим (Александром Коржаковым) дается оценка депрессивного состояния «бедного, затравленного» Павла Грачева – министра обороны РФ.

2. Грамматический уровень:

а) наличие личного местоимения «Я»:

Мол, так и так, теперь, получается я вам подчиненный. Скажу честно, я предпочел бы остаться им и в дальнейшем.

В данном примере субъективная модальность прежде всего представлена местоимением *Я*, с помощью которого говорящий стремится сосредоточить внимание собеседника на своей личности, пусть и в такой уничижительной форме. И здесь происходит совпадение субъекта речи и производителя: субъект речи – типизированное публицистическое Я с характерными индивидуальными оттенками.

б) наличие вводно-модальных слов:

1) со значением предположения (неуверенность):

У него, наверно, еще с детства в печенках сидел ужас перед силовыми органами: генералитетом и верхушкой КГБ.

2) со значением уверенности говорящего в то, что он говорит:

Из всех заявившихся на сегодняшний день многочисленных кандидатов в мэры Екатеринбурга необходимым требованиям, бесспорно, отвечает только один человек – вице-премьер правительства Свердловской области <...> Юрий Осинцев.

В этом примере говорящий, употребляя водно-модальное слово «бесспорно», претендует на полное знание о предмете речи, сомнений в выборе одного из возможных вариантов у него нет и не должно быть у его собеседника, точнее, возможность выбора у собеседника как раз отсутствует.

3) вводные слова со значением эмоциональных реакций (сожаление, радость, одобрение, положительная и отрицательная оценки и т.д.):

Но, к сожалению, за последние годы оно там фактически развалилось.

4) вводные слова со значением структурирования, организации текста, которые определяются автором очерка:

Следовательно, Павлу Сергеевичу предстоит пройти процедуру утверждения в Госдуме.

С помощью вводного слова «следовательно» автор «заостряет» внимание читателя, так как, по его мнению, именно здесь подводится некий итог, оценка сложившейся ситуации.

в) междометия – иногда способны выражать субъективно-оценочное отношение автора к предмету мысли и тем самым окрашивает высказывание в целом:

Увы, но в данном случае насмешка в цель не попала.

Субъективная модальность, представленная междометием, привносит в предложение значение сожаления с вкраплением отрицательной оценки.

3. Лексический уровень

а) Эпитет – выполняет функцию характеристики того объекта, к которому относится:

А учитывая репутацию Грачева, он это «чистилище» может и не пройти.

Именно эпитет «чистилище» дает точную характеристику процедуре утверждения в Госдуме и подчеркивает оценку говорящего к возможному происходящему.

б) Метафора:

В первое время Грачеву удалось удерживать свое положение при ельцинском дворе благодаря протекции других людей.

В приведенном примере субъективная модальность выступает в виде метафоры, которая имеет скрытый смысл и несет в своей семантике отрицательную оценочность, которая содержит к тому же элемент иронии.

4. Синтаксический уровень

а) словопорядок – инверсия: вынесение на первое место дополнение:

За министерское долгожительство Павла Сергеевича и моральный комфорт Бориса Николаевича России и ее армии пришлось заплатить фантастически высокую цену.

В приведенном примере инверсия усиливает смысловую нагрузку и придает высказыванию эмоционально-экспрессивную оценку: подведение «печальных» последствий такого политического союза.

б) синтаксические повторы (сочинительные союзы и (а)):

Одним словом, все довольны. И руководство «Рособоронэкспорта», иногда пользующееся услугами столь замечательного политветерана. И сам Павел Сергеевич, пребывающий на столь почетной и комфортной пенсии.

Все три приведенных предложения можно представить одним сложноподчиненным, где второе и третье являлись бы сложносочиненными и раскрывали бы смысл первого предложения. Автор намеренно разделил их для того, чтобы сконцентрировать внимание читателя на том, «кому на Руси жить хорошо», и тем самым выразить свою оценку.

в) многократное усиление отрицание:

Но против смиренного, вежливого, ни на что не претендующего Грачева никто не возражал.

Повторение отрицания способствует созданию экспрессивного синтаксиса и выражению эмоционального отношения автора к происходящему.

г) парцелированные конструкции:

Террор по понятным причинам исключался. А денег не было.

В данном примере начальная *А* находится в препозиции второго предложения и тем самым способствует смысловому и структурному выражению субъективной модальности. С помощью такого построения автор придает всему предложению особую эмоционально-

экспрессивную нагрузку.

д) вставные (вводные) конструкции:

Вскоре парочку позвали в «зал политбюро» - отдельное помещение для самых высших сановников.

Все вышеназванные средства выражения субъективной модальности реализуются посредством возможностей экспрессивного синтаксиса, автор старается сосредоточить внимание читателя на том или ином «магнитном поле» и дать свою оценку происходящему.

Анализ системы языковых средств выражения субъективной модальности уже на материале нескольких политических очерков показал, что модальность способствует созданию авторской концепции, которая реализуется через ту или иную «картину мира», задавая ее как действительную/ возможную/ желательную. Таким образом, отношение автора к изображаемому фрагменту действительности оказывает воздействие на формирование читательских умозаключений.

Итак, средства выражения модальности на всех уровнях текста способствуют манифестации личности автора, его мировоззрения, эмоционального настроения и вместе с тем выполняют коммуникативную функцию воздействия на сознание адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. №1. – С. 94-102.

2. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. – М., 1971. – С. 174-184.

3. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике / Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1971.

4. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста / Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII – XIII. – М., 1984. – С. 12-20.

5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 113-124.

6. Ростовский М. Министр самообороны Павел Грачев: секреты выживания на политолимпе // Московский комсомолец. 2003. № 47. – С. 8.

7. Попов Г. Кровавый октябрь // Аргументы и факты. 2003. № 42. – С. 12.

8. Родионов А. Юрий Осинцев: «Нельзя управлять Екатеринбург по-старому» // АиФ – Урал. 2003. №43. – С. 20

ШИНКАРЕНКОВА М.Б.

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В РОК-ПОЭЗИИ

Литературу XX века характеризует диалогизм художественного мышления, наиболее ярко проявивший себя в творчестве поэтов 70-80 годов (А. Тарковский, Д. Самойлов, И. Бродский, В. Высоцкий), от которых он и был принят современными рок-авторами. Диалогизм в поэзии русских рок-авторов принял формы антиномии и стал ведущим принципом их художественного мышления. Так Н.К. Нежданова отмечает: «Диалогизм обусловил ведущий принцип художественного мышления рок-поэтов – антиномию. Антиномичность в свою очередь проявилась в разветвленной системе оппозиций, антитез, амбивалентных образов. Основная антиномия выражается в противопоставлении двух начал, двух миров: мира «потерянного поколения», которое «молчит по углам» (К. Кинчев) и мира тех, кто «умеет летать» [Нежданова Н.К. 2000.]

В своей работе мы расширили традиционное понимание антиномии в рок-поэзии и на уровне субъектно-объектных отношений выделили не одну, а две антиномические пары, наиболее полно представляющие структуру художественного мира русской рок-поэзии. Во-первых, это типичная для российского общества оппозиция: *мы* (обычные люди, население, жители этого мира) и *они*: те, кто против нас, те, кто управляет нами, страной, миром. Вторая антиномическая пара также традиционна для русской культуры: это романтическое противопоставление художника толпе, обыденному сознанию. Лирический герой рок-поэзии – это неординарная личность, необычайно чуткий, восприимчивый, страдающий от мирового несовершенства человек, имеющий доступ к идеальному знанию, к которому он стремится. Таким образом, вторую антиномическую пару можно обозначить, как «*я-мы*». Отметим, что мы не случайно используем местоимение *мы* для обозначения серой массы, толпы, общества в целом, мы хотим подчеркнуть, что лирический герой (*я*) рок-поэзии является частью этой толпы, он только пытается вырваться из неё и он один из немногих, кто видит и осознает ужас этого мира.

Наиболее ярко антиномичность художественного мышления русской рок-поэзии выразилось в зооморфной метафорической модели.

Использование зооморфных метафор традиционно для мифоло-

гической, фольклорной и литературной русской и мировой культуры. Авторы рок-поэзии, следуя традициям, активно используют зооморфную метафору.

В ходе исследования мы выявили, что данная модель метафоры – одна из самых распространенных и продуктивных в русской рок-поэзии. Мир, окружающий лирического героя, дик и бездушен, отношения между людьми строятся по звериному закону, каждый человек в этом мире *зверь*.

Сытый голодному не товарищ
Это аксиома, верь не верь
Каждый из них был постоянно голоден,
В каждом из них жил *зверь*

(Армия Жизни К. Кинчев)

В каждом из нас спит *волк*
В каждом их нас спит *зверь*
Я слышу его *рычание*
Когда танцую

(Звезды останутся здесь. В. Цой)

Отличительная особенность зооморфной метафорической модели в том, что она чаще выполняет прагматическую функцию экспрессивного образного средства, используемого как воздействующая сила. В русском языке большинство метафорических образов животных направлено на «дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Скляревский Г.И. 1993: 91].

В нашей работе мы попытаемся описать зооморфную метафорическую модель, широко используемую в русской рок-поэзии и наиболее полно выражающую антиномичность ее художественного мышления на примере когнитивного анализа антиномической пары «я» - «мы».

Я

Лирический герой, представитель рок-культуры чаще предстаёт в двух образах *кота* и *птицы*. Несмотря на некоторую противопоставленность этих образов, рок-авторы не случайно используют их рядом, так как именно они в русской культуре традиционно символизируют свободу, к которой так стремится рок-герой.

Ты *кошка*, которая гуляет *сама по себе*.

(Кошка № 1. Д. Арбенина)

Когда-то он был независим и светел
Крылат и свободен ночью и днем.

(Харон. Археология)

Кот, который гуляет сам по себе, завоевывает, метит свою территорию, свободен – у него нет хозяина.

Каждый из них был *котом*

(Армия жизни К. Кинчев)

Он ставил свои метки, как *кот* на заборе

(Снова в Америку. Кинчев)

Отметим, что данный образ лишен агрессии, кот – это домашнее животное, некогда прирученное человеком, а теперь выброшенное им на произвол судьбы. Жизнь *бездомного кота* тяжела, он лишен ласки, тепла, он должен бороться за свою территорию, за право жить. И, как правило, в этом мире он одерживает поражение. Лирический герой стремится к независимости, но в этом мире она достигается ценой жизни.

Свернувшись в клубок, как *бездомная кошка*
Задумчивый мальчик сидит на песке.

(Харон. Археология)

Я *ободранный кот*,
Я повешен шпаной на заборе.

(Кот. В. Шахрин)

Использование метафорических образов птиц в рок-поэзии традиционно: как правило, птицы символизируют красоту, силу, свободу. Носителями данных качеств являются представители рок-культуры: они сильны, их глаз зорок.

Наиболее распространенными являются такие традиционные для русской и мировой культуры образы птиц, как *сова*, *филин*, символизирующие мудрость, *стерх* – силу, *снегири* и *клесты* – религиозность, веру, *голубь* – мир.

Допустим, я – *ночная птица*, скажем, я – *сова*,
Мне по ночам не спится, я делаю слова...

(Делай свое дело. А. Романов)

По бурелому ветра понесут
Стаи расхристанных...

Эй, *птицы-синицы*, *снегири да клесты*
Зачинайте заутреннюю!

(Жар бог шуга. К. Кинчев)

А я пропала без вести в японских лагерях
Пропала *голубем, синицей* в руке.

(31-ая весна. Д. Арбенина)

Но и эти традиционные образы наделены прагматическим потенциалом немощности, ущербности, неспособности: *сове* не спится, *снегири да клесты* – расхристанные, *стерх* раненый, *голубь* пленный.

Я поднимаю глаза, я смотрю наверх.

Моя песня – *раненый стерх*.

(Стерх. К. Кинчев)

Не случайно, чаще всего птицы эти бескрылые, они насильно лишены своего главного оружия – крыльев, а значит, свободы, силы.

Нас построили новым порядком чуть свет

Мы похожи на *стаю бескрылых* птиц.

(Ветер надежды. А. Макаревич)

Оторваны крылья, завязаны руки.

Сидит обессиленный мальчик Харон.

(Харон. Археология)

Порваны крылья, мне уже не летать,

Не разбежаться, и даже просто не встать.

(Их там нет. Археология)

Состояние несвободы рок-героя подчеркивается и использованием таких метафор, как *сеть*, *клетка*.

Я прожил жизнь, я *попался в сеть*

И я уже не боюсь умереть в эти странные дни.

(Странные дни. Зоопарк)

Отметим, что рок-героя насильственно лишен свободы, он стремится к ней, но пока он обречен на поражение, вымирание, что актуализируется в таких метафорах, как *красная книга*, *древний ящер*.

Занесите меня в *красную книгу*.

Положите на стол с зеленым сукном.

(Я вижу то, что вижу. К. Кинчев)

Костлявые дети пустыни

Стучатся в двери и просят *объедков*

Страна вымирает как *древний ящер*

С новым вирусом в клетках.

(Стриптиз. И. Кормильцев)

Метафорический образ *древнего ящера* характеризует немощ-

ность, обреченность, изоляцию человека в художественном мире рок-поэзии. Мотив обреченности подчеркивается алогизмом данного образа: *древний ящер* умирает от современного компьютерного вируса.

Категоричность данного образа, полное отрицание стремления к лучшему, невозможность движения, борьбы делает эти метафорические образы непродуктивными, так как рок-авторы верят в лучшее, они сохраняют веру в победу.

Типовые прагматические смыслы, формируемые метафорами данной группы, можно описать следующим образом: рок-герой – это кот, который гуляет сам по себе, завоевывает, метит свою территорию, он кажется свободным, но на самом деле он обречен, он немощен и ушербен, пока у него есть только вера и стремление.

МЫ

Для метафорического обозначения населения, жителей этого художественного мира, обычных людей («мы») рок-авторы чаще используют метафорические образы домашних животных, точнее домашнего скота: *домашний скот, свинья, козел*.

По больным местам, в упор, не глядя,

Нас бьют как *домашний скот*.

И мы растем послушным *стадом*,

Живем, как надо, поем, что надо,

Снизу вверх *затравленным* взглядом

Смотрим на тех, кто бьет.

(Выйти М. Борзыкин)

Прагматическую функцию в данном примере выполняет зооморфная метафора с инвективным характером – «*домашний скот*» – это безропотно подчиняющееся, затравленное существо, изначально обреченное быть жертвой, данный прагматический смысл подчеркивается и использованием таких метафор, как *стадо, затравленные*.

Живу в назойливом мире,

Красивых, правильных слов.

Здесь каждый в праве и силе

Пополнить *стадо ослов*.

(Живу в назойливом мире. Ю. Шевчук)

Жители этого мира обречены быть послушным стадом, они изначально лишены свободы – они *загнаны, затравлены, приручены, выдрессированы*.

Порой мне смешно смотреть,
Как толпы людей,
Обрекают на *плоть*
И ставят в *загон*.

(Манекен. К Кинчев)

Пока егеря не заманят *в сеть*,
Пока размалеванный цирк *не научит скульпить*,

(Солнце за нас. К. Кинчев)

Инвективный характер имеют и метафорические обозначения людей как *свиней* и *козлов*. Данное словоупотребление позволяет выразить «его», рок-героя грубое, неодобрительное, презрительное отношение к «нам», обычным людям, серой толпе. Лирический герой обращается к толпе, не иначе как к грязным, послушным, ленивым животным.

Свиньям нужен лидер
Чтоб сплотить их в ряды....
Ваш *козлиный* шабаш,
Наши способны унять.
Наши – это наши,
Тот, кто не с нами, тот труп.

(Звезда свиней К. Кинчев)

Немощность толпы, её бесполезная агрессии вызывает презрение рок-героя, для выражения которого авторы используют метафоры низших животных. Данные зооморфные метафоры носят эмотивный характер, то есть они служат не для создания и моделирования действительности, а для того, что перенести определенное эмоциональное отношение читателя к понятию-источнику на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова. Брезгливое отношение всякого человека к низшим тварям, желание отстраниться, избавиться от них переносится благодаря использованию метафоры на отношение к героям этого мира, не зависимо от того, кого положение они в нем занимают.

Около 80 % состава слота «Низшие животные» составляют метафорические образы насекомых: *тараканы*, *мухи*, подчеркивающие обыденность, бытовизм жизни большинства людей в этом мире, их неспособность к решительным действиям.

Я ползу по стене непокорным Тарзаном.
Тараканье желанье связав со своим,

Я метаюсь зеленой контуженной *мухой*

Между стеклами окон, похожих на стон.

Данные метафорические образы тесно связаны с такими прагматическими смыслами, как неспособность, немощность, актуализированными морбильными метафорами (*контуженный, стон*), и изоляция человека, замкнутого в между стекол окон, движения которого ограничены стеной.

Эмотивный характер имеют метафорические образы *жаб, червей, медуз, рыб*.

Скользкий как *медуза*, ненужный как обуза,

Он движется среди цветов и трав

(Соковыжиматель. К. Кинчев)

Время *червей* и *жаб*!

Время червей и жаб! слизь!

(Время менять имена. К. Кинчев)

Брезгливое отношение всякого человека к скользким, склизким тварям переносится благодаря использованию данных метафор на отношение к человеку в этом мире. Человек, не способный бороться, противен рок-автору.

Ряд метафор, используемых для обозначения толпы, в отличие от описанных выше, обладают агрессивно-прагматическим потенциалом, что противопоставляет рок-героя и «нас». Рок-героя уходит от прямой агрессии, остальные жители этого мира не знают другого способа защиты, они существуют по звериным законам, они и хищники и жертвы.

Пни, буреломы и рвы,

Да пьяной орды *хищный оскал*.

(Шабаш. К. Кинчев)

Наиболее ярким является образ *змеи*, который, с одной стороны подчеркивает опасность, которая угрожает каждому в этом мире: человек опасен для человека, он «враг, предатель», он «зол и язвитель» [Ожегов, 231].

Жало железом обив для войны,

Змеи гуляют, на воле сильны

(Змеи. А. Романов)

Милитарные метафоры, используемые в этом примере автором, подчеркивают агрессивность данных образов. Но агрессия, опасность этих образов обыденна для героев художественного мира рок-

культуры. Потому они и не страшны, лирический герой не прячется от них, он живет с ними.

Красные *змеи* пьют кофе в «бистро»,
Черные *змеи* ютятся в метро,
Сильные *змеи* сидят за стеклом,
Слабые *змеи* стоят в гастроном...

(Змеи. А. Романов)

Также необходимо отметить, что и метафорические образы хищников, используемые для наименования обычных людей, жителей этого мира, обладают прагматическим смыслом немощности, неспособности, обреченности. В «нас» зверь либо спит, либо он заперт, либо стар и не может больше сопротивляться.

Пожилые львицы, а также дебютантки,
Которых еще ждет успех.

(Салоны. Зоопарк)

Данная характеристика «нашей» немощности, обреченности, заложена в самом обществе, в самом мире. Люди не просто являются жертвами, их таковыми делают.

Попытайся стать *травоядным*
Соблюдая общественный порядок

(Привет тебе. В. Шумов)

В текстах русской рок-поэзии для обозначения обыденных людей – «нас» встречаются и образы птиц, но в отличие от описанных относительно лирического героя рок-поэзии, они не символизируют свободу: *павлин*, желающий казаться «важнее и значительнее, чем он есть на самом деле» [Ожегов, 488], *дятел*, *дрозд* – стукач, доносчик, предатель – характеризуют основу этого подлого мира.

Есть у павлина шикарный *хвост*,
Поет красиво какой-то *дрозд*,
И могут к солнцу *орлы* летать,
А *дятел* с детства привык стучать...

(Дятел. К. Кинчев)

Данные метафорические образы менее распространенные в рок-поэзии и не продуктивные, хотя они являются еще один выражение антиномий, характерных для русской рок-культуры. Только *орел*, только лирический герой, выражающий мышление автора, способен на действия, готов к борьбе, стремится к истине.

Типовые прагматические смыслы, формируемые метафорами

данной группы, можно описать следующим образом: мир, в котором живут люди, агрессивен, каждому необходимо защищаться, бороться за свою жизнь, но большинство жителей этого мира неспособны противостоять агрессии хищников-управляющих, они их жертвы, затравленные и прирученные, это объединяет их с рок-героями. Но в отличие от них толпы агрессивны и послушны. Рок-герой тоже лишен свободы, но он стремится к ней, только его способы менее агрессивны.

При анализе зооморфной модели мы выделили следующую особенность: рок-герой в данном случае предстает не как борец, а как носитель свободы, которая является не столько его идеалом, сколько некой внутренней основой, что и отличает его от остальных обитателей художественного мира рок-поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нежданова Н.К. Антиномичность как доминанта художественного мышления рок-поэтов // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сборник научных трудов. – Тверь 2000
2. Складневский Г.И. Метафора в системе языка. – СПб., 1993.

РАЗДЕЛ 3. ЛЕКСИКА И СТИЛИСТИКА

КЛИМОВА Л. В.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗОНЕ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (по данным лексикографии)

Исследования в области соотношения частотности и семантики – одно из активно разрабатываемых направлений лингвистики (П.М. Алексеев, Н.Л. Андреев, М.В.Арапов, Н.А. Баранова, И.Д. Белеева, Л.М. Васильев, В.Г. Гак, С.И. Гиндин, А.А. Кретов, Ф.Папп, Е.А.Нахимова, Р.Г.Пиотровский, А.А.Поликарпов, Ю.Тулдава и др.). Такие исследования дают важный материал для решения общетеоретических и прикладных проблем, они необходимы при составлении учебных словарей, при разработке учебников, лингвометодической адаптации текстов и др.

Одной из актуальных проблем современного языкознания является и изучение тенденций развития современного русского языка (Е.А. Земская, Ю.Н.Караулов, В.Г.Костомаров, Л.П. Крысин, М.В. Панов и др.). С этой точки зрения интересно рассмотреть произошедшие во второй половине XX века изменения в корпусе наиболее частотных слов русского языка. Для этого необходимо выявить инвентарь слов, покинувших зону высокой частотности и вошедших в эту зону, а также охарактеризовать преобразования внутри подзон слов с высокой частотностью.

До настоящего времени в качестве источника информации о частоте русских слов чаще всего использовался «Частотный словарь русского языка» под ред. Л.Н.Засориной (1977). Материалы этого словаря активно используются в целом ряде лингвистических исследований и лексикографических изданий. Однако следует учитывать, что этот словарь был составлен почти 40 лет назад, его частотный список значительно устарел: он соответствует частоте использования слов в период с 20-х до 60-х годов. В результате корпус включает большое число идеологических источников, например, произведения В.И.Ленина и М.И.Калинина, материалы съездов КПСС, передовые советских газет и др. Все это позволяет сделать вывод, что Частот-

ный словарь под ред. Л.Н. Засориной уже не вполне отражает современный этап развития русского языка.

В 2002 году в Интернете появился новый Частотный словарь русского языка С.А. Шарова. Как отмечено в предисловии, «словник этого словаря построен на основе представительного корпуса современного русского языка. Он включает в себя подборку современной прозы, политических мемуаров, современных газет и научно-популярной литературы (около 40 миллионов слов, проза составляет примерно чуть больше половины объема). Все тексты корпуса были написаны на русском языке в промежутке между 1970 и 2002 годом» (Шаров С.А., [www. artint.ru](http://www.artint.ru)).

В данной работе мы постараемся проследить за изменениями в составе высокочастотных русских имен существительных, относящихся к лексико-семантической группе (ЛСГ) «Метазнаки», во второй половине XX века. По нашим подсчетам ЛСГ «Метазнаки» составляет 38,7% от общего числа имен существительных с высокой частотой употребления в Частотном словаре под ред. Л.Н. Засориной и 33,3% от общего числа имен существительных с высокой частотой употребления в Частотном словаре С.А. Шарова. Эта лексико-семантическая группа оказывается самой большой по количеству слов среди высокочастотных имен существительных, что дает возможность предполагать, что имена существительные этой лексико-семантической группы являются наиболее употребительными.

Корпус анализируемых слов выявлялся по Частотному словарю русского языка под ред. Л. Н. Засориной (1977) и по Частотному словарю русского языка С.А. Шарова (2001). Классификация имен существительных по лексико-семантическим объединениям проводилась по первому значению слов в Малом академическом словаре современного русского языка (1981-1984).

Материалом для исследования послужили имена существительные с частотой употребления более 60 словоупотреблений, которые относятся к лексико-семантической группе «Метазнаки». В Частотном словаре русского языка под ред. Л.Н. Засориной таких слов 380, в Частотном словаре русского языка С.А. Шарова – 254.

Для более удобного анализа распределим исследуемые существительные по частотным зонам и представим в виде таблицы:

Таблица 1.

Частотные зоны имен существительных ЛСГ «Метазнаки»

Частотные зоны	Имена существительные ЛСГ «Метазнаки» из Частотного словаря под ред. Л.Н. Засориной (1977)	Имена существительные ЛСГ «Метазнаки» из Частотного словаря С.А. Шарова (2001)
Более 1000 с/у	7	5
701-1000 с/у	3	2
501-700 с/у	10	10
301-500 с/у	35	18
201-300 с/у	39	22
101-200 с/у	136	93
60-100 с/у	150	104
Всего слов	380	254

Представленная таблица показывает, что основная часть лексики распределена в частотных зонах 101-200 с/у и 60-100 с/у. К этим частотным зонам относится 75,3% имен существительных ЛСГ «Метазнаки» в Частотном словаре русского языка под ред. Л.Н. Засориной и 77,0% в Частотном словаре русского языка С.А. Шарова.

В ЛСГ «Метазнаки» к частотной зоне более 1000 словоупотреблений относятся 1,8% исследуемых слов в Частотном словаре русского языка под ред. Л.Н. Засориной и 1,9% в Частотном словаре русского языка С.А. Шарова.

В обоих словарях к частотной зоне более 1000 с/у относятся имена существительные *год* (2167с/у/2042,67 с/у) (первая цифра обозначает частотность в словаре Л.Н. Засориной, вторая – в словаре С.А. Шарова), *время* (1856 с/у/1862,46 с/у), *жизнь* (1547 с/у/1317,07 с/у), *день* (1345 с/у/1286,04 с/у). Имена существительные *свет* (1031с/у), *мир* (1038 с/у), *страна* (1084 с/у) в Частотном словаре 2001 года покинули эту зону, а существительное *раз* (1409,69 с/у) вошло в эту частотную зону.

К частотной зоне 701 – 1000 словоупотреблений в Частотном словаре под ред. Л.Н. Засориной относятся слова – *сила* (986 с/у), *ме-*

сто (979 с/у), лета (737 с/у), а в Частотном словаре русского языка С.А. Шарова – имена существительные *место* (935,42 с/у), *сторона* (772,97 с/у).

Начиная с частотной зоны 501–700 словоупотреблений количество слов в частотных зонах увеличивается. К частотной зоне 501-700 с/у в обоих словарях относится по десять слов, однако совпадают только два слова (*конец* (591 с/у/653,30 с/у), *вид* (558 с/у/557,57 с/у)). Кроме этих существительных, в Частотном словаре под ред. Л.Н. Засориной к данной частотной зоне относятся также существительные *путь* (619 с/у), *сторона* (616 с/у), *часть* (596 с/у), *наука* (581 с/у), *правда* (579 с/у), *партия* (532 с/у), *дорога* (521 с/у), *пора* (509 с/у), а в Частотном словаре С.А. Шарова – существительные *час* (643,82 с/у), *город* (630,59 с/у), *сила* (587,44 с/у), *случай* (579,24 с/у), *ночь* (577,71 с/у), *мир* (569,14 с/у), *ряд* (521,21 с/у), *начало* (515,95 с/у).

Таким образом, мы наблюдаем существенные изменения в составе наиболее высокочастотных имен существительных, относящихся к ЛСГ «Метазнаки»: в частотной зоне более 1000 с/у в Частотных словарях совпадает только четыре существительных (*год, время, жизнь, день*), в частотной зоне 701-1000 с/у – одно существительное (*место*), в частотной зоне 501-700 с/у – два слова (*конец, вид*). У этих имен существительных частота употребления изменилась, но в пределах одной частотной зоны. Остальные существительные изменили свою частотность, перейдя в другую частотную зону.

В частотных зонах 301-500 с/у, 201-300 с/у, 101-200 с/у и 60-100 с/у наблюдается существенная разница в количестве слов между двумя словарями. Так, в частотной зоне 301-500 с/у в том и в другом словаре встречаются имена существительные *комната* (496 с/у/420,89 с/у), *бог* (474 с/у/376,63 с/у), *имя* (442 с/у/324,36 с/у), *вечер* (385 с/у/391,01 с/у), *улица* (381 с/у/410,79 с/у), *душа* (376 с/у/402,03 с/у), *минута* (366 с/у/474,87 с/у), *право* (333 с/у/314,26 с/у). Эти слова, поменяв частоту употребления, остались в той же частотной зоне. Однако в Частотном словаре С.А. Шарова (2001) в частотной зоне 301-500 с/у появились существительные *правда* (468,51 с/у), *страна* (467,04 с/у), *свет* (463,86 с/у), *дорога* (458,16 с/у), *мысль* (351,35 с/у), *пора* (328,52 с/у), которые в Частотном словаре русского языка под ред. Л.Н. Засориной имели более высокую частоту употребления, а имя существительное *утро* (398,30 с/у), наоборот, повысило частотность по сравнению со словарем 1977 года.

В рассматриваемом словаре 86,2% существительных ЛСГ «Мета-знаки» распределены по частотным зонам 201 – 300 с/у, 101-200 с/у и 60-100 с/у. Среди этих слов 40,4% слов не поменяли свое местоположение в частотных зонах. В частотной зоне 201-300 с/у к числу таких слов относятся существительные *небо* (284 с/у/288,85 с/у), *смерть* (230 с/у/287,32 с/у), *неделя* (206 с/у/256,90 с/у), *группа* (244 с/у/235,60 с/у) и др. В частотной зоне 101-200 с/у совпадает 46 имен существительных (*край* (187 с/у/200,77 с/у), *судьба* (181 с/у/191,53 с/у), *деревня* (187 с/у/182,29 с/у), *кухня* (140 с/у/152,05 с/у), *метр* (171 с/у/149,95 с/у), *половина* (167 с/у/147,95 с/у), *идея* (196 с/у/146,48 с/у), *род* (138 с/у/145,13 с/у), *надежда* (134 с/у/143,17 с/у), *литература* (194 с/у/142,87 с/у), *роль* (113 с/у/141,58 с/у), *десяток* (178 с/у/135,64 с/у), *лето* (196 с/у/130,50 с/у), *свобода* (178 с/у/129,46 с/у) и т.д.). В состав этой частотной зоны по данным словаря С.А. Шарова вошли имена существительные *коридор* (161,78 с/у), *знать* (175,80 с/у), *этаж* (133,26 с/у), *лагерь* (118,08 с/у), *большинство* (112,44 с/у), *очко* (102,59 с/у), которые в словаре под ред. Л.Н. Засориной не относятся к числу высокочастотных слов.

К частотной зоне 60-100 с/у относится самое большое количество слов. Такие имена существительные, как *обстоятельство* (97,75 с/у), *запад* (94,20 с/у), *фраза* (90,22 с/у), *настроение* (84,16 с/у), *восток* (83,55 с/у), *красота* (81,72 с/у), *мороз* (80,00 с/у), *адрес* (79,94 с/у), *понятие* (78,23 с/у), *осень* (77,86 с/у), *горе* (75,41 с/у), *долг* (74,86 с/у), *добро* (73,15 с/у), *совесть* (72,05 с/у), *режим* (67,76 с/у), *истина* (66,35 с/у), *середина* (64,76 с/у), *остаток* (63,41 с/у), *полоса* (62,56 с/у), *сущность* (60,48 с/у) и др., находятся в частотной зоне 60-100 с/у в обоих Частотных словарях.

Пятнадцать слов, повысив свою частотность, вошли в состав этой частотной зоны в Частотном словаре С.А. Шарова. Это имена существительные *даль* (97,08 с/у), *эхо* (83,49 с/у), *миг* (83,19 с/у), *рада* (83,41 с/у), *мгновение* (80,80 с/у), *вариант* (77,49 с/у) и др. Отметим, что по данным словаря Л.Н. Засориной эти существительные не входят в состав высокочастотных слов.

Основной состав существительных частотной зоны 60-100 с/у в словаре С.А. Шарова – это слова, которые в сравнении с Частотным словарем Л.Н. Засориной понизили свою частотность (214 слов).

Наши подсчеты показали, что среди имен существительных ЛСГ «Метазнаки» в Частотном словаре русского языка С.А. Шарова

(2001) 106 слов остались в пределах той же частотной зоны, что и в Частотном словаре Л.Н. Засориной (1977). У 27 слов частотность по сравнению со словарем Л.Н. Засориной (1977) повысилась, а у 87 существительных частота употребления понизилась.

В Частотном словаре русского языка С.А. Шарова 86,6% имен существительных ЛСГ «Метазнаки» остались в зоне высокой частотности. Соответственно 34 слова (13,4%) в Частотном словаре русского языка С.А. Шарова вошли в эту зону, а 160 имен существительных (42,1%) из Частотного словаря под ред. Л.Н. Засориной покинули зону высокой частотности. Все это позволяет сделать вывод о том, что за прошедшие десятилетия состав наиболее частотных слов русского языка существенно изменился

Значительный интерес представляет вопрос о причинах расхождений между рассматриваемыми словарями в корпусе высокочастотных существительных.

Наиболее очевидны причины, по которым зону высокой частотности покинули советизмы, в том числе имена существительные *колхоз*, *коммунизм*, *коммунист*, *капитализм*, *совхоз*, *райком*, *большевик*, *империализм*, *пролетариат*, *эксплуатация*, *комсомолец*, *комсомол*, *комиссар*, *марксизм*, *капиталист*, *колхозник*, *пятилетка*, *пролетарий*, имена прилагательные *коммунистический*, *социалистический*, *революционный*, *буржуазный*, *партийный*, *комсомольский*, *ленинградский*, *пролетарский*. Многие из этих слов относятся к числу коммунистических идеологем [см. Н.А.Купина 1995], то есть употреблялись преимущественно в текстах, созданных на основе марксистской идеологии. В рамках демократической идеологии *капитализм* обычно называют *рыночной экономикой*, а *капиталистов* уважительно именуют *деловой элитой* или *бизнесменами*. Об *империализме* сейчас вспоминают только политики крайне левой ориентации, для правых бывшие империалисты – это союзники по борьбе с террористической угрозой. Слова *пятилетка*, *большевик*, *ленинградский* стали историзмами, возможно, что такая же судьба ожидает слова *колхоз* и *совхоз*. В связи с изменениями в обществе значительно сократилась частотность слов, отражающих сохраняющиеся, но уже не столь значимые для жизни общества реалии: *райком*, *эксплуатация*, *партийный* и др.

Значительное число слов, не будучи несомненными советизмами, отражают реалии, которые были в центре внимания прошлой эпохи,

а сейчас вызывают меньшее внимание общества. Примерами могут служить, например, следующие слова, частотность которых значительно понизилась.

Республика – Советский Союз состоял из пятнадцати союзных республик, которые ныне превратились в самостоятельные государства.

Собрание – сейчас на предприятиях и в учреждениях не проводятся партийные и комсомольские собрания, которые были важной частью политической жизни общества.

Коллектив – в советские времена коллективизму, жизни коллективов придавалось особое внимание.

Октябрь, май – высокая по сравнению с названиями других месяцев частотность этих слов была связана с тем, что этими словами обозначались главные государственные праздники.

К этой же группе можно отнести и такие слова, как *дружба, воспитание, ракета, разоружение, открытие, доклад, печать, комиссия, философия, агрессия, завоевание, экономия, профсоюз, медаль, братский, агрессивный*.

Заметно снизилась частотность целого ряда слов, отражающих производственную сферу деятельности: *строительство, промышленность, продукция, атом, трактор, пшеница, цех, лаборатория, станок, уголь, бригадир, металл, фабрика, оборудование, ремонт, атомный, электрический, сельскохозяйственный, производственный, ядерный*. Так уж случилось, что если в центре внимания публицистики советской эпохи (а, возможно, и общества в целом) были производственные процессы, то современная пресса преимущественно обращается к иным сферам деятельности, а это сказывается на частотности.

Следует отметить, что сократилась частотность целого ряда слов, относящихся к военной сфере: *флот, разоружение, бомба, битва, бронепоезд, дивизион, артиллерия, вооружение, винтовка, снаряд, крейсер, оборона, атака, пулемет, боец*. Возможно, это связано с тем, что постепенно теряют актуальность воспоминания о Великой Отечественной войне, все более скромными становятся праздники Победы и чествования ветеранов.

Вместе с тем во многих случаях трудно даже предположить, почему именно то или иное слово покинуло зону высокой частотности. Примерами могут служить такие лексические единицы, как *девять*,

шестой, мокрый, опытный, чудесный, белоснежный, пещера, самовар, пустыня, путешествие, чайка, чемпион. Не исключено, что вхождение или невхождение подобных слов в зону высокой частотности объясняется просто статистическими погрешностями или особенностями состава текстов, которые были отобраны автором для выявления частотности.

Не менее интересные результаты можно получить при изучении именной лексики, вошедшей в зону высокой частотности только в конце прошлого века и зафиксированной словарем С.А.Шарова.

Наличие или отсутствие некоторых слов в зоне высокой частотности объясняется исключительно лексикографическими причинами, спецификой отбора словника для того или иного словаря. Например, в словаре Л.Н.Засориной не фиксировались имена собственные, но в словаре С.А. Шарова они фиксируются, а поэтому среди наиболее частотных слов последнего словаря присутствуют такие, как *Россия, Москва, СССР, США, Америка, Германия, Европа, Париж, Дон* и др.

Иногда появление нового слова связано со специфической лингвистической квалификацией, которую дают авторы словаря тому или иному языковому явлению. Например, в словаре Л.Н.Засориной нет слова «ребята», а в словаре С.А.Шарова это слова зафиксировано среди самых частотных. Дело, видимо, в том, что в словаре Л.Н.Засориной зафиксировано как высокочастотное слово «ребенок», которое имеет форму множественного числа «ребята». Но в словаре С.А.Шарова слова «ребята» и «ребенок» представлены как отдельные лексические единицы.

В словаре С.А.Шарова активнее, чем в словаре Л.Н.Засориной представлена сфера развлечений: к ней относятся в частности, следующие слова, повысившие частотность, *вино, сигарета, пиво, ресторан, артист, актер, кино, телевизор, экран.* Можно предположить, что названная сфера активнее отображается в текстах конца XX века.

Увеличилась частотность и ряда слов, относящихся к сфере болезней и медицины: это такие слова, как *заболевание, лечение, операция, больница, боль.* Видимо, эта сфера в современных текстах представлена больше, чем в текстах предшествующего периода, что отражает естественное внимание людей к здоровью.

Заметно повышение частотности лексики, относящейся к криминальной сфере: в рассматриваемую зону вошли такие слова, как

убийство, труп, преступление, жертва, камера, тюрьма, следователь. Чаще стали использоваться и некоторые слова, относящиеся к экономической лексике: *банк, фирма, рынок.* Активизацию криминальной и экономической лексики можно объяснить социальными изменениями в обществе, теми сложностями, которые встретились на пути страны в рыночной экономике.

Возможно, с современным состоянием общества как-то связан и тот факт, что среди увеличивших частотность имен прилагательных особенно много слов, обозначающих негативную оценку людей и их поступков. К этой группе относятся такие слова, как *страшный, пришлый, пошлый, грязный, нервный, печальный, глухой, сумасшедший, несчастный, вынужденный, стыдный.* В современных текстах значительное внимание уделяется теневым сторонам жизни общества, ушел в прошлое казенный оптимизм, и это находит косвенное отражение в частотном словаре.

Следует отметить, что в словаре С.А.Шарова значительно полнее представлены слова, обозначающие бытовые явления (одежду, пищу, домашнюю утварь и т.п.): примером могут служить такие повысившие частотность слова, как *одежда, костюм, еда, мясо, постель, сумка, масло, кофе, итаны, дача, шкаф, куртка, рубашка, плац, пиджак, ткань, тарелка.* Активизировались и прилагательные, обозначающие личные качества людей, их признаки, свойства бытовых предметов: *домашний, одетый, столовый, бледный, седой, мужской, пожилой, довольный, одинокий.* Возможно, в современных текстах, послуживших основой выборки для указанного словаря, значительно большее внимание стало уделяться частной жизни человека, его быту. Можно предположить, что по этой же причине более активно стали проникать в зону высокой частотности наименования частей человеческого тела (*живот, легкое, горло, бровь, локоть*), а также слова, обозначающие объекты из ментальной сферы «Живая природа» (*кошка, кот, волк, муха, обезьяна, хвост, лапа*).

Вместе с тем во многих случаях трудно с достаточной долей уверенности предположить, почему именно то или иное слово повысило частотность. Примерами могут служить такие лексические единицы, как *трое, громкий, восточный, вождь, пастух, куча* и др. Подобные слова, как представляется, не связаны напрямую с изменениями, которые произошли в социальной, экономической или культурной жизни нашей страны за последние десятилетия. Возможно, попада-

ние или непопадание подобных слов в зону высокой частотности объясняется просто статистическими погрешностями или особенностями состава текстов, которые были отобраны автором для выявления частотности.

В целом сопоставление двух словарей созданных в интервале четверть века, позволяет сделать вывод, что существенно изменился корпус слов, у которых повысилась или понизилась частотность, и эти преобразования отражают социальные и иные изменения, произошедшие в нашем обществе, хотя связь между динамикой социальных процессов и содержанием словаря далеко не всегда очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н.Л. Распределительный словарь и семантические поля // Статистико-комбинаторное моделирование языков. М.-Л., 1965.
2. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988.
3. Белеева И.Д. Лексико-семантические свойства русских и французских существительных с развитой многозначностью// Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества/Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. В. И. Томашпольский, А. П. Чудинов.- Екатеринбург, 2000.- Т.4.
4. Кретов А.А. Принципы выделения ядра лексико-семантической системы // Семантика слова и синтаксические конструкции. Воронеж, 1987.
5. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург - Пермь, 1995.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1981-1984.
7. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
8. Частотный словарь русского языка ок. 4000 слов / под ред. Засориной. М. изд-во "Русский язык" 1977.
9. Чудинова Е.А. Широко развитая многозначность в лексике современного русского языка (лингвостатистическое исследование по данным лексикографии). Автореф. дис... канд. филол. наук. Пермь, 1998.
10. Шаров С.А. Частотный словарь русского языка. 2002//www.artint.ru/projects/frqulist.asp

ХАСАНИНА Г.В.

**ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТ
В МЕТАЯЗЫКЕ ЛИНГВИСТИКИ**

«Поскольку терминология лингвистики не является рационально организованной, семиотически безупречной системой, - указывает О.С.Ахманова [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 509], - в языкознании постоянно существует проблема упорядочения терминологии».

С подобным положением мы столкнулись в нашем исследовании, по отношению к термину **терминоэлемент**, в связи с чем возникла необходимость уточнения того метаязыкового понятия, которое вкладывается в этот термин.

Само понятие **терминоэлемент** ввел в научный оборот Д.С. Лотте, основоположник отечественно школы терминоведения, в 1931 году, в связи с работой по упорядочению научно-технической терминологии [Лотте, 1931], в которой пишет: «Подавляющее большинство терминов составлено из других терминов и слов, имеющих одно или несколько самостоятельных значений. Например, в термине *Hilfs [trag]achse* мы распознаем три самостоятельных (корневых) слова: *Hilfs* от *helfen*, *trag* от *tragen* и *Achse*. Соответственно термин *Cas[fus]hebel* может быть расчленен на также три слова: *Cas*, *Fus* и *Hebel*. **Коробка передач** дает два самостоятельных слова: «коробка» и «передач» и т.д. Эти слова (иногда они в свою очередь являются терминами, например, “*Achse*”, «передача») в известном сочетании при помощи так называемых формальных принадлежностей слов и служебных слов образуют простые или сложные термины и могут быть названы **терминоэлементами** (выделено нами – Г.Х.). Анализ совокупностей терминов, применяемых в автоделе, показывает, какие слова и в каком значении привлечены для формации терминов, т.е. являются терминоэлементами» [Лотте, 1931:VII].

Как видим, в этом пространном описании дается довольно неопределенное представление о терминоэлементе. Далее в цикле работ в этом направлении Д.С.Лотте в 30-е и 40-е годы XX века постепенно уточнял это понятие:

2. «Каждый сложный термин состоит из нескольких терминоэлементов, имеющих самостоятельное значение [Лотте, 1939:12].

3. «Например, терминоэлемент **удельный** в связи с разными другими терминоэлементами дает термину различные специализированные значения» [1941:63].

4. «Всякое потенциальное заимствование должно быть «расчленено» на самостоятельные значащие терминоэлементы – распозна-

ваемые корневые основы и аффиксы» [Лотте, 1982].

Как видим, Д.С. Лотте интуитивно пытался найти в терминологическом элементе какую-то среднюю величину, которая позволила бы ему интегрировать это понятие в ономазиологические и формально ортологические представления ученого о сущности термина. Однако его представления были, как видим, противоречивы, и эксплицированной дефиниции терминологического элемента он не дает.

В 60-70 годы Комитет научно-технической терминологии (КТТ) уточнил это понятие через дефиницию: «**минимальная единица, имеющая терминологическое значение**» [Краткое методическое пособие..., 1979:35].

Как видим, это определение исходит из понимания **терминологического элемента** как двусторонней единицы. К сожалению, в работах Д.С. Лотте и КТТ нет четкого разъяснения того, что понимается под словами: «**имеющая терминологическое значение**», или «**с явно выраженным терминологическим значением**» [Лотте, 1961:85]. Наоборот, пример с термином **магнитность** [Лотте, 1961:85] показывает неоднородность морфологических компонентов термина в плане терминологичности. Если первый компонент **магнит** – номинативен и потому бесспорно терминологичен, то другие компоненты – **н** – **ость** всего лишь комбинация обычных словообразовательных суффиксов русского языка. Значение, вносимое этими суффиксами в терминологические дериваты, ничем не отличается от значений этих формантов в производных словах общего языка – «**отвлеченное качество**». Поэтому такие элементы сами по себе не способны придать слову терминологический характер: они принадлежат грамматическому фонду общего языка. А поскольку любая конкретная терминология формируется в рамках национального языка, то она, естественно, остается в рамках его грамматики. Именно потому «грамматика внелексична, явление терминологизации в собственном смысле ограничивается лексическими элементами (лексемами), которые, действительно, переходя в сферу терминологии, существенно меняют свое положение» [Суперанская и др., 1989:100-101]. Более того, само понятие **терминологическое значение** до сих пор является неопределенным, доказательством чего является его недифинированность в словарях и справочниках. Следовательно, определение терминологического элемента через терминологическое значение следует счи-

тать *definitio par definiendum*.

Кроме того, неясным является и объем этого понятия. Определение терминологического элемента у Т.Л. Канделаки, которое сам автор считает уточнением определения Д.С.Лотте, в сущности, можно рассматривать как его «расшифровку»: терминологические элементы по Т.Л. Канделаки, - «это значащие части терминов, обусловленные признаками выражаемого термином понятия» [Канделаки, 1967:38].

В отношении объема понятия **терминологический элемент** подобное уточнение сделано В.П. Даниленко, которая под ним подразумевает «широкое понятие, включающее в себя на равных основаниях производящую основу, словообразующую морфему (аффиксы), слово в составе сложных слов и словосочетаний, символы в составе символов» [Даниленко, 1977:37].

Как видим, из этого определения следует, терминологическим элементом считается **любой структурный компонент термина** (выделено нами – Г.Х.) – от морфемы до целого слова или условного знака. Еще более определенно выразился В.Н.Немченко: «Терминологический элемент. Одна из составных частей термина (однословного или многословного) [Немченко, 1995:224] и М.И. Фомина [Фомина, 1983:176-177].

Дальнейшая попытка уточнения понятия **терминологический элемент** была предпринята в 80-е годы В.М. Лейчиком. Говоря о сущности термина и терминологического элемента, В.М. Лейчик соотносит их с двумя языковыми планами. Из его изложения следует, что единицей плана содержания термина является понятие, которому в плане выражения соответствует терминологический элемент: «наименьшая единица плана выражения термина получила название терминологического элемента» [Лейчик, 1981:65].

Следуя логике этого определения, мы должны заключить, что, поскольку в плане выражения термин разложен на ряд терминологических элементов, то и в плане содержания он должен разлагаться на ряд понятий. Получается, что функцией обозначения понятия обладает не термин, а терминологический элемент. В этом случае неясно, как определить значение термина по отношению к значениям его компонентов. С одной стороны, терминологическому элементу приписывается определенное понятие, с другой стороны, он определяется как единица плана выражения, как бы отчуждаемая от плана термина. Такая критика содержится в ряде работ [Суперанская, Подольская, Васильева, 1989:101-

102].

В практических терминологических исследованиях преобладает мнение о том, что «понятие терминоэлемента должно распространяться только на латино-греческие компоненты в искусственно созданных терминах», сформированное в работе по общей терминологии [Суперанская, Подольская, Васильева, 1989:102].

На таком понимании базируются работы, выполненные в русле проблем международной стандартизации терминологии [Вюстер, 1935; Дрезен, 1936; Григорьев, 1959; Акуленко, 1969, 1977 и др.].

И в этом есть логика, поскольку греко-латинские терминоэлементы составляют особый нейтральный терминологический фонд: не принадлежа теперь ни к какому живому языку, они тем самым в равной степени принадлежат всем языкам или, по крайней мере, языкам, входящим в европейский лингвокультурный ареал. Это дает возможность бытования терминов, образованных с использованием греко-латинских терминоэлементов, адаптированных к принимающему языку, что приводит к развитию «интернациональной» терминологической семантики, благодаря которой «национальная форма во многих случаях выражает интернациональное содержание» [Володина, 1993:5-6].

В 90-е годы к проблеме сущности терминоэлемента обращается В.Ф. Новодранова: «Терминоэлемент – это регулярно повторяющийся и воспроизводимый элемент производных терминов, который, как правило, занимает определенное место в структуре термина и передает достаточно стабильное обобщенное значение» [Новодранова, 1994:47]. Это определение получило поддержку и терминологов [Казарина, 1998:80; Татаринов, 1996:205], которые считают, что будущее за этим определением. Однако и у Татаринова остается непоясненным вопрос об объеме этого терминируемого понятия. При этом большинство исследователей подчеркивают специализацию греко-латинских терминоэлементов на материале разных терминосистем: ономастической [Суперанская, Подольская, Васильева, 1989]; русской и английской строительной [Гринев, 1993]; медицинской [Казарина, 1998]; лингвистической [Куликова, Салмина, 2002].

Опираясь на анализируемый этими и другими исследователями материал, можно прийти к выводу о том, что объем терминируемого понятия **терминоэлемент** осмысливается широко, хотя и не эксплицируется в дефинициях, кроме уже названных нами выше [Даниленко,

1977; Фомина, 1983; Немченко, 1995].

В таком понимании будут использоваться и в нашем исследовании терминоэлементы, которые предстают как конститутивные двусторонние единицы в составе терминов-номенов латинизированного семантического метаязыка агрономии.

При этом выделяем три группы латинизированных терминоэлементов.

Первая – латинизированные терминоэлементы, выделяемые посредством морфологического (точнее – морфемного) и морфоподобного членения структуры термина-номена, нескольких разновидностей.

А. С м ы с л о в ы е терминоэлементы, сохраняющие свое «первичное» исконное значение, вытекающее из латинского слова – этимона, например, **P s e d o m e r i d i o n a l e** (сравни: Meridionale); **P s e u d o h o s t i a n u m** (ср.: Hostianum) – в названиях разновидностей пшениц, где префиксоидный терминоэлемент имеет значение «л о ж н ы й».

Как видим, данный терминоэлемент в отличие от целого термина-номена не выражает понятия, а лишь обобщенно указывает на определенное место в терминологическом (номенклатурном) поле.

Б. П о л у с м ы с л о в ы е латинские терминоэлементы до известной степени сохраняют свое исконное значение, но не лексическое, а таксономическое: указывают на определенное терминологическое поле, например: **S u b g r a e s u m** (ср.:

G r a e s u m); **S u b e r y t h r o s p e r m u m** (ср.: Erythrosperrum), где префиксальный терминоэлемент имеет обобщенное значение «под», указывающее на подвид данной пшеницы.

В. С л у ж е б н ы е с п е ц и а л и з и р о в а н н ы е терминоэлементы имеют только общее таксономическое указание; например, конечные терминоэлементы-форманты указывают: - o p h i t a (**M a g n o l i o p h i t a**) – на отдел растения; o p s i d a (**L i l e o p s i d a**) – на класс растения; - i d e a (**M a g n o l i i d a e**) – подкласс растения; - a l o s (**P o a l o s**) – порядок растения; - a c e a e (**P o a c e a e**) – семейство растения и т.д.

Сюда же можно отнести еще одну группу служебных специализированных терминоэлементов, служащих специфическим способом кодирования иерархических (подчинительных) отношений в латинизированном семантическом подязыке агрономии. Это терми-

ноэлементы типа: **sp.** (species – вид); **subsp.** (subspecies – подвид); **gen.** (genus – род); **subgen.** (subgenus – подрод); **or.** (ordo – порядок); **subor.** (subordo – подпорядок); **cl.** (classis – класс); **trib.** (tribus – колено, триба); **var.** (varietas – разновидность) и др.

Г. Чисто грамматические служебные терминыэлементы, например, между фамилиями двух авторов, впервые описавших какой-либо род или вид растения используется латинский союз **et** (и) (*Triticum armeniacum* Thum. et Fl.), или **et al.** (и другие). Безусловно, используются и формообразующие форманты латинской грамматики, манифестированные в бинарных латинизированных номинациях метаязыка агрономии, которые могут быть, как исключение, терминологическими только в случае их специализации.

Т **h** **u** **m.** **e** **t** **F** **l.**), или **et al.** (и другие). Безусловно, используются и формообразующие форманты латинской грамматики, манифестированные в бинарных латинизированных номинациях метаязыка агрономии, которые могут быть, как исключение, терминологическими только в случае их специализации.

Вторая группа – латинские терминыэлементы, выделяемые в результате синтаксического членения составного термина, например, *Triticum* (пшеница) + *durum* (твердая) – вид пшеницы; *Avena* (овес) + *sativa* (посевной) – вид овса; *Secale* (рожь) + *vulgare* (обыкновенная) – вид ржи и т.д.

Третья группа – терминыэлементы, выделяемые посредством изобразительно-графического членения, при котором в составе термина оказываются символы, имеющие логико-графическое выражение, например, $\propto$ – отношение; Π – отношение и т.д. в математической логике. Наименования, включающие в себя эту разновидность терминыэлементов, В.П. Дашленко очень удачно назвала символо-словами [Дашленко, 1977:108]. В нашем материале эти универсальные терминыэлементы встречаются в текстах довольно редко.

Итак, анализ дефиниций исследователей 30-90-х гг. XX века и начала нашего века, а также поисковый анализ нашего материала позволяют в качестве рабочего определения терминыэлемента сформулировать следующее: **терминыэлемент** – это регулярно повторяющийся и воспроизводимый элемент производных терминов (однословных и составных), который занимает определенное место в структуре термина и передает обобщенно-специализированное значение, обусловленное одним из признаков выражаемого термином понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В. Типы интернациональной общности знаков в лексике языков // Национальное и интернациональное в литературе и языке. – Кишинев, 1969.
2. Акуленко В.В. Научно-техническая революция и проблема интернациональной терминологии // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. – М.: Наука, 1977. – с.73-84.
3. Ахманова О.С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685с.
4. Васильева Н.В. К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминоэлементов в лингвистической терминологии // Вопр. языкознания. – 1983. - №3.
5. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1993. – 112с.
6. Вюстер Е. Международная стандартизация языка и техники / Пер. с нем.-М.; Л.: Стандартгиз, 1935.- 303с.
7. Григорьев В.П. Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке // Вопр. языкознания . М. – 1959.- №1.
8. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: Моск. Лицей, 1993, - 309с.
9. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 245с.
10. Дрезен Э.К. Интернационализация научно-технической терминологии. – М.; Л., Стандартгиз, 1936.
11. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий: Монография. – Краснодар: Кубанск. гос. мед. академия, 1998. – 276с.
12. Канделаки Т.Л. Об одном типе словаря международных терминоэлементов // Филол. науки. – НДВШ, М., 1967. - №2.
13. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1979. – 125с.
14. Куликова И.С., Салмина Д.В. введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты в лингвистической терминологии). – Спб: Сага, 2002. – 352с.
15. Лейчин В.М. Особенности теоретических и прикладных ме-

тодов, применяемых в терминоведении // Научно-техническая терминология. – 1984. – Вып.7. – с.3-8.

16. Лотте Д.С. Очередные задачи технической терминологии // Изв. АН СССР. – Сер. VII Отделение общ-х наук. – 1931. - №7. – с.883-891.

17. Лотте Д.С. Стандартизация терминов // Вестник стандартизации. – 1939. - №4-5. – с.3-18.

18. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 117с.

19. Лотте Д.С. Изменение значений слов как средство образования научно-технических терминов // Основы построения научно-технической терминологии. – М.: АН СССР, 1961. – с.53-56.

20. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – 149с.

21. Немченко В.Н. Основные понятия лексикологии в терминах: Учебный словарь-справочник. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1995. – 251с.

22. Новодранова В.Ф. Еще раз о статусе терминологического элемента // Терминоведение. – 1994. – Вып.1, с.45-49.

23. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246с.

24. Татаринов В.А. Теория терминоведения: В 3 т. Т 1. Теория термина: история и современное состояние. – М.: Моск. Лицей, 1996. – 311с.

25. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – 2-е изд. М.: Высшая школа, 1983.

МАКЕЕВА С.О. НАЗВАНИЯ УПРАЖНЕНИЙ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Названия упражнений являются частью понятийного аппарата методики преподавания иностранных языков и в количественном отношении являются наиболее значительной группой специальной лексики данной сферы профессиональной коммуникации. Для **справочных пособий методических рекомендаций** данные специальные единицы выступают как текстообразующие.

Методические справочные пособия как сфера функционирования новых наименований упражнений заслуживают особого внимания. В профессиональной коммуникации они решают две задачи: позволя-

ют, во-первых, обобщить опыт преподавания ведущих учителей в той или иной проблемной области; во-вторых, способствуют увеличению деловых контактов между представителями профессиональной группы - учителями английского языка. Новое упражнение в данных условиях рассматривается как рационализаторская разработка, требующая обязательного указания на авторство. Текст справочного пособия, с одной стороны, имеет жесткую вертикальную и горизонтальную структуру, организующими элементами которой являются базовые понятия методики: *принцип, метод, прием, средство, система, упражнение*. С другой стороны, строительными элементами данного текста выступают микростатьи - презентации новых упражнений, представляющие собой самостоятельное законченное произведение: имеющие заглавие (специальная единица - название упражнения) и собственно описание, которое является своеобразной развернутой дефиницией данной специальной единицы. Особенности идиолекта авторов полностью сохранены, что делает текст сборника стилистически аморфным, неоднородным. Структура наименований упражнений при этом отличается большим разнообразием: названиями упражнений могут выступать однолексемные специальные единицы, словосочетания, деепричастные обороты, эллиптические конструкции и, наконец, фрагменты текста - цельнооформленные предложения, имеющие субъект и предикат. Вместе с тем, они воспринимаются, вне зависимости от структуры, именно как *единицы ЯСЦ*, и отвечают критериям терминологичности [см. Лейчик 1981]:

- * дефинитивности, так как микростатья является дефиницией нового наименования;

- * вхождения, так как микростатья содержит указания на место упражнения в *методической системе*;

- * концептуальной целостности - наблюдается семантический сдвиг в одной или нескольких сочетающихся лексемах;

- * трансформации, так как словосочетания лексически неразложимы.

Сама структура текста методического справочника, его дискретный характер, напоминает организацию специального словаря.

Динамика вхождения специальных единиц - наименований упражнений столь же уникальна, как и поливариантность их структуры. В силу этого рассмотрение данного пласта специальной лексики

только с лингвистических позиций не представляется плодотворным. Нами была предпринята попытка рассмотреть наименования упражнений с позиций прагматики: вычленить ряд мотивов, влияющих на предпочтение той или иной формы наименования; обозначить факторы, способные увеличить “коммуникативную привлекательность” окказионализмов в общении и способствовать вхождению новой единицы в профессиональный дискурс.

При создании нового специального обозначения для какого-либо упражнения любой преподаватель будет, возможно неосознанно, руководствоваться следующими требованиями:

1) Новое упражнение должно стать педагогически востребованным;

2) Наименование должно обладать инструктивной ценностью, прозрачностью, легкой узнаваемостью для учащихся, деятельность которых данное упражнение организует.

Начнем со второго пункта, так как именно на уроке проверяется “жизнеспособность” новых упражнений. В данном контексте существует несколько методических принципов, которые находят отражение в структуре самого наименования:

а) принцип языковой экономии в установке на деятельность;

б) принцип языковой доступности (*sheltered English*) и эталонности;

в) принцип коммуникативной привлекательности самого наименования, способность обеспечить мотивацию учащихся.

Принцип языковой экономии: презентация любого упражнения, в методическом пособии или непосредственно на уроке, сопровождается описанием способа выполнения (*procedure*). Теоретически, мы можем предложить весьма разнообразный набор правил и инструкций. Тем не менее в случае, если учащиеся незнакомы с “правилами игры”, нарушается дидактический принцип “одной трудности”: учащиеся вынуждены осваивать не только новый языковой материал, но и новую деятельность. В данном случае преподаватель предпочитает обратиться к реестру действий и операций (в том числе игровых), уже знакомых учащимся. Старое наименование сохранено, но наполняется новым содержанием. Отсюда высокая продуктивность таких способов словообразования, как сужение, специализация значения и метонимический перенос: (*Sea Battle, Noughts and Crosses, Swings, Jigsaw, Hide-and-Seek, See-Saw, Tug-of-*

War, Bingo, The Odd Man out, Pyramid game etc.) Как правило, исходные наименования являются одноклассными или устойчивыми словосочетаниями.

Принцип языковой доступности, эталонности: основной задачей при создании данной группы наименований является задача избежать употребления незнакомых для учащихся слов и стремление предоставить образец ключевой фразы или зачина, являющихся грамматическим эталоном для учащихся. Соблюдение данного принципа приводит к созданию громоздких конструкций, где наименование упражнения выглядит, как цельнооформленное предложение: *What am I holding in my hand? You touch your back, I'll touch yours; If I remember it rightly...; that's the way...; Touch it!...*

Принцип коммуникативной привлекательности: мотивирующим для учащихся наименование будет в том случае, если в нем отражены “привлекательные” условия протекания деятельности: эвристичность, соревновательность, интерактивность, элементы игры и драматизации. Отсюда, элементы ‘discover’, ‘investigation’, ‘explore’ ‘...the quickest’, ‘smart’, ‘imagine’, ‘dream’, ‘together’ следует рассматривать как своеобразные прагмемы, сигналы актуальности.

Данные принципы будут соблюдаться и в профессиональном дискурсе, так как новое наименование осваивается с внутренней установкой на обучающую деятельность. Помимо этого, на динамику вхождения нового наименования в профессиональный дискурс будет оказывать влияние ряд параметров, имеющих отношение к элементам структуры понятия ‘activity’, вне зависимости от языкового оформления наименования. Данные элементы структуры находят отражение в любой микростатье - презентации нового упражнения:

- Level (age);
- time allotment;
- aim (purpose);
- preparation;
- In Class (procedure).

Разумеется, нельзя утверждать, что существует методическое наполнение, делающее упражнение привлекательным для всех без исключения преподавателей. Много будет зависеть от конкретной учебной ситуации, обучающего стиля и т.д. Можно говорить о тенденциях, условиях, при соблюдении которых упражнение *скорее все-*

го будет включено в “меню” учителя-практика, а новое наименование войдет в его профессиональный идиолект. Такими тенденциями являются: а) универсальность, возможность внедрения при любом уровне подготовки; б) **время протекания** от 5 до 20 минут, поскольку урок имеет жесткие временные рамки, в которых “меню” должно быть как можно более разнообразно; в) **Задача** - опрос преподавателей выявил предпочтение тем упражнениям, которые позволяют достичь логичного перехода между звеньями урока (*continuity*); г) **подготовка** - предпочтение, естественно, отдается упражнениям, специальной подготовки не требующим. Таким образом, в самой статье - презентации содержатся по меньшей мере 4 параметра оценки, влияющие на динамику вхождения нового наименования в профессиональный дискурс: *For all levels; 5-20 minutes; No preparation*, а также *linking*. Последний элемент реализуется как тематическое поле “Связь, связующий”, в репрезентации: *bridge the gap, passover activity, connection, to span, unite, lockstep, etc.* Способом формирования ценностного суждения выступают т-элементы *cooperative, collaborative, peer-interactive*, выступающие текстовыми синонимами ‘*up-to-date*’, ‘*contemporary*’ - ключевыми в шкале прагматической оценки для учителей-практиков США и Великобритании [Также см. Макеева, 2002].

Еще один немаловажный параметр неявной оценки - **воспроизводимость** как основа любой методической технологии, передается посредством грамматической структуры наименования; отсюда предпочтение конструкторов (G+O) передающих значение неоднократно: *Rediscovering the circle, Becoming a picture, Matching, Looping, Cubing, Meditating, Previewing, Fantasizing, Modelling*.

Вышеперечисленные тенденции в большой мере находят свое отражение и в РЯ профессиональной коммуникации, так как происходит активное заимствование методического опыта ESL. Вместе с тем в продуцировании новых наименований упражнений есть ряд особенностей. В русском языке термину ‘*activity*’ могут соответствовать *упражнение, игра-соревнование* и *игровое упражнение*. При презентации *упражнений*, как правило, отсутствует собственно наименование (заголовок микростатьи); упражнение вводится предложением или серией предложений, где сказуемое выражено глаголом в повелительном наклонении либо неопределенной формой глагола (*Посмотрите..., Назовите..., Заполните..., выбрать...*). Фактически,

обозначение упражнения совпадает с описанием *хода работы* (procedure).

Что же касается *игры* и *игрового упражнения*, то сами термины используются сплошь и рядом некорректно, так как игра-соревнование, в отличие от упражнения в игровой форме, обладает следующими фиксированными чертами:

- 1) Приоритет развивающей/ воспитательной цели над обучающей;
- 2) Наличие жюри, правил подсчета баллов;
- 3) Наличие этапа подведения итогов, награждение победителя и пр.

Если данные признаки игровой деятельности отсутствуют, корректнее говорить об *упражнениях в игровой форме*. Тенденция подменять одно понятие другим находит отражение и в обозначениях, где актуализируются конститuentы “ориентация на результат” + “наличие победителя” (глагол сов.вида + степени сравнения прилагательных):

Кто быстрее?

Кто правильнее прочитает?

Кто составит больше предложений?

Чье письмо лучше? И т.д.

В названиях упражнений в игровой форме прослеживаются тенденции:

- 1) Между *упражнениями* и *игровыми упражнениями* ставится знак равенства: в данном случае наименование совпадает с укороченным описанием хода работы: *Запомни движения..., Найди общие признаки, Найдите противоположные по значению слова, Выполни и передай задание.*

2) Принцип языковой экономии в установке на деятельность: превалирует опора не на знакомую деятельность, как в АЯ, а на знакомый контекст ситуации. Нам удалось выделить большую группу наименований, являющихся ответом на вопросы *Где? Когда? (В клубе филателистов, Неделя в Москве, Необитаемый остров, В космосе, Уикенд, Магазин готовой одежды и пр.)*

3) Принцип языковой доступности реализуется за счет дублирующего перевода в преобладающем количестве случаев. Что касается *эталонности*, то наряду со способами, выделенными и в АЯ, заметное место занимает группа обозначений **по языковому напол-**

нению упражнений (Глаголы и наречия, Сделали-делаем-сделаем, Много/ Мало, Слушать-смотреть-осознать-вспоминать, Продолженное время и пр.). Возможно, данный факт свидетельствует на большем внимании методистов к отрабатываемому языковому материалу, а не речевому продукту.

4) Принцип коммуникативной привлекательности: прагмемами, которые нам удалось выделить, являются “любимый”, “свой/наш”, “секретный/ криминальный и “уличный”(?! (Биография прохожего, уличный сонар, путешествие по улицам, уличная реклама, Старый трамвай, Наш двор и т.п.), причем упражнения являются универсальными и не предназначены для отработки темы “Город”. Является ли последняя прагмема попыткой инграциации подростков, в основе которой лежит дихотомия педагогики **школа/улица**?

Структура микростатьи, “вводящей” новое упражнение, заметно отличается от АЯ традиции. В РЯ методических пособиях в настоящее время для презентации упражнения обязательными элементами являются лишь “цель” и “ход работы”, причем “цель” зачастую подменяется формулировкой цели урока, элементом которого данное упражнение выступает. Отсюда, микростатья в РЯ может и не содержать релевантной информации, позволяющей составить оценочное суждение. Как показывает опрос респондентов, суждение формируется посредством ввода прилагательных субъективной оценки *хорошее упражнение, эффективное упражнение*. Определенными сигналами, свидетельствующими о методической ценности упражнения, являются *коммуникативное упражнение, активизация, и игровой*.

Сопоставительная характеристика микростатей-презентаций новых упражнений была бы неполной без определения их общей информационной программы. Программа англоязычной микростатьи может быть отнесена к прагматическому подвиду в силу уровня вербальной экспликации *адресата* - **YOU** (*you can include... you need..., you'll find it*), высокой частотности модальных конструкций с общим значением совета, рекомендации (*you may find it... you can easily...*). Русскоязычные аналоги реализуют **рациональную** программу: текстовая организация идентична должностной инструкции, *профессиональные контакты* зачастую не прогнозируются [См. также: Макеева, 2003].

Вышеизложенные наблюдения являются *попыткой* установить

зависимость динамики вхождения наименований новых упражнений в профессиональный дискурс от языкового оформления данных обозначений; представить краткое описание экстралингвистических факторов, влияющих на выбор той или иной формы обозначения в *массовом* профессиональном языковом творчестве. Наименования упражнений как пласт профессиональной лексики заслуживают подробного изучения, так как являются одной из наиболее подвижных, пластичных групп профессиональной лексики. Анализ их структуры позволит сделать определенные выводы как о методических приоритетах преподавателей, так и о структуре ценностей и мотивов ученической аудитории в АЯ и РЯ педагогических контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейчик В.М. Некоторые вопросы упорядочения, стандартизации и использования научно-технической терминологии // Термин и слово. Межвуз.сб.науч.тр.- Горький, 1981.С.121-128.

2. Макеева С.О. Сопоставительное исследование терминологии сферы образования в аспекте прагматики и субъективной модальности. Автореф.дис.канд.филол.наук. - Екатеринбург, 2002. - 20 с.

3. Макеева С.О. Термины профессиональной сферы образования в дейктической функции // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал.гос.пед.ун-т; Отв.ред. В.И. Томашпольский/ А.П.Чудинов. Екатеринбург, 2003. Т.10. С.107-117.

4. Настольная книга преподавателя иностранного языка. Справочное пособие. - Минск: “Вышэйшая школа”, 1996, 1998, 2001.

5. Creative English Teaching Forum. Activities / Editor Thomas Kral, Washington, 1993-1998.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ОПУБЛИКОВАННЫХ СТАТЕЙ

АЛЕКСЕЕВА Лариса Михайловна – заведующий кафедрой английской филологии Пермского государственного университета.

АНДРЕЕВА Кира Алексеевна – профессор кафедры английского языка Тюменского государственного университета.

АНТОНОВА Светлана Михайловна – доцент Гродненского госу-

дарственного университета.

КЛИМОВА Лариса Владимировна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

КРАСИЛЬНИКОВА Наталья Алексеевна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

ЛАССАН Элеонора Руфимовна – профессор заведующий кафедрой языкознания Вильнюсского государственного университета.

МАКЕЕВА Светлана Олеговна – доцент, заведующий кафедрой английского языка УрГПУ.

МУХИН Николай Юрьевич - доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в спецшколе Института специального образования УрГПУ.

НАУМОВА Ирина Олеговна – заведующий кафедрой иностранных языков Харьковской государственной академии городского хозяйства.

ПОПОВА Эльвира Юрьевна – доцент кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

СМУЛАКОВСКАЯ Раиса Леонидовна – профессор кафедры русского языка и общего языкознания Череповецкого государственного университета.

СОРОКИНА Мария Владимировна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

СУЛИМОВ Владимир Александрович,

ФАДЕЕВА Ирина Евгеньевна – доценты кафедры культурологи Коми государственного университета.

ХАБИБРАХМАНОВА Юлия Ринатовна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

ХАСАНШИНА Галина Валерьевна – старший преподаватель кафедры общей лингвистики Института международных связей.

ЧЕРНЯК Валентина Даниловна – профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета.

ЧУДАКОВА Неля Михайловна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.

ЧУДИНОВ Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и культуры речи УрГПУ.

ШЕХТМАН Наталья Георгиевна – аспирант кафедры риторики и

культуры речи УрГПУ.

ШИНКАРЕНКОВА Мария Борисовна – аспирант кафедры риторики и культуры речи УрГПУ.